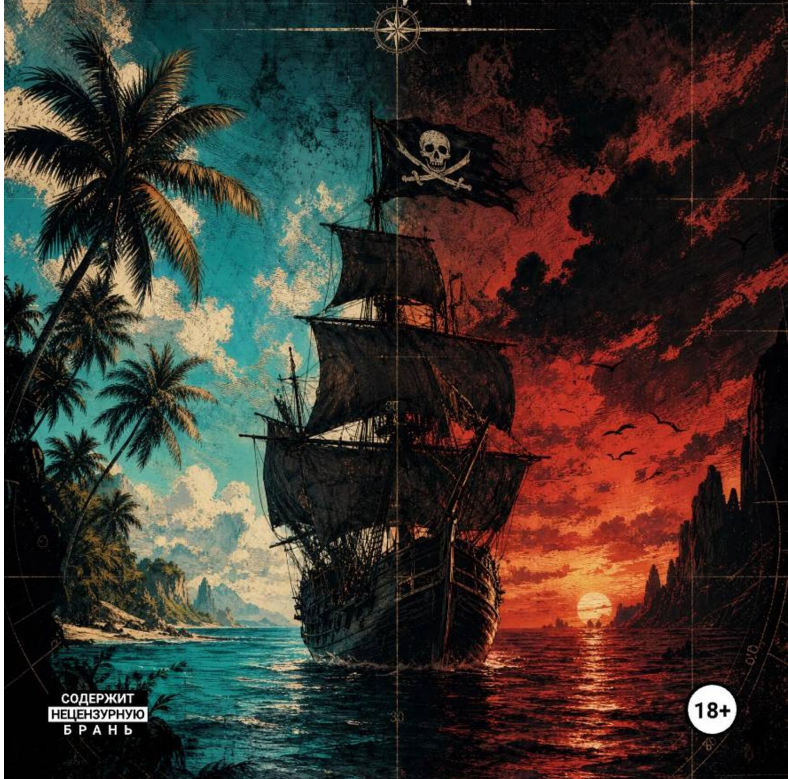

БЕЛЯНОВ ПАВЕЛ

ЧЕРНЫЙ МЕРИДИАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Белянов

Чёрный Меридиан

<https://litres.ru/74509757>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алексей просто хотел поднять со дна старую медную трубу.

Вместо этого он открыл глаза на палубе корабля посреди abordaжа. На дворе 1718 год, вокруг стреляют, режут друг друга и почему-то называют его капитаном Натаниэлем Роу.

Чужое имя, чужое тело и чужая команда, которая уверена, что знает своего капитана гораздо лучше, чем он сам.

Единственная зацепка Лёши, это странная карта, которая меняется по ночам. Она ведёт через пиратские порты, забытые острова и старые корабельные журналы к месту, которого нет ни на одной обычной карте.

К Чёрному меридиану.

Содержание

Глава 1. До пятницы	4
Глава 2. На дне	18
Глава 3. Карта	36
Глава 4. Абордаж	46
Глава 5. Капитан	65
Глава 6. Журнал Роу	82
Глава 7. Порт-Мерси	100
Глава 8. Святой Иуда	119
Глава 9. Двенадцать дней	129
Глава 10. Своей рукой	143
Глава 11. Без огней	161
Глава 12. Восток-юго-восток	185
Глава 13. Не забуду	207
Глава 14. Цена карты	224

Павел Белянов

Черный Меридиан

Глава 1. До пятницы

Когда я вышел на кухню, Соня сидела на полу перед открытым холодильником, поджав под себя ноги в полосатых носках.

Я остановился в дверях.

— Ты чего там делаешь?

Она даже не обернулась.

— Ищу сыр.

— А глазами нельзя?

— Я глазами и ищу.

На микроволновке было без пятнадцати семь. Мне выходить через двадцать минут, Оле ещё раньше, а ребёнок сидит в носках на холодном полу и по одной переставляет банки на нижней полке. Там с августа стояла тёщина смородина, которую никто так и не открыл, и Соня зачем-то взяла её в руки и долго разглядывала.

Я обошел ее сбоку и достал сыр из дверцы. Соня посмотрела на пачку с большим подозрением.

— Его там вчера не было.

— Он там третий день лежит.

— Нет.

— Ладно. За ночь появился.

Она забрала пачку и полезла на стул.

На столе остывала моя яичница. Рядом стояла кружка кофе с таким количеством молока, что это мог быть только Олин кофе. Наверное, сделала себе, отпила и оставила мне. Я не стал спрашивать и выпил.

Оля в это время бегала между спальней и ванной. Судя по тому, как хлопали дверцы шкафа, что-то у неё не находилось.

— Лёш, ты мою зарядку не брал?

— Какую?

Из коридора показалась её голова, причёсанная с одной стороны.

— Белую. От телефона. У меня их много, что ли?

— На тумбочке глянь.

— На тумбочке я смотрела.

— Значит, Соня утащила.

— Я ничего не брала! — возмутилась Соня с набитым ртом.

— Да шучу я.

— Очень смешно, — сказала Оля и ушла обратно.

Я сел есть. Соня откусывала сыр прямо от бруска, и на нём оставались ровные следы от зубов.

— Нож для слабаков?

Она пожала плечами и откусила ещё.

На дверце холодильника под магнитом с черепахой висело расписание её класса. Я всю неделю ходил мимо и ни разу его толком не прочитал. А сегодня почему-то увидел пятницу. Её обвели красным фломастером столько раз, что бумага там стала волнистой.

«18:00. Актальный зал».

Оля пришла на кухню, когда я доедал. Она была уже одета и держала ключи. Положила перед Соней резинку для волос, собрала со стола крошки в ладонь и сказала, не поворачиваясь ко мне:

— Только не звони мне в пятницу в четыре и не говори, что у вас там что-то нашли и ты остаёшься на работе.

— Не позвоню.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Она поставила тарелку в раковину, открыла кран и почти сразу закрыла. Потом повернулась.

— Лёш, она вчера спрашивала, придёшь ты или нет. И позавчера. Я ей говорю, что придёшь, ты же сказал. А если ты не придёшь, получится, что обманула её я.

Соня сидела напротив и очень внимательно смотрела в свой сыр.

Я отложил вилку.

— Оль, там работы на два дня. Сегодня спускаемся, смотрим корпус. Завтра, если надо будет, ещё раз спустимся, и домой. Всё.

— В прошлый раз тоже было «всё». А потом вы там три дня резали эту сваю.

— Потому что заказчик прямо на месте передумал. Я-то тут при чём?

— Да ни при чём ты, — сказала она и потёрла лоб. — Просто не обещай ей того, что от тебя не зависит.

Спорить с этим я не мог, и меня это злило. Я повернулся к Соне.

— Слышала? Мама говорит, что мне вообще ничего нельзя тебе обещать.

Оля хлопнула меня полотенцем по плечу.

— Не переводи стрелки.

Соня приснула.

— Пап, я там не одна пою. Нас целый хор.

— Ну и отлично. Если опоздаю, никто и не заметит.

Она сразу перестала смеяться.

— Я замечу.

Сказала спокойно, даже не надулась. Я бы предпочёл, чтобы надулась, тогда я хотя бы знал, что говорить дальше.

— Да приду я, Сонь.

Оля вздохнула и ничего не ответила.

Мы с ней уже не раз об этом говорили. У меня на работе планы съезжают постоянно, иногда по нашей вине, но чаще нет. Под водой редко бывает так, как нарисовано в бумагах. А заказчику всё равно, куда ты собирался вечером, если у него на дне лежит дорогая железяка и каждый день простоя

стоит больше, чем я получаю за год. Оля всё это знала не хуже меня. Объяснять Соне, почему папы опять нет, было не легче.

Телефон на столе завибрировал. Писал Серёга:

«Мы тебя ждём или без начальства уезжаем?»

И сразу следом:

«Кофе возьми. В автомате опять эта моча».

Я посмотрел на часы и быстро доел.

— Всё, я побежал.

— Жилет не забудь, — сказала Оля.

— Какой жилет?

Она так и застыла с кружкой. Посмотрела на Соню, Соня на неё, и потом обе уставились на меня.

— А, для концерта.

— Господи, Лёша. Ты же сам сказал, что заедешь за ним в четверг.

— Да помню я. Просто из головы вылетело.

Соня уже слезала со стула.

— Я покажу, какой надо!

— Сонь, мне правда пора.

— Две секунды!

И убежала в комнату.

Я посмотрел на Олю.

— Прямо сейчас обязательно?

— Сам виноват. Сказал бы сразу, что опаздываешь.

— Я не опаздываю.

Телефон опять зажужжал.

Оля хмыкнула.

— Ну да.

Соня прибежала с телефоном и сунула его мне почти в лицо. На фотографии девочки из класса стояли на сцене в белых рубашках и тёмно-синих жилетах. Соня была третья слева и смотрела куда-то на потолок.

— Вот. Мы все такие будем. Только у мальчиков другие рубашки.

— Красиво.

— Ты даже не посмотрел.

— Смотрю.

Я взял у неё телефон, увеличил фотографию и посмотрел как следует.

— А синий обязательно?

— Это не синий. Это морской.

— А, понял. Это меняет дело.

Соня забрала телефон.

— В шесть.

— В шесть.

— Не в семь, пап.

— Сонь, я запомнил.

Но до прихожей она меня всё равно проводила.

Рабочая сумка стояла у двери с вечера. Я проверил молнию, сунул телефон во внутренний карман и уже открывал дверь, когда Оля позвала из кухни:

— Лёш.

Я обернулся.

— Что?

Она стояла в проёме. Мне показалось, что она хочет что-то сказать, но она только махнула рукой.

— Ничего. Напиши, как доедете.

— Напишу.

Я присел перед Соней на корточки.

— Давай, пап. Пока.

Она быстро обняла меня за шею и тут же отпустила.

— Не забудь, ладно?

— Не забуду, доча.

На лестнице я думал совсем не про работу. Я вспоминал, где у меня голубая рубашка, в которой я собирался идти на концерт. Кажется, Оля весной отнесла её в химчистку, и я не был уверен, что её оттуда кто-нибудь забрал.

Серёга стоял у ворот базы с бумажным стаканом и смотрел на меня так, будто я лично испортил ему утро.

— Где кофе?

Я закрыл машину.

— Ты же пьёшь.

— Это Витка принёс, себе.

— А ты отжал.

— Я попросил, — поправил Серёга.

Он отпил и скривился.

— Холодный. И с сахаром. Я сто раз говорил, что пью без

сахара.

— Тяжело тебе. Только кофе-то не твой. Витька, может, с сахаром любит.

— Тебе смешно, ты дома позавтракал.

Витька курил у микроавтобуса, прислонившись к двери. Он был старше нас обоих, ему скоро пятьдесят, и последние лет десять он всем говорил, что вот-вот бросит. Сигарету он по привычке держал огоньком в ладонь, хотя никакого ветра не было.

— Лёха, скажи ему, что это мой кофе.

— Это его кофе, — сказал я Серёге.

Витька кивнул.

— Слыхал?

Серёга подумал и посмотрел на стакан.

— Уже мой.

— Чтоб ты подавился, — сказал Витька без всякой злости и махнул рукой.

Я открыл заднюю дверь. Баллоны стояли в стойке, ящики с инструментом были притянуты ремнями, а сверху кучей валялись два гидрокостюма.

— Кто их так бросил?

Серёга вдруг стал разглядывать забор.

— Я просто спрашиваю.

— А я просто не знаю.

— Ты вчера последний грузился.

Серёга вздохнул.

— Ну, значит, я.

Он поставил стакан на бампер и полез складывать костюмы. Потом мы ещё раз проверили всё снаряжение. Собирали мы его ещё вечером, но я перед выездом всегда пробегаю список заново с тех пор, как мы однажды приехали на объект без запасной маски. Регуляторы, маски, запасные шланги, фонари, связь, ножи, инструмент. Камера лежала отдельно, в ящике с поролоном.

Витька докурил и заглянул мне через плечо.

— Болгарку взяли?

— Взяли.

— А удлинитель?

Я посмотрел на него.

— Под воду?

— Ты дурак, что ли? Для генератора.

Серёга захохотал из салона.

— Лёх, запиши: Витьку спускать с удлинителем.

— С вами, дебилами, я больше никуда не поеду, — сказал

Витька.

Сказал совершенно спокойно. Я слышал это от него раз пятьдесят и ни разу он после этого никуда не отказался ехать.

Минут через десять выехали.

За руль сел Серёга, я рядом. Витька сзади надел наушники и сразу закрыл глаза. Он умеет спать где угодно и я ему в этом немного завидую.

Город ещё толком не проснулся. На остановках стояли лю-

ди, у пекарни разгружали лотки, дворники сгребали к бордюрам мокрые листья. Над дорогой висела лёгкая дымка, как всегда в сентябре, когда ночью уже холодно.

Телефон в кармане завибрировал.

Оля прислала фотографию. Белая зарядка на тумбочке.

«На тумбочке».

И ещё:

«Как ты и говорил».

Я написал:

«Она просто маскировалась».

Она ответила почти сразу:

«Очень смешно))»

— Опять получил? — спросил Серёга, не отрываясь от дороги.

— С чего ты взял?

— У тебя лицо такое.

— Какое?

— Семейное, — сказал Серёга.

— На дорогу смотри.

— Смотрю я. Мне просто интересно, ты в пятницу идёшь или опять мы все будем виноваты?

Я повернулся к нему.

— А ты откуда про пятницу знаешь?

— Ты ж сам вчера рассказывал. У дочки выступление.

— Я рассказывал?

— Пока баллоны набивали. Минут десять, не меньше. И

ещё сказал, что Оля тебя убьёт, если задержимся.

Я этого разговора совсем не помнил.

— Значит, не задерживаемся.

— Я только за. У меня в субботу баня.

Витька подал голос сзади, так и не открыв глаз:

— Ради бани он домой хоть вплавь доберётся. А на чужого ребёнка ему плевать.

Серёга посмотрел на него в зеркало.

— Не на чужого, а на Лёхиного.

— Я и говорю. Для тебя он чужой.

— Спасибо, Вить, — сказал я.

— Обращайся.

Минут двадцать потом ехали молча.

К причалу приехали в начале девятого. Катер уже стоял у пирса. Обычный рабочий катер, краска на рубке облезла, вдоль бортов висят старые покрышки. На корме под брезентом место для оборудования, в носу маленькая каюта. Вчетвером там сидеть можно, но куртку уже не снимешь.

Пока парковались, я написал Оле: «На месте». Она прочитала и ничего не ответила.

У борта стоял Антон, от заказчика. Я видел его второй раз в жизни. Молодой, в новенькой непромокаемой куртке, у которой ещё торчала на рукаве нитка от бирки.

— Доброе утро. Всё готово?

— Если погода не подведёт.

Антон посмотрел на воду.

— По прогнозу до обеда тихо.

— По прогнозу всегда тихо, пока гидрик не наденешь.

Он улыбнулся, но, по-моему, не понял, шучу я или нет.

Ребята начали таскать ящики, а я отвёл Антона в сторону.

— Со вчерашнего дня что-то изменилось?

— Нет. Буй на месте, координаты те же. Наши утром выходили, проверяли.

— Течение?

— Слабое.

— Видимость?

Антон замялся.

— Не знаю.

— Ну, значит, узнаем.

Он достал из папки распечатку с отметками. Я разложил её на планшуре, прижал углы ладонями и ещё раз посмотрел схему.

Судно лежало неглубоко, метрах на двадцати с небольшим, и осталось от него немного. На предварительной съёмке из грунта торчало несколько деревянных шпангоутов, кусок обшивки и какая-то железка, наполовину ушедшая в ил. Нам нужно было пройти участок, снять видео, оценить состояние и посмотреть, нет ли дальше больших кусков корпуса. На бумаге работы было немного, но на бумаге её всегда немного.

Первым шёл я. Начальство тут ни при чём, мы ещё вчера так решили.

Мимо с баллоном прошёл Серёга, отдуваясь.

— Если там сундук с золотом, делим на троих.

За ним Витька нёс бухту кабеля.

— На четверых.

Серёга обернулся.

— Антону-то за что?

— Какому Антону. Мне две доли.

— С какой это радости?

— А ты думал, я тут бесплатно курю?

Я свернул распечатку.

— Найдём золото, первым делом купим Серёге нормальный кофе.

— С пенкой, — уточнил Серёга.

— На кокосовом еще. Без лактозы.

— Смейтесь, а я бы выпил.

Переодевались уже на катере, когда отошли от причала и встали у буя. Пока натягивали костюмы, ещё перешучивались. Потом взялись за снаряжение и как-то сами замолчали. Серёга проверил мой регулятор, я его. Витька подключил связь и пару раз щёлкнул фонарём.

У нас всегда так: пока никто не лезет в воду, всем весело, а потом уже не до шуток.

Я сел на край кормы, надел ласты и опустил маску. Серёга поправил кабель связи у меня за плечом, чтобы не перекрутился.

— Связь.

— Слышу.

— Ещё раз.

— Слышу нормально.

Серёга показал большой палец.

Я посмотрел на воду. Солнце уже встало, а вода тут всё равно была тёмная, почти чёрная. У борта плавали жёлтые листья и мусор, а дальше было гладко, ни ряби.

Антон стоял под навесом и держал планшет обеими руками.

— Сколько это займёт?

— Вынырну, скажу.

Я встал, взял в рот загубник, прижал маску рукой и шагнул с кормы.

Холодная вода ударила по плечам и сразу залезла под воротник. Секунду я слышал только своё дыхание и пузыри. Потом в наушнике затрещало, и Серёга спросил:

— Лёх, как слышно?

Я развернулся к катеру. Снизу его днище было просто тёмным пятном.

— Нормально. Начинаю спуск.

От буя вниз уходил спусковой конец. Я взялся за него и посмотрел вниз. Метров через пять трос уже терялся в зеленоватой мути.

Я стравил воздух из жилета и пошёл вниз.

Глава 2. На дне

Первые метры я спускался медленно. После десяти метров вода стала заметно холоднее. Я продулся ещё раз, проверил манометр и посмотрел вниз.

Видимость оказалась лучше, чем я ожидал. Метра три, может четыре. Свет сверху почти исчез, но фонаря хватало. В его луче крутилась мелкая взвесь, иногда попадались листья и куски травы, непонятно как занесённые сюда с берега.

— Глубина двенадцать, — сказал я.

В наушнике ответил Витька:

— Принял. Как течение?

Я отпустил трос и вытянул руку в сторону. Меня немного повело.

— Есть, но слабое. Работать можно.

Спусковой конец уходил дальше. Через несколько метров подо мной начал проступать грунт. Сначала я увидел светлое пятно песка, потом тёмные полосы дерева.

— Вижу объект.

— Камеру включил? — спросил Витька.

Я проверил индикатор.

— Пишет.

На дне было двадцать два метра.

Я остановился чуть выше грунта, чтобы не поднять лишний ил, и осмотрелся. От корабля действительно осталось

немного. Несколько шпангоутов торчали из песка, часть бор-та лежала набок. Всё дерево потемнело и местами заросло. Если не знать, что ищешь, можно пройти в десяти метрах и решить, что на дне просто валяется какой-то мусор.

Я подвёл камеру к ближайшему шпангоуту.

— Показываю первый участок. Дерево целое, но верхняя часть разрушена. Следов свежего повреждения не вижу.

— Принял, — ответил Витька. — Дай ближе.

Я провёл камерой вдоль дерева.

Работа пошла привычно и банально. Снять общий план, приблизиться, показать соединение, отойти. Проверить руками то, что плохо видно. Если ничего интересного, двигать-ся дальше.

Минут через пять я дошёл до железяки, которую было видно на предварительной съёмке. Она почти полностью сидела в грунте. Я расчистил край перчаткой.

— Антон рядом? — спросил я.

— Тут он, — ответил Витька.

Через секунду в наушнике появился голос Антона:

— Да, я слышу.

— Железо нашли. На якорь не похоже. Снимать грунт будем или пока только фиксируем?

— Только фиксируем. Ничего не трогайте.

Я посмотрел на свою руку, которой только что уже успел расчистить сантиметров двадцать.

— Поздно.

На поверхности кто-то засмеялся.

— Совсем чуть-чуть можно, — сказал Антон. — Главное ничего не вытаскивайте.

— Вот теперь понятно.

Я снял железяку с нескольких сторон и пошёл дальше.

За корпусом дно немного уходило вниз. Здесь деревья было больше. Один длинный кусок обшивки лежал под углом и держался на двух шпангоутах. Под ним образовалась щель, куда свободно проходила рука.

Я посветил внутрь.

Пусто.

Хотел уже двигаться дальше, но в самом конце луч зацепил что-то зелёное.

Я подвёл фонарь ближе.

— Есть предмет.

— Что там? — сразу спросил Витька.

— Пока не знаю.

Я опустился ниже и заглянул под доску.

Предмет лежал в песке почти целиком. Снаружи торчал один конец, покрытый зелёным налётом. Сначала я решил, что это кусок трубы. Потом увидел ровный край и крышку.

— Похоже на металлический цилиндр. Сантиметров тридцать, может больше.

— Современный?

— Минуту.

Я попробовал провести пальцем по поверхности. Налёт

местами осыпался, под ним показался тёмный металл.

Медь.

По крайней мере, очень похоже.

Я подвинул камеру ближе.

— Видно?

Несколько секунд никто не отвечал.

Потом Витька сказал:

— Видно. Антон тут уже слюной планшет залил.

— Очень смешно, — ответил Антон. — Алексей, не вытаскивайте пока.

— Я и не собирался.

На самом деле собирался. По тому, как цилиндр лежал, можно было спокойно достать его рукой. Но я убрал пальцы и сначала снял всё вокруг.

Предмет находился между двумя досками. Рядом ничего похожего не было. Ни креплений, ни других металлических деталей. Он лежал отдельно.

— Нужно понять, свободно он лежит или чем-то прижат, — сказал я.

Антон помолчал.

— Хорошо. Только аккуратно.

Я взялся за выступающий конец и слегка потянул.

Не получилось.

Попробовал раскатать. Снизу поднялось немного песка. Через пару движений цилиндр сдвинулся на сантиметр.

— Сидит в грунте.

— Может, оставить его лучше? — спросил Витька.

Я ещё раз посветил на место.

— Если сейчас оставим, потом всё равно придётся за ним лезть отдельно.

Антон вмешался:

— Давайте достанем. Если двигается свободно, поднимайте.

Я убрал камеру чуть в сторону, чтобы было видно руки. Пальцами расчистил песок возле цилиндра, потом снова потянул.

На этот раз было легче.

Я ожидал, что предмет будет тяжёлым, но он почти сразу освободился и лёг мне в ладонь. Длина примерно с предплечье, диаметр сантиметров восемь. На обоих концах крышки. Одна помята, другая целая.

— Достал.

— Покажи ближе, — сказал Антон.

Я повернул цилиндр перед камерой.

Под зелёным налётом местами проступал металл. На боку шла тонкая линия, похожая на орнамент или надпись, но разобрать её под водой было невозможно.

— Тубус какой-то, — сказал Витька.

— Похоже.

— Открывать не вздумай, — быстро добавил Антон.

— Я под водой крышки двухсотлетним банкам обычно не откручиваю.

— Я на всякий случай.

Я сунул находку в сетчатую сумку и закрепил карабином на поясе.

Оставшуюся часть корпуса прошёл ещё минут за пятнадцать. Ничего похожего больше не нашлось. Пара железных деталей, кусок керамики, несколько гвоздей. Всё снял и ничего не трогал.

Воздуха оставалось достаточно, но делать на дне уже было нечего.

— Осмотр закончил. Поднимаюсь.

— Принял, — ответил Витька. — Серёга готовится на второй спуск.

Я дошёл до троса и начал подъём.

После дна вода наверху показалась почти светлой. На пяти метрах я остановился, проверил время и повис рядом с тросом. Сумка с цилиндром болталась у бедра. Я придержал её рукой, чтобы не цеплялась.

— Что там хоть? — спросил Серёга по связи.

— Не знаю.

— Золото?

— Конечно. В медной колбасе.

— Уже лучше, чем ничего.

Я посмотрел вверх. Днище катера просматривалось над головой, рядом с ним шевелились тени.

Через несколько минут я показался у борта.

Серёга первым схватил меня за жилет.

— Давай сюда.

— Подожди, сумка.

Витька наклонился и взял её раньше, чем я успел поднять-
ся.

— Аккуратно с ней, — сказал Антон.

— Да держу я.

Я снял ласты и забрался на корму. После воды баллон сразу потянул назад. Серёга помог расстегнуть ремень.

Антон уже стоял над сумкой.

— Можно?

— Ты же заказчик.

Он достал цилиндр обеими руками и положил на резиновый коврик.

На воздухе зелёный налёт был виден гораздо лучше. Медный тубус потемнел почти до чёрного, только на выступах проступал знакомый зеленоватый цвет. Крышка с одного края была вдавлена внутрь.

Серёга присел рядом.

— Ну всё. Сейчас откроем, там карта сокровищ.

Витька посмотрел на него.

— Там твой нормальный кофе. Его двести лет везли.

— Тогда не трогайте. Я сам.

Антон даже не улыбнулся. Он достал телефон и начал снимать находку со всех сторон.

Я снял маску, вытер лицо полотенцем и подошёл ближе.

На боку тубуса под налётом действительно что-то было.

Я провёл пальцем по металлу, потом вытер грязь о край полотенца.

Показалась короткая царапина. Рядом ещё одна.
Не буквы.

По крайней мере, на первый взгляд.

— Открывать здесь будем? — спросил я.

Антон покачал головой.

— Нет. Сначала оформим находку, сфотографируем нормально. Потом посмотрим.

Серёга вздохнул.

— Вот так всегда. Найдёшь клад, а тебе говорят бумажки заполнять.

Я сел на скамью и начал расстёгивать костюм.

— Иди ныряй. Может, второй клад найдёшь.

— Если найду, вам не скажу.

— Камера покажет.

Серёга посмотрел на камеру у меня на груди.

— Точно. Надо было раньше об этом подумать.

Пока он готовился к спуску, я ещё раз посмотрел на тубус.

Обычная старая медяшка. Таких вещей из воды поднимали и поинтереснее.

Только лежала она слишком уж аккуратно.

Отдельно от всего остального, под доской, где её вряд ли могло так оставить течение.

Серёга ушёл под воду минут через двадцать.

Я к тому времени уже переоделся и сидел под навесом с

кружкой чая. Костюм висел на поручне рядом. Вода стекала с него прямо на палубу, и Витька дважды обещал выкинуть его за борт, если я не перестану устраивать болото возле кабелей.

Антон всё ещё возился с тубусом.

Он положил его в пластиковый контейнер, подложил снизу старое полотенце и теперь фотографировал чуть ли не каждый сантиметр.

— Ты его до дыр снимешь, — сказал я.

— Мне потом объяснять, в каком состоянии мы его подняли.

— Мы?

Антон посмотрел на меня.

— Хорошо. В каком состоянии ты его поднял.

— Так лучше.

Из динамика на столе донёсся голос Серёги:

— Я всё слышу вообще-то. Может, работать дадите?

Витька подвинулся к пульту.

— Работай. Никто тебя не держит.

— Я вот сейчас найду второй.

— Найди сначала корабль.

— Очень смешно.

Я допил чай и подошёл к экрану. На картинке с камеры было видно дно и светлое пятно фонаря. Серёга двигался немного правее моего маршрута и периодически останавливался возле крупных деталей.

Погода пока держалась. Катер слегка покачивало, но ничего серьёзного.

Антон закончил с фотографиями и сел рядом с контейнером.

— Сколько лет ему может быть?

— Мне откуда знать?

— Ну ты же постоянно всякое непонятное поднимаешь.

— Я водолаз, Антон. Не археолог.

— Хотя бы примерно.

Я посмотрел на тубус.

— Старый.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Он достал телефон.

— Я фотографии отправил нашему специалисту. Посмотрим, что скажет.

— У вас специалист прямо сидит и ждёт, когда мы что-нибудь найдём?

— Археолог. Мы его привлекали ещё по обследованию участка.

— Тогда понятно.

Через несколько минут телефон у него зазвонил. Антон отошёл к носу. Я разговора почти не слышал, только отдельные слова. Он несколько раз переспросил, потом вернулся.

— Сказал пока не вскрывать.

— Разумно.

— Завтра утром сможет приехать.

Я посмотрел на контейнер.

— А сегодня с ним что?

— Заберём на берег. У нас там помещение есть.

— Сухое?

Антон задумался.

— Офис обычный.

— Вот именно. Эта штука двести лет в воде пролежала, а мы сейчас положим её возле батареи.

Он нахмурился.

— И что предлагаешь?

— Ничего пока. Просто не надо её сушить. Закрой контейнер и оставь как есть. Ваш археолог завтра сам разберётся.

Антон кивнул.

На этом вопрос вроде закрыли.

Серёга вернулся почти через сорок минут. Второгоклада не нашёл и был этим заметно недоволен.

— Там ещё кусок борта метров через десять, — сказал он, стягивая маску. — Я его снял. И всё. Можно было меня вообще не гонять.

— Тебе полезно.

— Мне полезно было бы сейчас вообще дома лежать и пердеть, попивая пивас.

Витька помог ему снять баллон.

— В баню готовишься?

— До субботы ещё дожить надо.

Мы переглянулись и засмеялись.

Антон подошёл с планшетом.

— По работе всё?

Я посмотрел на Серёгу.

— Всё?

— Я бы ещё справа метров пять прошёл, но там уже пусто.

— Тогда всё.

До причала шли минут двадцать. Я сидел у борта и заполнял журнал погружений. Время, глубина, условия, что нашли, что сняли. Серёга рядом ел бутерброд и пытался подсматривать.

— Напиши, что я обнаружил неизвестную часть корпуса.

— Ты обнаружил доску.

— Историческую доску.

— Очень историческую.

— Лёш, ну мне для отчётности.

— Какой ещё отчётности?

Он пожал плечами.

— Мало ли.

У причала Антон первым забрал контейнер с находкой. Я помог выгрузить оборудование, потом мы втроем потащили всё к микроавтобусу.

На берегу стало теплее. Я снял куртку и бросил её на переднее сиденье.

— Куда теперь? — спросил Серёга.

— На базу.

— А поесть?

— После базы.

— Ты с утра злой какой-то.

— Ты с утра голодный какой-то.

— Потому что кофе отобрали.

Витька захлопнул заднюю дверь.

— Ты сам его выпил.

— Вот именно. Отобрали возможность насладиться.

Антон догнал нас уже возле машины.

— Алексей, подожди.

Я остановился.

Он держал контейнер обеими руками.

— Археолог ещё раз позвонил. Говорит, лучше вообще ничего с ним до завтра не делать. У нас помещение на причале сегодня закрывают в пять. Можно у вас оставить?

— У нас где?

— На вашей базе. Там же кто-то будет?

— Охрана будет.

— Мне главное, чтобы никто его не трогал.

Серёга высунулся из машины.

— Мы вообще люди ответственные.

Антон посмотрел на него и почему-то не ответил.

Я взял контейнер.

— Оставим в инструментальной. Там сухо и никто не полезет.

— Только не возле отопления.

— Да, конечно.

— И не открывать.

— Антон.

— Всё, молчу.

Мы уехали.

На базу вернулись около двух. Пока разгрузились, пока развесили костюмы, пока Витька обнаружил, что Серёга куда-то сунул один из фонарей, прошёл ещё почти час.

Фонарь в итоге нашёлся под сиденьем.

Тубус я отнёс в инструментальную сам. Там стоял большой металлический стол, шкафы и старый холодильник, в котором никто давно ничего не хранил. Я поставил контейнер подальше от окна.

Можно было на этом закончить.

Я даже дошёл до двери.

Потом вернулся.

Не знаю почему. Наверное, потому что весь день эта штука не выходила из головы.

Я снял крышку контейнера.

Тубус лежал там, где я его оставил.

Под лампой было видно то, чего я не заметил на катере. По всей поверхности шёл рисунок. Очень тонкий, почти стёртый. Я провёл пальцем рядом, не касаясь металла.

Линии пересекались, расходились в стороны и снова сходились.

На орнамент не похоже.

Больше напоминало старую разметку на карте.

Дверь за спиной открылась.

Я вздрогнул и обернулся.

В проёме стоял Серёга.

— Ага.

— Что ага?

— Антон сказал не трогать.

— Я и не трогаю.

Он посмотрел на открытую коробку.

— Ты даже крышку не трогал?

— Иди отсюда.

Серёга подошёл ближе.

— Красивый, блестит.

— Очень.

— Может, всё-таки откроем?

— Нет.

— Чуть-чуть.

— Нет.

— Я просто предложил.

Он потянулся рукой.

Я хлопнул его по пальцам.

— Отойди.

— Жадный.

— Завтра придет человек и откроет нормально.

Серёга постоял ещё немного.

— А если там правда карта сокровищ?

— Тогда я тебе ничего не скажу.

— Вот поэтому я тебе никогда и не доверял.

Он ушёл.

Я закрыл контейнер и уже на этот раз действительно вышел.

Вечером мы заселились в небольшую гостиницу недалеко от базы. Нам дали три номера на втором этаже. Серёга сразу пошёл искать, где можно поесть, Витька заявил, что сначала поспит полчаса.

Я позвонил домой.

Соня взяла трубку раньше Оли.

— Пап!

— Привет.

— Ты приехал?

— Уже давно.

— А почему не написал мне?

— Маме написал.

— А мне?

— Извините, Софья Алексеевна.

Она что-то сказала в сторону, потом снова вернулась.

— Мы сегодня репетировали.

— Как все прошло?

— Марина опять слова забыла.

— Кто такая Марина?

На том конце повисла пауза.

— Пап.

— Что?

— Я тебе про неё рассказывала.

— А. Точно, Марина.

— Ты не помнишь.

— Помню я. Просто имя из головы вылетело.

— Ну да.

Я улыбнулся.

— Жилет нашли?

— Мама завтра заберёт.

— Отлично.

— Ты точно в пятницу будешь?

Я посмотрел на окно.

Во дворе гостиницы Серёга курил возле своей машины.

Уже начало темнеть.

— Точно.

Соня помолчала.

— Ладно. Дай маме.

С Олей поговорили минут пять. Ничего особенного. Она спросила, как работа, я рассказал про старый корабль и про находку.

— Что нашли?

— Медную трубу какую-то.

— И что внутри?

— Не знаю. Завтра откроют.

— Золото?

— Серёга тоже так думает.

— Значит, точно нет.

Я засмеялся.

После разговора пошёл ужинать.

К десяти вернулся в номер. Телевизор показывал какой-то старый боевик, но смотреть не хотелось. Я принял душ, лёг и минут двадцать листал телефон.

Потом вспомнил про тубус.

Просто вспомнил и всё.

Но через пару минут уже сидел на кровати.

Мне не давал покоя рисунок на металле.

Я видел старые карты. Не так много, но на объектах по работе попадались. Иногда на них были похожие линии, особенно по краям листа, где наносили шкалы и отметки.

Я посмотрел на часы.

22:47.

База находилась в семи минутах езды.

Я ещё немного посидел.

Потом выругался, надел джинсы и пошёл за ключами от машины.

Глава 3. Карта

На базу я приехал без десяти одиннадцать.

Ворота были закрыты. В будке горел свет, за стеклом сидел дежурный Михалыч и смотрел что-то в телефоне. Я по-сигналил. Он поднял голову, долго щурился на фары, потом нехотя вышел.

— Ты чего вернулся?

Я опустил стекло.

— Ключи забыл. День был тяжелый.

Михалыч посмотрел на меня, потом на связку, которая висела в замке зажигания.

— Какие?

— От инструментальной.

— Так вон они, у тебя на связке.

Я зачем-то тоже посмотрел на ключи.

— Значит, не ключи.

— Хорошее начало, — сказал Михалыч.

— Открой, а? Михалыч.

Он хмыкнул и ушёл в будку.

Ворота отъезжали медленно, и я успел пару раз спросить себя, какого чёрта сюда приехал. Утром должен был прийти археолог. Подожди я несколько часов, и тубус открыли бы как положено, при нормальном свете, с фотографиями и со всеми бумажками. А я сидел ночью в машине у пустой базы

и собирался сделать ровно то, о чём Антон просил раза три.

Развернуться и уехать было ещё не поздно. Я заехал во двор.

Инструментальная была в дальнем конце ангара. Лампы горели через одну и между стеллажами лежали длинные полосы темноты. Я нашёл выключатель и открыл дверь.

Контейнер стоял там, где я его оставил, подальше от окна, крышкой вверх. Серёга сюда после меня не заходил, это было видно сразу. Он бы обязательно его передвинул, а потом клялся бы, что коробка уехала сама.

Я бросил куртку на стул.

— Ну и чего я сюда припёрся?

Тубус промолчал.

Я снял крышку контейнера. За несколько часов ничего не изменилось: та же зелень на меди, та же вмятина на одном торце, те же тонкие линии по корпусу. Только рисунка, как мне показалось, стало больше. Я наклонил тубус к лампе и понял, что днём просто плохо смотрел.

С одной стороны линии складывались в подобие градусной сетки. Через равные промежутки шли короткие насечки, несколько полос пересекались под углом. Попадись мне такое на бумаге, я бы решил, что это обрывок старой морской карты.

Я сфотографировал тубус с нескольких сторон и увеличил один снимок. Возле целой крышки нашёлся маленький знак, круг, перечёркнутый двумя линиями. На катере я его

не заметил.

По-хорошему, тут надо было закрыть коробку и ехать спать. Вместо этого я взял тубус в руки.

Медь была холодной. Он весь день пролежал в тёплом помещении, а на ощупь казался таким, будто его только что подняли со дна. Я повертел тубус и посмотрел на крышку. Под налётом угадывался край резьбы.

На стеллаже лежали резиновые перчатки. Я натянул их, обернул крышку ветошью и попробовал повернуть. Крышка не сдвинулась. Я надавил сильнее, и опять ничего.

— Вот и отлично.

Я положил тубус обратно в контейнер, постоял над ним с минуту и снова взял.

В нижнем ящике стола лежал ремённый ключ, которым мы откручивали всё, что жалко царапать. Я накинул ремень на крышку, затянул и осторожно потянул. Сначала показалось, что проскальзывает сам ремень. Потом внутри что-то хрустнуло, и крышка сдвинулась на пару миллиметров.

— Ну ты и дурак, Лёша.

Изображать осторожность было уже поздно. Утром любой заметит сорванный по краю налёт, так что вопросы мне зададут в любом случае. Я потянул ещё. Резьба пошла легче и через несколько оборотов крышка осталась у меня в руке.

Внутри было темно. Я посветил телефоном и увидел в глубине свёрток. Когда я перевернул тубус над столом, свёрток не выпал и пришлось подцеплять его за край тонким пласти-

ковым пинцетом.

Выходил он медленно. Материал был плотнее бумаги, больше похож на пергамент, и сильно потемнел по краям. Его туго скрутили и перевязали шнурком, а шнурок рассыпался у меня в пальцах, едва я до него дотронулся.

Я развернул лист на столе и какое-то время просто смотрел на него.

Он был почти пустой. По краям шла рамка из тонких чёрных линий, в верхнем углу стоял тот же перечёркнутый круг, что и на тубусе, а внизу бледнели какие-то значки, то ли цифры, то ли буквы. Больше ничего. Ни берегов, ни островов, ни одного названия.

Я засмеялся.

— Серёга расстроится.

Столько возни ради пустого листа. Я сфотографировал его сверху, потом со вспышкой. На экране он выглядел ещё скучнее, просто старая бумага с грязными краями.

Я уже собирался свернуть его обратно, когда заметил ближе к центру пятно размером с ноготь. Провёл пальцем рядом с ним. Лист был сухой, а пятно прямо у меня на глазах потемнело.

Я убрал руку.

Через несколько секунд из пятна вытянулась тонкая чёрная линия и медленно поползла по листу. Рядом появилась вторая. Она пошла вверх и вдруг свернула вправо. Между ними проступила третья, потоньше, за ней ещё одна.

Я наклонился ниже. Чернила появлялись прямо на глазах.

Первым делом я подумал про какой-нибудь старый состав, который темнеет от воздуха, от тепла или от сырости. Даже лампу отодвинул подальше, как будто это могло что-то изменить. Не изменило. Линии продолжали появляться.

Через минуту на листе уже можно было узнать берег. Неровная полоса спускалась сверху вниз, рядом с ней проступили несколько маленьких островов. Потом легла сетка, такая же, как на тубусе.

Я включил на телефоне запись.

— Ну давай. Покажи ещё что-нибудь.

В левом нижнем углу проступила цифра, за ней вторая, третья. Я поднёс телефон ближе.

На катере я прикидывал лет двести. Ошибся почти на сотню.

— Очень смешно, — сказал я вслух.

Ниже поползла надпись, мелкими неровными буквами и не кириллицей. Я увеличил картинку на экране и понял, что это английский. Одно слово разобрал сразу: «West». Чуть ниже стояло «Meridian». Между ними было что-то ещё, но там чернила пока оставались совсем бледными.

Я сравнил последний снимок с первым. На первом лист был пустой. На последнем уже были берег, острова и половина сетки. Я проверил время съёмки. Разница семь минут. Вот тогда мне стало не по себе.

Проявляющиеся чернила я ещё мог себе как-то объяс-

нить. Только такие чернила проступают сразу, пятнами, по всему листу. А здесь линии шли одна за другой, по порядку, как будто кто-то прямо сейчас водил по бумаге пером.

Я поднял карту за угол и заглянул на обратную сторону. Там было чисто. Я положил её на место, и почти у самого края появилась ещё одна линия. На этот раз я видел всё от начала до конца: на бумаге проступила тёмная точка и потянулась дальше, оставляя за собой тонкий след.

Я остановил запись и набрал Серёгу.

Гудки шли долго.

— М-м?

— Спишь?

— Уже нет.

— Слушай, когда ты тубус видел, там карта была?

Серёга помолчал.

— Лёх, ты бухой шол?

— Просто ответь.

— Какая ещё карта?

— Ладно, забей.

— погоди. Ты его открыл?!

Я сбросил вызов. Телефон тут же зазвонил снова. Я выключил звук и положил его экраном вниз.

На карте тем временем появились названия островов. Большую часть я прочитать не мог: почерк старый, половина букв на современные не похожа. Но одну надпись разобрал. «Port Mercy». Рядом с ней стоял маленький крестик.

Я перевернул телефон и вбил название в поиск. Интернет на базе еле ловил, страница грузилась секунд десять. Нашлись отели, пара баров и какой-то медицинский центр. Я добавил к запросу «1718» и не получил вообще ничего. Поиск по старым картам тоже ничего не дал.

Телефон опять завибрировал. Серёга. На этот раз я ответил.

— Чего тебе?

— Ты где?

— На базе.

— Нахрена?

— Посмотреть приехал.

— Лёх, я серьёзно. Ты его правда открыл?

— Правда.

Секунды три он молчал.

— Ты дебил?

— Возможно.

— Антон же сказал не трогать.

— Я знаю.

— И?

— Там карта.

Теперь он молчал дольше.

— Какая?

— Обычная. Пока.

— В смысле «пока»?

Я посмотрел на стол. Рисунок занимал уже почти весь

лист.

— Долго объяснять.

— Я сейчас приеду.

— Не надо.

— Да мне семь минут.

— Серый, не приезжай. Я всё сфотографирую и завтра покажу.

— Ты там только ничего больше не трогай.

Я хмыкнул.

— Поздно.

— Лёх...

— Всё, спи.

Я отключился.

Пустым на карте оставалось одно место ближе к центру, как раз там, где проступило первое пятно. Теперь чернила медленно затягивали и его. Острова там не появилось, берега тоже. Через всю карту сверху вниз прошла одна длинная прямая линия, заметно темнее остальных.

Рядом с ней стали проступать буквы. Они появлялись по одной, и я, сам того не замечая, читал их вслух: В, L, А, С, К. Ниже, вторым словом, вышло MERIDIAN.

Чёрный меридиан.

Я прочитал это дважды. Название мне ничего не говорило. Поиск выдал обычную географию, пару статей, какие-то книги и названия компаний. Ничего похожего на старую карту.

Когда я снова посмотрел на стол, у меридиана появился маленький перечёркнутый круг, тот самый знак с тубуса. От него к одному из островов тянулась тонкая линия, похожая на маршрут. Я проследил её взглядом: остров, потом ещё один, и дальше линия обрывалась. Вся остальная карта пока оставалась пустой.

Я протянул руку и остановился. Трогать карту не хотелось. Глупо, конечно: я весь вечер держал этот лист в руках и ничего не случилось. Но теперь он уже не выглядел просто старой бумагой.

Я стянул перчатку и коснулся пальцем чёрной линии.

Карта была ледяная. Я отдёрнул руку так резко, что стукнулся локтем о край стола.

— Да ну нахрен.

Кожа на подушечке пальца побелела. Я потёр её большим пальцем, и через пару секунд холод ушёл.

Тут лампа над столом мигнула. Потом ещё раз. Я поднял голову, и свет погас.

— Михалыч!

Никто не ответил. Я включил фонарик на телефоне. Экран загорелся, но по нему сразу пошли помехи, картинка дёрнулась, яркость упала.

Я вышел в коридор. В ангаре света тоже не было.

— Михалыч!

Тишина.

Я сделал несколько шагов к выходу и остановился. Сети на

телефоне не было. Батарея, на которой минуту назад стояло шестьдесят процентов, показывала девять.

— Отлично.

Я обернулся. Из открытой двери инструментальной падал слабый свет. Сначала я решил, что лампа снова загорелась, но свет шёл не с потолка. Он шёл от стола, от карты. По чёрной линии меридиана тянулось бледное белое свечение.

Я подошёл к столу. Телефон у меня в руке погас. Я нажал кнопку, но он так и не включился.

Белая линия становилась ярче. По краям листа проступали новые отметки, только разглядывать их я уже не успевал. Из тубуса донёсся тихий металлический щелчок, за ним второй.

Я взял тубус. Внутри что-то двигалось.

— Это ещё что...

Медь обожгла ладонь холодом. Я хотел отбросить тубус, но пальцы не разжались. В глазах потемнело, и второй рукой я вцепился в край стола.

На несколько секунд снова стало светло, и я увидел карту совсем близко. Чёрная линия проходила прямо у меня под ладонью. Рядом с ней стояла дата: 14 June 1718.

Пол ушёл из-под ног. Я ещё успел удариться плечом о стол.

Потом всё исчезло.

Глава 4. Абордаж

Первым я услышал выстрел. Грохнуло совсем рядом, доски подо мной дрогнули, сверху что-то посыпалось на лицо. Я открыл глаза и несколько секунд смотрел в чистое синее небо, пытаюсь понять, почему лежу на улице.

Потом рядом пробежал человек с саблей.

Я повернул голову. Под щекой была мокрая деревянная палуба, возле лица тянулся толстый канат. В воздухе стоял пороховой дым, а поверх криков и топота слышался треск дерева. Метрах в трёх от меня мужчина в грязной белой рубахе пытался столкнуть другого к борту.

Я приподнялся на локтях и увидел второй корабль.

Он стоял вплотную к нашему левому борту. Между судами были натянуты канаты с крюками, борта то сходились, то расходились на волне. Люди перебирались с одного корабля на другой прямо через ограждение. Некоторые прыгали, кто-то цеплялся за канаты, один сорвался между корпусами и сразу исчез из виду.

Я сел.

Последнее, что я помнил, был металлический стол на базе. Карта, белая линия, дата. Потом я падал.

Теперь вокруг шёл бой.

— Да что за хрень...

Голос оказался низким и хриплым. Я даже замолчал на

полуслове и машинально потрогал горло.

На рукаве была кровь.

Сначала я решил, что порезался при падении, но кровь шла не из руки. Она стекала от виска, попадала за ворот рубахи и уже пропитала плечо. Голова болела с левой стороны, будто меня хорошо приложили чем-то тяжёлым.

Я поднял ладони перед лицом и окончательно перестал понимать происходящее.

Руки были чужие.

Шире моих, загорелые, с тёмными волосами на предплечьях и старыми шрамами на пальцах. На правой ладони у основания большого пальца тянулся длинный белый след. Моего маленького шрама на указательном пальце не было.

Я перевернул руку и посмотрел ещё раз.

Не было.

Слева раздался крик. Я успел только повернуть голову, когда в двух шагах от меня мужчина вскинул пистолет. Он целился не в меня, а куда-то за спину.

Раздался хлопок.

Человек дёрнулся и рухнул прямо на палубу.

Я пригнулся.

Пуля попала ему в грудь. На рубахе быстро расплзлось тёмное пятно, а сам он ещё несколько раз судорожно вдохнул и затих.

До этого момента часть меня всё ещё пыталась найти нормальное объяснение. Съёмка, сон, удар головой, что угодно.

У лежавшего человека из груди текла настоящая кровь.
По палубе прокатился пистолет и остановился возле моего колена.

— Капитан!

Я обернулся.

Ко мне бежал здоровый бородатый мужик. На нём была распахнутая кожаная куртка поверх серой рубахи, за поясом торчали два пистолета. В правой руке он держал тяжёлую короткую саблю, на лезвии была кровь.

Он добежал до меня и схватил за плечо.

— Живой?

— Да.

Мужик быстро посмотрел на мою голову.

— Хорошо вас приложили. Я думал, вы того уже.

Я уставился на него.

Он ждал ответа.

— Кто?

— Что кто?

— Кто меня ударил?

Мужик сначала нахмурился, потом махнул саблей в сторону кормы.

— Да чёрт его знает. Там такая свалка была. Вы полезли первым, потом я вас уже на досках увидел.

Он говорил так, будто мы были знакомы много лет. Я его видел впервые.

За его спиной шёл бой. Человек десять теснили против-

ников к корме, ещё несколько наших, если это вообще были наши, перелезали с соседнего корабля.

Одежда у всех была разная, никакой формы или хотя бы одинаковых цветов. Пока я лежал, разобраться, кто здесь свой, а кто чужой, можно было только по одному признаку: кто на кого бросается с оружием.

— Капитан, поднимайтесь, — сказал бородач и протянул мне руку. — Сейчас эти уроды опомнятся.

Я ухватился за его запястье и встал. Палуба качнулась под ногами и пришлось сразу ухватиться за мачту. Сначала я списал это на удар по голове, но через пару секунд понял, что дело не только в нём.

Я был выше, чем привык. Даже стоял как-то иначе. Тяжёлые сапоги неприятно тянули ноги, одежда мешала двигаться, а через грудь проходила широкая кожаная перевязь. На левом боку висели пустые ножны.

Сабля нашлась рядом, там же, где я очнулся. Я поднял её и несколько раз перехватил рукоять, пытаюсь понять, как вообще эту штуку держать. Клинок оказался тяжелее, чем я ожидал, и кисть сразу потянуло вниз.

Фехтовать я не умел. Даже близко.

— Роу! Справа!

Крик донёсся от мачты. Я повернулся и увидел мужчину в синей рубахе. Он быстро шёл ко мне, последние шаги уже почти бежал, держа саблю перед собой.

По его лицу было понятно, что останавливаться он не со-

бирается.

Я успел только поднять клинок.

Он ударил сверху.

Я выставил саблю почти наугад. Металл ударил о металл так сильно, что пальцы свело. Клинок противника соскользнул в сторону, и я отступил на шаг.

Он ударил снова, теперь сбоку.

Я едва успел убрать корпус. Лезвие зацепило рубаху на груди, ткань разошлась, но кожу вроде не достало.

Я махнул своей саблей в ответ.

Противник легко отбил удар.

По тому, как он это сделал, я сразу понял две вещи. Он умеет драться, а я нет.

Он шагнул ближе.

Я начал отступать и каблуком зацепил канат. Спина ударилась о мачту, дальше отходить было некуда. Мужчина увидел это и поднял саблю.

Я ждал удара сверху.

Он пошёл снизу.

Тело среагировало раньше, чем я успел сообразить. Правая нога сама ушла назад, кисть повернула саблю под другим углом. Клинки столкнулись возле самой моей груди.

Я не знал, что именно сделал.

Но это сработало.

Противник тоже на секунду удивился. Этого хватило, чтобы я ударил его левой рукой в лицо.

Обычным кулаком.

Он качнулся назад и сплюнул кровь.

— Сука.

Теперь он разозлился по-настоящему.

Я приготовился хотя бы не пропустить следующий удар, но за моей спиной грохнул пистолет.

Мужчину дёрнуло. Он сделал ещё полшага ко мне, потом сел на колени и завалился набок.

Бородатый стоял метрах в четырёх с дымящимся пистолетом.

— Вы там решили весь день с ним возиться?

Я посмотрел на мёртвого.

— Я же справлялся.

— Видел я, капитан.

Он сунул пистолет за пояс и поднял с палубы второй.

Только теперь до меня дошло, как он меня назвал.

— Подожди.

Бородач уже собирался идти к остальным.

— Чего?

— Ты сейчас сказал Роу?

Он посмотрел на меня.

— Ну.

— Это кому?

На его лице появилось выражение, которое мне совсем не понравилось.

— Вам.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Потом рядом с бортом кто-то закричал, и бородач отвлёкся.

— Хорошо вас всё-таки приложили.

— Похоже на то.

— Имя-то своё помните?

Вопрос был простой. Вот только ответа у меня не было.

Я посмотрел в сторону боя, будто проверял, что происходит впереди.

— Сейчас не до этого.

Он хмыкнул.

— Вот это уже на вас похоже.

И побежал к своим.

Я остался возле мачты с саблей в руке.

Роу.

Имя мне ничего не говорило. На базе я был Алексеем. У меня были жена, дочь, машина на стоянке и телефон, который остался лежать возле старой карты. Здесь какой-то вооружённый мужик называл меня капитаном и удивлялся, что я не помню собственного имени.

С кормы раздались два выстрела почти подряд. Один человек возле мачты упал, второй схватился за плечо и закричал.

Наши остановились.

Теперь я смог нормально рассмотреть, что происходит впереди. Корма была поднята примерно на человеческий рост над основной палубой. Наверх вели две узкие лестни-

цы по краям. Люди, которых мы теснили, отступили туда и заняли проходы. Снизу к ним можно было подняться только по этим лестницам, а сверху они спокойно стреляли в любого, кто пытался приблизиться.

Возле меня снова появился бородач.

— Вот теперь застряли.

— Сколько их там?

Он посмотрел вверх.

— Человек восемь. Может, десять. Капитан с ними.

— А наших?

— Достаточно.

Очень полезный ответ.

Один из наших выглянул из-за перевёрнутой бочки. Сверху тут же выстрелили, и он спрятался обратно.

Перезаряжались они долго. Я не знал точного времени, но даже по фильмам понятно, что это не автомат. Один выстрел, потом возня с порохом, пульей и шомполом.

— Почему не идём сразу после выстрела? — спросил я.

Бородач покосился на меня.

— Потому что у них не один мушкет.

Сверху показался новый ствол.

— А. Логично.

Он снова странно на меня посмотрел.

Пришлось замолчать.

Справа от кормы шла узкая полоса палубы вдоль борта. Там стояла небольшая пушка, а дальше проход почти скры-

вали бухты канатов и разбитая шлюпка. За ними начиналась вторая лестница наверх.

На ступенях лежал человек.

Ещё один был возле борта.

Я показал туда саблей.

— Туда можно пройти?

— Можно. Двое уже попробовали.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваете?

Я посмотрел на корму. Стрелки следили в основном за центром палубы и левой лестницей, где собрались наши. Правый проход был частично закрыт шлюпкой. Если идти пригнувшись, сверху заметят не сразу.

— Потому что если мы ещё раз полезем толпой по центру, там ляжет ещё пятеро.

Бородач перестал улыбаться.

— И что предлагаете?

— Часть людей пусть шумит здесь. Стреляет, орёт, делает вид, что снова лезет по левой лестнице. А несколько человек пройдут справа.

Он посмотрел туда, куда я показывал.

— Они услышат.

— Вряд ли. Тут я себя через раз слышу.

Рядом снова ударила пушка с соседнего корабля. Палуба содрогнулась, сверху посыпалась мелкая щепка.

Бородач провёл языком по зубам.

— Можно попробовать.

— Вот и попробуем.

— Вы тоже пойдёте?

Я уже хотел сказать, что нет. Очень хотел.

Но вокруг стояли люди, которые считали меня своим капитаном. И судя по тому, как бородач смотрел на меня после вопросов про имя, ещё несколько странностей могли закончиться плохо.

Я крепче взял саблю.

— А куда я денусь?

Он усмехнулся.

— Теперь точно узнаю капитана.

Мы сделали несколько шагов к правому борту.

Сверху раздался мужской голос:

— Роу!

Все рядом на секунду притихли.

Я поднял голову.

За ограждением кормы стоял мужчина в тёмно-синем камзоле. Волосы у него выбились из хвоста и прилипли ко лбу. В правой руке он держал пистолет.

Он смотрел прямо на меня.

— Натаниэль! Я уж решил, что тебя наконец отправили в ад.

Вот так я узнал своё новое имя. Мужчина поднял пистолет. Бородач рядом заорал и толкнул меня в плечо. Я полетел на палубу и выстрел прогремел раньше, чем я успел вы-

ставить руки.

Я ударился плечом и прокатился по мокрым доскам. Пуля прошла там, где секунду назад была моя голова, и выбила щепу из мачты. Бородач уже сидел рядом на корточках, прикрывшись краем разбитой шляпки.

— Ещё живы?

— Пока да.

— Тогда ползём.

Он первым двинулся вдоль борта. Я пошёл за ним, стараясь держаться ниже ограждения. Впереди лежал убитый, которого я заметил раньше. Пришлось перешагнуть через его ноги и сразу пригнуться, когда сверху снова показался человек с мушкетом.

Выстрела не было. Стрелок только увидел нас и что-то крикнул остальным.

— Быстрее! — сказал бородач.

Спрятаться дальше было негде. До лестницы оставалось шагов десять, а между нами и ней тянулся открытый участок палубы.

Слева началась стрельба.

Наши пошли вперёд, как мы и договаривались. Кто-то орал, кто-то бил саблей по борту, несколько человек выскочили из-за укрытий. С кормы им сразу ответили.

Один выстрел.

Второй.

Третий. Бам. Бух. Плях. Плюх.

— Сейчас! — крикнул я.

Мы побежали.

За спиной свистнула пуля. Бородач прыгнул за бочку, я врезался в него следом. Сверху нас пока не видели. Стрелки на корме были заняты людьми у другой лестницы.

До правого подъёма оставалось несколько метров.

— Бриггс! — крикнули откуда-то слева.

Бородач обернулся.

— Потом! — рывкнул он и махнул мне рукой. — За мной.

Бриггс первым добрался до лестницы. На нижних ступенях лежал мёртвый мужчина, из-за него пройти вдвоём было невозможно. Бриггс ухватил тело за рубаху, стащил вниз и почти сразу начал подниматься.

Я посмотрел наверх.

Лестница была узкая, ступеней восемь или девять. За ограждением пока никого не было видно.

Я полез следом.

На середине Бриггс остановился так резко, что я едва не ткнулся лицом ему в спину. Сверху появился человек с саблей.

Он ударил вниз.

Бриггс успел подставить клинок. Сабли столкнулись над его головой. Места размахнуться не было, оба давили друг на друга, а я стоял на ступень ниже и ничем не мог помочь.

Потом наверху показался ещё один.

У него был пистолет.

— Бриггс!

Он увидел сам.

Бородач отпустил саблю одной рукой, схватил первого противника за рубаху и дёрнул на себя. Мужчина потерял равновесие и полетел вниз.

Прямо на нас.

Бриггс прижался к перилам. Я отшатнулся насколько позволяла лестница. Чужое плечо ударило меня в грудь, сапог проскользнул по ступени.

Я схватился за верёвку у борта и повис на одной руке.

Мужчина пролетел мимо и рухнул на палубу.

Сверху снова раздался выстрел.

Бриггс выругался.

Я посмотрел на него. На рубахе возле плеча появилась кровь.

— Попали?

— Царапнуло просто. Лезьте давай!

Он вытащил из-за пояса пистолет и выстрелил наверх почти не целясь. Второй противник исчез за ограждением.

Мы поднялись.

На корме было теснее, чем я ожидал. Штурвал, несколько ящиков, бухты канатов. За мачтой стояли ещё четверо, двое пытались перезарядить мушкеты. Капитан в синем камзоле был возле противоположного борта.

Он увидел нас первым.

— Справа!

Поздно.

Бриггс бросился на ближайшего стрелка. Я пошёл за ним, потому что другого варианта уже не оставалось.

Мужчина возле мачты выпустил шомпол, схватился за саблю и ударил меня. Я встретил клинок своим. На этот раз руки сами повернули оружие чуть в сторону, удар прошёл мимо плеча.

Получилось лучше, чем внизу.

Не настолько хорошо, чтобы я решил, что умею фехтовать.

Противник сразу ударил ещё раз. Я отступил, он пошёл за мной и наступил на валявшийся канат. Нога у него уехала вперёд.

Я не стал ждать.

Ударил рукоятью сабли в лицо.

Мужчина завалился на ящики. Я пнул его в грудь, он упал между ними и больше не поднялся.

Слева Бриггс сцепился с другим. Ещё один противник уже бежал ко мне.

Я успел подумать, что долго так не протяну.

С нижней палубы донёсся крик. Наши прорвались по второй лестнице.

На корму полезли сразу несколько человек.

Всё закончилось очень быстро.

Те, кто минуту назад держал проход, оказались между двумя группами. Один бросил саблю. Второй попытался

прыгнуть через борт на соседний корабль, но его поймали за куртку и стащили обратно.

Капитан в синем камзоле не сдался.

Он выстрелил в человека, поднявшегося первым по левой лестнице, бросил пустой пистолет и вытащил саблю.

— Роу, мать твою! Иди сюда!

Я повернулся.

Он шёл прямо ко мне.

Теперь между нами никто не стоял.

— Похоже, придётся закончить самому, — сказал он.

Я не ответил.

Мне совершенно не хотелось заканчивать что-либо самому. Мне было страшно.

Он двигался спокойно, не торопясь. Саблю держал низко, почти возле ноги. По тому, как остальные отошли в стороны, стало понятно, что мешать ему никто не собирается.

Я тоже остался один.

— Капитан? — негромко спросил Бриггс.

Он стоял сбоку, прижимая ладонь к простреленному плечу.

Я посмотрел на него.

— Помочь?

Отказываться было глупо.

Но противник уже остановился в нескольких шагах.

— Давай, Натаниэль. Или теперь ты только за чужими спинами прячешься?

Люди вокруг слышали.

Вот поэтому Бриггса я позвать уже не мог.

— Да чтоб тебя.

— Что?

— Ничего.

Я поднял саблю.

Капитан улыбнулся и пошёл вперёд.

Первый удар я отбил. Второй тоже, хотя лезвие прошло так близко, что я почувствовал движение воздуха возле щеки. На третьем он обманул меня, показал удар справа и сразу перевёл клинок вниз.

Острая боль прошла по боку.

Я отскочил.

Рубаха быстро намокала кровью под рёбрами.

Противник заметил кровь.

— Вот теперь узнаю тебя.

Он снова атаковал.

Я больше не пытался драться красиво. Отступал, отбивал то, что успевал увидеть, один раз едва не упал через ящик. Сабля становилась тяжелее с каждым ударом.

А потом он сделал то же движение, что мужчина внизу.

Шагнул вперёд и повёл клинок снизу.

Моё тело уже знало, что делать.

Кисть повернулась сама. Я отвёл его саблю в сторону и оказался почти вплотную к нему.

Он явно ожидал другого ответа.

Я ударил головой ему в лицо.

Боль отдалась в мой разбитый висок, зато капитан отшатнулся. Из носа у него хлынула кровь.

Я толкнул его плечом.

Он сделал два шага назад и упёрся спиной в ограждение.

Сабля осталась у него в руке.

У меня тоже.

Мы оба тяжело дышали.

— Ты что творишь? — спросил он, вытирая кровь рукавом.

Хороший вопрос. Он бросился снова. Я успел отбить удар, но второй клинок выбил саблю из моей руки. Она ударилась о палубу и отлетела к штурвалу.

Капитан замахнулся. Я схватил первое, что попало под руку. Пустой пистолет.

Ударил им его в висок.

Он пошатнулся, я ударил ещё раз.

Капитан рухнул возле борта и больше не двигался.

Несколько секунд никто вокруг ничего не говорил.

Я стоял с пистолетом в руке и ждал, что он поднимется. Не поднялся.

Бриггс подошёл первым. Ногой перевернул мужчину на спину, присел и приложил два пальца к его шее.

— Готов.

Я бросил пистолет на ящик.

С нижней палубы раздался крик:

— Они сдаются!

Потом закричал кто-то ещё. По кораблю быстро пошёл шум. Оружие падало на доски, наших пленных стаскивали к мачте, раненых оттаскивали в сторону.

Бриггс посмотрел на меня.

— Ваш бок кровит.

Я опустил глаза.

Рубаха была разрезана сантиметров на двадцать. Под ней тянулась длинная полоса крови.

— Глубоко?

Бриггс осторожно раздвинул ткань.

— Жить будете.

— Сегодня мне это уже говорили?

— Сегодня ещё нет.

Он усмехнулся, но почти сразу поморщился и снова прижал ладонь к своему плечу.

Я подошёл к ограждению. Отсюда было видно оба корабля. Только теперь я заметил, что бой шёл не на нашем судне. Наш корабль стоял рядом. Он был меньше захваченного, с тёмным корпусом и двумя мачтами. Между бортами ещё висели абордажные крюки, по доскам туда-сюда перебирались люди. Море за ними было ярко-синим. До самого горизонта.

Ни берега, ни порта, ни современных катеров. Только вода, паруса и два деревянных корабля, связанные канатами посреди моря.

Я крепче ухватился за борт. Где-то внизу Бриггс начал

раздавать команды. Забрать оружие. Связать тех, кто ещё сопротивляется. Потушить что-то у носа. Проверить трюм.

Я почти не слушал.

Поднял руку и ещё раз посмотрел на чужую ладонь.

Потом на море.

1718 год.

Дата на карте.

Глава 5. Капитан

Бриггс окликнул меня раза два, прежде чем я оторвался от моря. Он стоял у лестницы и всё ещё прижимал ладонь к плечу. Рукав промок от крови почти до локтя, но, похоже, его это волновало меньше, чем всё остальное вокруг.

— Капитан, вы меня слышите?

— Слышу. Что там?

— Там многое, — он кивнул на палубу. — Раненые, пленные, трюм. И корабль теперь наш. Надо решить, что делать.

Я огляделся. Пока мы дрались, палуба казалась тесной, а теперь вдруг стала большой. У грот-мачты сидели пленные. Человек пятнадцать, может чуть больше. У одних руки были связаны за спиной, другим пока просто приказали сидеть и не дёргаться. Рядом лежали отобранные сабли и мушкеты. Раненых оттащили к борту, чтобы не мешали проходу. Наших и чужих пока даже не разделили.

— Кто у нас раненых смотрит?

Бриггс помедлил.

— Хью. А что?

— Пусть сначала занимается теми, кто долго не протянет. Неважно, наши или их.

— Их тоже?

Он не спорил со мной, но я всё равно услышал в голосе удивление.

— Если человек потом сможет встать, с него будет толк. А если сдохнет, то я думаю ты и сам догадаешься.

Бриггс посмотрел на меня ещё секунду и кивнул.

— Это уже больше похоже на вас.

Я не стал спрашивать, какая часть. Чем меньше я сейчас узнавал о себе вслух, тем лучше.

Бриггс подозвал парня в красном платке и отправил его к носу. Там кто-то сразу начал орать, чтобы несли воду и освобождали место возле борта. Я сел на перевёрнутый ящик. После драки меня трясло уже не от страха, а от усталости. Бок жгло, повязки на голове ещё не было, и кровь с виска успела засохнуть у самого уха.

Через пару минут ко мне подошёл худой мужчина с кожаной сумкой. Лет сорок, может чуть больше. Рукава закатаны, пальцы в крови. Он поставил сумку рядом и без приветствия взялся за мою рубаху.

— Поднимите.

— Что?

— Рубаху. Или хотите, чтобы я Вас через неё смотрел и лечил?

Я поднял ткань. Он осмотрел порез на боку, потом вылил на тряпку что-то из маленькой бутылки.

— Сейчас будет щипать.

— Ууаа ууффсс...

— Я предупредил.

Щипало так, что я непроизвольно втянул живот. Мужчи-

на даже головы не поднял. Промыл рану, приложил чистую ткань и туго обмотал меня длинной полосой полотна.

— Глубокая рана?

— Нет. Если бы было глубоко, вы бы со мной сейчас не разговаривали.

— Успокоил.

Бриггс, стоявший рядом, усмехнулся. Мужчина перешёл к голове, осторожно раздвинул волосы возле виска и надавил пальцами рядом с раной.

— Тошнило?

— Нет.

— В глазах двоится?

— Иногда плывёт.

— Людей узнаете?

Я посмотрел на него, потом на Бриггса.

— С этим как раз есть небольшая проблема.

Хью впервые остановился.

— Какая ещё проблема?

— Имена выпадают. Не все. Кусками.

Бриггс перестал улыбаться.

— Вы меня минут десять назад спрашивали, как вас зовут.

— Я спросил, кому ты сказал «Роу».

— Это сильно меняет дело.

Хью ещё раз осмотрел рану на виске.

— После такого бывает. Если станет хуже, если начнёте

путаться, где находитесь, или вас вырвет, зовите меня. И сегодня никакого рома.

— Вот это уже жестоко, — сказал Бриггс.

— У тебя самого дырка в плече. Сядь и заткнись.

— Царапина.

— Сядь.

Бриггс нехотя опустил на соседний ящик. Хью занялся им, а я наконец получил несколько минут, когда от меня ничего не требовали. Я смотрел, как по палубе таскают ящики, собирают оружие и перетаскивают тела к правому борту. Всё происходило без суеты. Люди явно знали, что делать после боя, и это немного спасало меня. Пока они работали по привычке, я мог хотя бы помолчать.

— Пятеро наших насмерть, — сказал Бриггс, когда Хью затянул повязку у него на плече. — Ещё трое плохи. Один, думаю, до вечера не дотянет.

Я кивнул. Имена спросить не решился. Если капитан не помнит половину команды, рано или поздно это заметят.

— А на нашем корабле?

— Двое раненых. Джонни руку сломал, когда борта сводили. Маккоя зацепило пулей, но там мясо одно.

Я снова кивнул, будто знал обоих.

Хью собрал сумку и ушёл к остальным. Бриггс проводил его взглядом, потом попробовал подняться. Получилось не сразу, только со второй попытки.

— Теперь корабль, — сказал он. — Что с ним делаем?

— А что с ним?

— Капитан, он наш.

По его лицу было видно, что второй раз повторять очевидное ему уже надоедает.

— Это я понял. Он плыть сможет? То есть, ходить?

— Сможет. Фок порван, снасти на носу побило, в борту несколько дырок. Всё выше воды. Если ветер не свалится, до Порт-Мерси дойдёт.

Название зацепило меня сразу. Port Mercu я видел на карте перед тем, как всё погасло.

Я постарался никак этого не показать.

— Значит, не топим. Сначала выгрузим всё, что нам нужно, потом решим.

Бриггс нахмурился.

— Всё, что нам нужно, на «Ведьме» не поместится.

Я едва не переспросил, что ещё за ведьма, но вовремя промолчал. Судя по тому, как он сказал, речь шла о нашем корабле.

— Тогда часть людей оставим здесь. Пока.

— Вот это уже разговор.

Он хотел уйти, но я остановил его.

— Бриггс.

— Да?

Я подбирал вопрос осторожно. Слишком прямой мог окончательно убедить его, что капитану выбили из головы не пару имён, а вообще всё.

— Напомни мне одну вещь. Мы три дня за ними шли.
Ради чего именно?

Бриггс медленно повернулся ко мне.

— Вы серьёзно?

— Если бы помнил, не спрашивал бы.

Он посмотрел на повязку у меня на голове, потом сплюнул за борт.

— Я думал, вы притворяетесь перед Хью.

— Зачем?

— Откуда мне знать? Вы иногда любите устроить людям проверку там, где никто её не просил.

Это было полезнее любого ответа. Настоящий Роу, похоже, был человеком не самым приятным.

— Я сейчас тебя не проверяю.

Бриггс подошёл ближе и заговорил тише.

— За этим судном мы шли из-за капитанской каюты. Вы сказали, что груз команда может делить добро как обычно, а из каюты никто ничего не трогает. Ни бумаги, ни сундуки, ничего. Даже мне не разрешили.

— И тебя это не удивило?

— Меня много чего в вас удивляет. Я давно перестал каждый раз спрашивать.

— Что именно я хотел найти?

— Не сказали. Только велели взять корабль целым, если получится, и не дать их капитану сжечь бумаги.

Я посмотрел в сторону кормовой надстройки. Где-то там

находилась каюта человека, которого я полчаса назад забил пистолетом. Настоящий Натаниэль Роу три дня гнался за ним по морю не ради золота и не ради самого корабля. Ему были нужны документы.

— Туда уже заходили?

— Нет. Я же помню Ваш приказ.

— Хорошо.

Бриггс хмыкнул.

— Ну, хоть его помните.

Я пропустил это мимо ушей и поднялся. От резкого движения заболел бок, пришлось придержать повязку ладонью.

— Показывай.

— Может, сначала на свой корабль? Вам бы полежать.

— Сначала каюта, я сказал, — Пробормотал я приказным тоном.

Он посмотрел на меня так, будто именно этого ответа и ожидал.

— Тогда идёмте, капитан.

Мы спустились с кормы и прошли вдоль правого борта. Люди расступались перед нами, некоторые коротко кивали. Я отвечал тем же и старался не задерживать взгляд ни на одном лице. Чем меньше разговоров сейчас, тем лучше.

Дверь капитанской каюты оказалась в кормовой надстройке. Возле неё лежал убитый в зелёной куртке. Бриггс оттащил его за ноги в сторону и попробовал дернуть ручку.

Заперто.

— Так и было?

— Когда начался бой, да. Их капитан сам отсюда вышел и закрыл.

Бриггс дважды ударил плечом. Дверь выдержала.

— Подвинься.

Я хотел пнуть ногой возле замка, но вовремя вспомнил про бок. Бриггс заметил, усмехнулся и позвал одного из наших. Вдвоём они выбили дверь со второго раза.

Внутри было темно. Я подождал, пока глаза привыкнут, только потом вошёл.

Каюта оказалась маленькой. Стол у окна, койка, сундук, два шкафа. На стене висела карта, рядом морской хронометр в деревянном футляре. Во время боя всё съехало к одному борту. На полу валялись книги, разбитая кружка и несколько листов бумаги.

Бриггс остановился в дверях.

— Что будем искать?

— Пока ничего не трогай.

— Как скажете.

Я поднял с пола первый лист. Список каких-то товаров, цифры, фамилии. Второй оказался таким же. На столе лежала толстая книга с записями по дням, но бегло я ничего полезного там не увидел.

В ящике нашлись деньги.

Много.

Серебряные монеты лежали в двух холщовых мешках.

Под ними была небольшая деревянная коробка с кольцами, цепочками и несколькими камнями.

— Это тоже бумаги? — спросил Бриггс.

— Нет.

— Жаль.

Я закрыл ящик.

— Это команде.

Он довольно кивнул.

Я продолжил искать. Сам не знал что, поэтому просто проверял всё подряд. Сундук, шкаф, полки над койкой. Одежда, запасные сапоги, бутылки, два пистолета в деревянном футляре. Ничего, ради чего стоило три дня гнаться за кораблём и терять людей.

Бриггс всё это время молча стоял у двери.

— Ты уверен, что никто сюда не заходил?

— Я сам людей отогнал. Вы же приказали.

— Даже во время боя?

— Во время боя у нас были дела поважнее.

Я снова посмотрел на стол.

Три дня погони. Груз можно отдать команде. Нужна только каюта и бумаги. Если настоящий Роу знал, что искать, значит вещь не должна была лежать на виду.

Я вытащил ящики полностью.

За нижним обнаружилась пустота.

— Вот.

Бриггс подошёл ближе.

За ящиком была деревянная стенка. Слева в ней виднелась небольшая выемка. Я подцепил её ножом, который нашёл на столе, и потянул.

Панель открылась.

Внутри лежал свёрток, завернутый в промасленную ткань.

Бриггс присвистнул.

— Вы знали?

— Похоже на то.

Я достал свёрток и положил на стол.

Внутри оказалось несколько листов, сложенных вчетверо. Первый был письмом. Бумага старая, края потемнели, часть текста расплылась от воды. Внизу стояла подпись, которую я не смог разобрать.

Зато два слова увидел сразу.

Port Mercy.

Я прочёл строку ещё раз.

Название было написано ближе к концу письма. Рядом упоминался какой-то журнал и человек, которого автор называл старым штурманом. Дальше почерк становился совсем неразборчивым.

— Что там? — спросил Бриггс.

— Пока сам не понял.

Следующий лист был частью карты. Даже не карты целиком, а грубой копией участка побережья. Несколько островов, цифры возле линий, какие-то заметки по краям.

На одном из островов стоял крест.

Под ним было написано: San Judas.

Я перевернул лист.

На обратной стороне кто-то нарисовал круг, перечёркнутый двумя линиями.

Точно такой же знак был на медной трубе.

Я невольно провёл пальцем по рисунку.

— Капитан?

— Что?

— Вы побледнели.

Я сложил бумагу.

— Рана болит.

Бриггс посмотрел на повязку и нахмурился.

Оставшиеся два листа были мне непонятны. На одном шли столбцы цифр. Похоже на координаты или расчёты, только часть значений кто-то специально зачеркнул. На последнем была короткая записка.

Её я прочитал и первый раз ничего не понял, прочитал еще раз.

«Оригинал остаётся в Порт-Мерси. Везти его морем я больше не стану».

Ниже снова стояла подпись.

— Мы идём в Порт-Мерси? — спросил я.

Бриггс нахмурился.

— Мы и так туда шли.

— До погони?

— Да. Вы сами курс выбрали.

Я сунул бумаги обратно в ткань.

Карта перед переносом показала мне Порт-Мерси.

Настоящий Роу тоже собирался туда.

Совпадений становилось многовато.

— Эти бумаги никому не показывай.

— Я их и не видел.

— Хорошо.

— А вот серебро я видел.

— Серебро можешь видеть сколько тебе угодно.

Бриггс улыбнулся.

Мы вышли из каюты. Свёрток я оставил у себя, засунув за пояс под рубаху. Это было неудобно и давило на перевязанный бок, но отдавать его кому-то не хотелось.

На палубе за это время стало заметно спокойнее. Пленных пересадили ближе к носу. Мёртвых уже укладывали вдоль борта, накрывая парусиной. Из трюма поднимали бочки, ящики и мешки.

Возле мачты нас догнал парень в красном платке.

— Бриггс, там внизу сахар, ром, табак и ткани. Ещё два ящика мушкетов. Пороха немного.

Бриггс посмотрел на меня.

— Я же говорил, на «Ведьме» всё не поместится.

— Оставляем здесь людей и ведём оба корабля.

— До Порт-Мерси?

— Да, до Порт-Мерси.

Парень убежал передавать приказ.

Бриггс почесал бороду.

— Кого оставим старшим?

Я чуть не ответил: «кого обычно оставляем», но вовремя остановился.

— Кого бы ты поставил?

Он усмехнулся.

— У тебя плечо дырявое, зато голова пока работает.

— Томпсона. Он море знает и командой управлять может.

Человек десять ему хватит.

Имя я постарался запомнить.

— Ставь Томпсона.

— А пленные?

— Пока здесь. Оружие забрать и держать отдельно. В Порт-Мерси решим.

Бриггс кивнул и уже хотел уйти.

— И ещё.

Он остановился.

— Мне надо на «Ведьму».

— Наконец-то.

— Что?

— Я вам это ещё полчаса назад говорил. Что Вам надо лечь.

Через несколько минут между кораблями освободили проход. Обычного мостика не было. Лежала широкая доска, один конец которой прыгал вместе с нашим бортом.

Я посмотрел вниз.

Между корпусами кипела вода.

Под водой я чувствовал себя спокойнее.

Здесь почему-то нет.

Бриггс перешёл первым. Даже с раненым плечом прошёл быстро, придерживаясь за канат. Я дождался, когда корабли снова сойдутся ближе, и шагнул следом.

На середине доска ушла вниз.

Я сразу схватился за верёвку.

С другого борта кто-то засмеялся.

— Капитан море увидел!

Ему тут же что-то ответили, и смех оборвался.

Я перебрался на «Ведьму».

С близкого расстояния корабль выглядел ещё меньше. Палуба была теснее, снасти висели почти над головой. Здесь люди сразу узнавали меня. Один спросил про рану, другой сообщил, что помпа в порядке. Я кивал, хотя половину слов понимал только примерно.

— Каюта где? — тихо спросил я у Бриггса.

Он остановился.

— Вам совсем плохо?

— Бриггс.

— На корме. Там же, где была вчера.

— Вот и отлично.

Он проводил меня взглядом, но ничего больше не сказал. В собственную каюту я вошёл один.

Закрыв дверь и впервые за всё это время остался без лю-

дей вокруг.

Несколько секунд просто стоял, прислонившись спиной к доскам.

Потом осмотрелся.

Здесь было тесно, но обжито. Кровать у стены, стол, шкаф, сундук. На крючке висел тёмный камзол. Рядом с ним ремень с двумя пистолетами. На столе лежали циркуль, линейка, чернильница и несколько карт.

В углу стоял небольшой таз.

Над ним висело зеркало.

Я подошёл.

Из потемневшего стекла на меня смотрел незнакомый мужчина.

Лет тридцать пять, может немного больше. Тёмные волосы доходили почти до плеч, лицо загорелое, нос когда-то явно ломали. На подбородке короткая борода. Возле левого виска запеклась свежая кровь, а под глазом уже наливался синяк.

Я поднял руку.

Мужчина в зеркале сделал то же самое.

Повернул голову.

Он повторил.

Я смотрел на него довольно долго.

Вот так, значит, выглядел Натаниэль Роу.

Я отошёл от зеркала и сел за стол.

Всё внутри каюты принадлежало ему. Одежда, оружие,

карты, книги. Даже кружка с засохшим вином была его.

А пользовался всем теперь я.

Я открыл верхний ящик стола.

Там лежали перья, несколько монет и кремень.

Во втором были письма.

Третий оказался заперт. Ключ нашёлся на шнурке у меня на шее. Я заметил его только сейчас. Замок открылся сразу.

Сверху лежала толстая тетрадь в потёртой коричневой коже. На обложке никаких надписей не было.

Под ней лежал свёрнутый кусок парусины.

Я отложил тетрадь и развернул ткань.

Внутри была медная туба.

Та самая.

Даже вмятина на крышке находилась там же.

Я сидел, держа её обеими руками, и уже не слышал ни криков с палубы, ни скрипа снастей.

Потом положил тубу на стол и взял тетрадь.

На внутренней стороне обложки было написано одно имя.

Nathaniel Rowe.

Ниже стояла дата.

1717.

Я быстро пролистал несколько страниц. Почерк менялся. Где-то записи занимали половину листа, где-то всего пару строк. Встречались названия портов, имена, суммы, заметки о кораблях.

Ближе к концу страницы были исписаны плотнее.

Я остановился на последней заполненной.

В самом низу Роу дважды подчеркнул два слова.

Black Meridian. (Черный Меридиан)

Я перечитал их и закрыл журнал.

Теперь мне очень хотелось узнать, кем был человек, в чьём теле я проснулся.

И что он знал о Чёрном меридиане.

Глава 6. Журнал Роу

Я ещё раз посмотрел на два подчёркнутых слова.

Black Meridian.

Потом перевернул страницу назад. Читать журнал с самого начала смысла не было. Там шли обычные записи: расходы, имена людей, стоянки, погода, какие-то долги. Роу мог полстраницы ругаться из-за плохого пороха, а на следующей строке спокойно записать, сколько бочек рома купил у человека, которого собирался ограбить через неделю.

Мне нужен был момент, когда в его жизни появилась карта. Я начал листать быстрее.

Через несколько страниц название «Black Meridian» исчезло. Ещё через десяток впервые встретилось имя, которое Роу упоминал несколько раз подряд.

Элиас Харроу.

Возле первой записи о нём на полях было приписано: «Считает чужие деньги лучше своих». Чуть ниже: «Но корабль чтоб его ведёт хорошо».

Я усмехнулся. Похоже, друзьями они не были.

По записям выходило, что до всей этой истории «Ведьма» несколько месяцев держалась рядом с кораблём Харроу. Они вместе брали добычу и потом делили её, хотя доверия между капитанами там было немного.

Дальше журнал на какое-то время стал скучным. Торго-

вый бриг, ремонт после шторма, пропавшая бочка вина, очередная ругань из-за долей. Я листал почти не читая и остановился только тогда, когда на полях попался знакомый знак. Круг, перечёркнутый двумя линиями.

Я подтянул лампу ближе.

В тот день они заметили небольшое испанское судно. Роу считал, что связываться с ним не стоит: корабль старый, идёт медленно, охраны почти нет, а значит и поживиться особенно нечем. Харроу всё-таки настоял. Судно взяли быстро, но ожидания действительно не оправдались. Несколько тюков кожи, табак, вино и серебра меньше, чем рассчитывали.

Интересные вещи нашли уже потом, в капитанской каюте.

Там стоял железный ящик, который испанский капитан пытался выбросить за борт перед самым захватом. Внутри среди бумаг лежала медная труба. Роу описал её подробно, и чем дальше я читал, тем чаще поглядывал на предмет возле локтя. Та же длина, зелёный налёт, даже вмятина на одном торце была упомянута.

Ниже Роу приписал:

«Если человек готов получить пулю за пустую трубу, значит, труба не пустая».

Я перечитал фразу и хмыкнул. Тут его логика мне была понятна.

Тубус открывали почти два дня. Крышка прикипела так, что один из людей Харроу хотел просто распилить корпус, но Роу не позволил. В конце концов резьбу сорвали.

Внутри лежала карта. Почти пустая.

В записи не было никаких сомнений. Ни рисунков островов, ни маршрута к кладу, ни красивой красной линии, как в детских книжках. Рамка по краям, несколько бледных отметок и больше ничего.

Точно такой же она была у меня на столе в 2026 году.

Харроу решил, что испанский капитан просто спрятал в трубе ненужный лист, чтобы отвлечь их от чего-то другого. Карту бросили в сторону и продолжили делить добычу.

Вечером один из пленных попросил поговорить с капитанами. Роу имени почти не использовал. Несколько раз называл его просто старым штурманом, и так было даже удобнее.

Испанец был ранен в ногу и понимал, что далеко не уйдёт. За жизнь он предложил рассказать, что лежало в медном футляре.

Харроу сказал, что никакого футляра они не нашли.

Испанец рассмеялся ему в лицо.

Я перевернул страницу. Дальше Роу, судя по всему, записывал разговор уже по памяти. Фразы были короче, местами между ними оставались пустые места.

«Спросил, верим ли мы в корабли, которые возвращаются без команды».

Следом Роу написал:

«Харроу велел не тратить время. Я велел старику говорить».

Потом началась история, ради которой я невольно при-

двинул журнал ближе.

Около двадцати лет назад из колоний вышли три корабля. На борту было серебро, золото и груз, принадлежавший короне. Шли они не одни, маршрут был известен заранее, но через несколько дней командующий конвоем неожиданно изменил курс.

Почему, никто потом так и не выяснил.

Корабли исчезли.

Через месяц нашли один. Я сначала подумал, что неправильно разобрал слово, и прочитал строку заново.

Судно просто дрейфовало.

Паруса были повреждены, но корпус оставался цел. На борту была вода, в трюме лежала еда, две шлюпки висели на своих местах.

Живых не было.

Я задержался на этой странице дольше остальных. Роу тоже. Несколько строк он подчеркнул.

Люди лежали на палубе, в каютах и возле трюма. Кто-то был ранен, но у большинства видимых ран вообще не нашли. Следов большого боя не было. Никакой болезни, которую смогли бы определить люди, осматривавшие корабль, тоже.

Два остальных судна так и не нашли. Вместе с ними исчезла казна.

Я откинулся на спинку стула. Вот отсюда и выросла легенда о сокровище.

Старый испанец говорил, что за двадцать лет корабли искали десятки раз. Одни возвращались ни с чем. Другие пропадали сами. С каждым годом история становилась красивее: к серебру добавляли золото, потом церковные драгоценности, потом какие-то реликвии.

Роу возле последнего слова поставил вопросительный знак. Его интересовали деньги.

Меня интересовало другое.

На найденном корабле сохранился судовой журнал. Большая часть последних страниц была испорчена водой, но несколько строк удалось прочитать. Роу переписал их отдельно.

Я провёл пальцем вниз по странице.

«Ветер стих до заката».

Ниже стояло:

«Компас снова врёт».

Ещё одна строка:

«Воды впереди нет на карте».

Следующая была почти полностью зачёркнута. Остались только два слова.

Чёрный меридиан.

Я перечитал их, потом ещё раз.

За окном каюты скрипнула снасть. Кто-то наверху закричал, а в ответ ему сопливым матом. Обычные звуки корабля на несколько секунд вернули меня в настоящее.

Я посмотрел на медную трубу.

Старый испанец знал о Чёрном меридиане. Роу узнал о нём от него. А я увидел это название на карте через триста лет, за несколько секунд до того, как очнулся в теле Роу.

Совпадением это уже не выглядело.

Я снова взялся за журнал. Разговор со старым штурманом на этом не закончился.

Он знал про медную карту больше, чем сначала хотел рассказывать. Семь лет назад она уже попадала в руки людям, которые искали пропавший конвой. Тогда её тоже считали почти бесполезной. На листе не было ни курса, ни названий, только рамка и несколько отметок по краям.

Пока однажды ночью на бумаге не появился остров.

Роу несколько раз подчеркнул слово «ночью».

Я посмотрел на тубу. В инструментальной всё происходило точно так же. Днём пустой лист, потом линии начали появляться одна за другой.

Старый штурман утверждал, что карта никогда не показывала весь путь сразу. Можно было пройти первый участок, добраться до нужного места, и только после этого появлялось что-то новое. Иногда проходили дни, прежде чем на листе менялось хоть что-нибудь.

Харроу спросил, где заканчивается маршрут. Испанец ответил, что не знает. Тогда Харроу спросил про сокровище.

На этом месте Роу оставил короткую запись:

«Старик засмеялся. Харроу чуть его не пристрелил».

Я продолжил читать.

Испанец сказал, что все ищут золото и поэтому никто толком не слушает, что написано в старых журналах. Пропавший конвой действительно вёз огромную сумму, но карта существовала ещё до его исчезновения.

Вот это было уже интереснее.

Я вернулся на несколько строк назад, решив, что неправильно понял смысл. Нет. Роу записал именно так.

Карта была старше конвоя.

Испанец не знал насколько. Он видел её только один раз, много лет назад, и тогда туба выглядела почти такой же: уже зелёная, потёртая, со знаком на боку.

Получалось, люди привязали карту к сокровищу только потому, что один из старых маршрутов совпал с последним курсом пропавших кораблей.

Если это правда, Чёрный меридиан мог вообще не иметь отношения к казне.

Роу, судя по следующим записям, пришёл к другому выводу.

«Если карта вела туда до конвоя, значит, командующий знал о ней раньше. Иначе зачем менять курс с золотом на борту?»

Вполне разумно. Я бы на его месте подумал так же.

Дальше почерк становился хуже. Строки шли под углом, несколько слов были размазаны. Видимо, Роу писал уже поздно вечером или хорошо выпил.

Старый штурман попросил оставить его на ближайшем

испанском острове. За это обещал рассказать всё, что помнит о карте. Харроу согласился. Роу не поверил ни одному из них.

На следующее утро испанец умер.

Я перечитал последнюю строку. Никаких объяснений. Только запись: «К рассвету старик был мёртв».

Ни болезнь, ни рана, ни Харроу. Ничего.

Я перевернул страницу, надеясь найти продолжение, но следующая запись уже была о карте.

Роу отнёс её к себе на «Ведьму».

Эта фраза заставила меня задержаться. Значит, туба попала на мой корабль ещё тогда.

Но в тот момент она всё ещё принадлежала обоим капитанам. По их договору любая находка с захваченного судна делилась после продажи или оценки. Харроу хотел оставить странный лист до тех пор, пока не поймёт его цену.

Роу решил вопрос проще. Он украл карту.

Не спрятал от команды и не выиграл в споре. Просто дождался ночи, забрал тубу с корабля Харроу и приказал сниматься с якоря.

Вместе с ней прихватил две сумки серебра.

И повара.

Я невольно рассмеялся.

В записи Роу это выглядело совершенно нормально:

«Педро сам захотел перейти ко мне. Готовит лучше их кока. Харроу всё равно считает, что я украл и его».

Теперь становилось понятно, почему Бриггс рассказывал об этом почти с удовольствием.

Утром Харроу обнаружил пропажу и пошёл следом. Два корабля гонялись друг за другом почти сутки. «Ведьма» была легче и быстрее, зато у Харроу было больше пушек. Один раз он подошёл достаточно близко, чтобы дать залп, и ядро разбило часть ограждения на корме.

Роу всё равно ушёл.

После этого записи на несколько дней становились обычными. Ремонт, нехватка пресной воды, один заболевший матрос, спор с командой из-за долей.

А потом карта изменилась.

Я нашёл запись сразу по перечёркнутому кругу на полях.

«Проснулся после полуночи. Лист лежал на столе. Появилась береговая линия, которой вечером не было».

На следующий день рисунок снова стал бледнее. Ночью вернулся.

Роу проверял это несколько раз. Закрывал карту в тубе, оставлял на столе, переносил в другой конец каюты. Результат был один. После захода солнца линии становились заметнее, а ближе к утру часть снова исчезала.

Через четыре ночи появилось название.

Port Mercy.

Я положил палец на строчку.

Вот откуда всё началось. Не старый журнал и не слух в таверне. Сама карта отправила Роу в Порт-Мерси.

Следующая запись была сделана уже через несколько дней.

Роу добрался до порта, но дальше всё застопорилось. Он нашёл там человека, который знал историю пропавшего конвоя и собирал старые судовые журналы. Тот согласился говорить, но показать нужные записи отказался.

Имен я пока не запоминал. Мозг пух от потока информации. Хватало Харроу.

Роу написал только, что старик потребовал доказательство, будто карта действительно у него, и сведения с одного конкретного корабля. Похоже, именно за этими сведениями Роу потом и погнался за Кейном.

Теперь цепочка хотя бы складывалась. Карта показала Порт-Мерси. Там Роу нашёл человека, который знал больше. Тот потребовал доказательство. Роу догнал нужный корабль.

А потом на его месте проснулся я.

В дверь постучали.

Я закрыл журнал.

— Да.

Вошёл Бриггс. Повязка на плече стала заметно толще, рубашу он сменил. По лицу было видно, что Хью заставил его хотя бы немного посидеть спокойно и Бриггсу это не понравилось.

— Мы почти закончили.

— С чем?

— С призом. Томпсон остаётся там с людьми. Пленных

заперли внизу. Парус кое-как залатали, до порта дотянет.

Я кивнул.

— Сколько до Порт-Мерси?

— Если ветер не поменяется, к утру может и увидим берег.

Он посмотрел на журнал.

— Нашли, зачем мы туда идём?

— Нашёл.

— Хорошо.

Бриггс уже собирался выйти, но я остановил его.

— Харроу сейчас где?

Он повернулся.

— У Вас точно голова не стала болеть сильнее?

— Все нормально, рассказывай.

Бриггс почесал бороду.

— Последний раз слышали о нём недели три назад. Кто-то видел его к востоку отсюда.

— Он всё ещё за нами охотится?

— За вами, капитан. Хочет содрать с Вас шкуру.

— Большая разница.

— А то, разница то есть.

Я посмотрел на него. Бриггс усмехнулся.

— Вы у него тубу украли или трубу, хрен пойми как она называется. Серебро он бы пережил. Повара, думаю, тоже. А вот за эту штуку он с тех пор совсем свихнулся.

— Он знает, куда ведёт карта?

— Столько же, сколько знали вы. Может, сейчас уже больше.

— Почему больше?

Бриггс пожал плечами.

— Потому что Харроу не любит проигрывать. Если вы искали ответы в одном месте, он наверняка искал в другом.

Мне это не понравилось.

— Он знает про Порт-Мерси?

— Если догадался, что карта показала вам первый пункт, то да.

Я посмотрел на окно. За мутным стеклом уже темнело.

Бриггс задержался у двери.

— Капитан.

— Что?

— Если увидим его корабль раньше порта, не лезьте сразу в драку.

Я поднял брови.

— Я обычно лезу?

— Обычно вы сначала говорите, что не полезете.

— А потом?

Бриггс хмыкнул.

— Потом мы обычно чиним «Ведьму».

Он вышел, не дожидаясь ответа.

Я ещё несколько секунд смотрел на закрытую дверь. Почему-то вспомнилась кухня. Соня сидит на полу возле холодильника в своих полосатых носках, а на дверце под магни-

том с черепахой висит расписание.

Пятница. Шесть вечера.

Она два раза переспросила, приду ли я. Я два раза ответил, что приду.

Я понятия не имел, сколько времени сейчас прошло дома. Может, там минуло несколько секунд. Может, столько же, сколько здесь. Я даже не знал, будет ли ещё та пятница, если мне удастся вернуться.

А если не удастся, Соня так и останется ждать меня на своём концерте.

Я потёр лицо ладонями и придвинул к себе медную тубу.

Если здесь вообще существовал путь обратно, карта пока была единственной вещью, которая могла к нему привести. Значит, сначала надо было понять, как она работает.

Если Роу действительно проверял карту только ночью, ждать оставалось недолго.

Мне хотелось увидеть, что она покажет мне сейчас.

До темноты оставалось меньше часа. Я убрал журнал в ящик, но тубу оставил на столе. За окном серело море, захваченный корабль шёл чуть позади и правее. Иногда его закрывало парусом, потом он снова появлялся.

Сидеть в каюте и ждать оказалось тяжелее, чем читать. Я несколько раз вставал, выходил на палубу, возвращался. Люди занимались своими делами, и никто не обращал на меня особого внимания. Кто-то менял повреждённый канат, у борта чистили оружие, возле носа ругались из-за бочки, ко-

тору ю никак не могли закрепить.

Небо темнело быстро. Когда я вернулся в каюту в третий раз, читать без свечи уже было трудно.

Я зажёг вторую и поставил рядом с первой. Тубус лежал на столе.

— Ну давай.

Крышка открылась легко. Я вытянул карту и разложил её поверх журнала.

Сначала ничего не происходило. На листе оставалось то же, что я видел днём: часть побережья, несколько островов и Port Mercy. От порта на восток уходила короткая линия и обрывалась.

Я подождал минут пять, потом ещё немного. Ничего.

В какой-то момент мне стало смешно. Я сидел в теле человека, умершего или исчезнувшего триста лет назад, посреди Карибского моря и ждал, когда кусок старой бумаги соизволит показать мне дорогу домой.

Сверху протопали несколько человек. Корабль слегка накренился, свеча дрогнула, и я придержал карту ладонью.

Чернила возле пальцев потемнели.

Линия от Порт-Мерси стала чётче.

Я убрал руку и подождал. Через несколько секунд она опять побледнела. Стоило коснуться листа, как рисунок начал возвращаться.

Я повторил ещё раз. Получилось то же самое.

— Вот это уже интересно.

Я раскрыл журнал на тех страницах, где Роу описывал свои опыты с картой, и пробежал записи ещё раз. Он отмечал время, погоду, место, где оставлял лист, однажды зачем-то записал даже фазу луны. К карте он относился почти как к неисправному компасу, который нужно понять. Только про прикосновение там не было ни строчки.

Я снова положил пальцы на лист, на этот раз ближе к перечёркнутому кругу.

Изменение пошло почти сразу. За Порт-Мерси продолжилась линия, которой минуту назад там не было. Она прошла дальше на восток и вывела к острову. Пока я смотрел, рядом проступил ещё один.

Я придерживал карту и одновременно сравнивал её с зарисовкой Роу в журнале. У него маршрут обрывался почти сразу после порта. Берег, отметка Порт-Мерси и совсем короткий хвост линии.

На столе передо мной путь уже тянулся дальше. Причёмnamного.

Я подвёл журнал ближе, чтобы не ошибиться, потом снова посмотрел на карту. Нет, всё было именно так. Там, где у Роу оставалось чистое место, теперь стояли два острова.

Стоило убрать руку, как дальняя часть рисунка начала бледнеть. Сначала пропал второй остров, затем первый, а линия снова оборвалась там же, где её когда-то зарисовал Роу. Я вернул ладонь на лист, и через несколько секунд исчезнувший участок проступил обратно.

Вот это уже было трудно списать на ночь или старые чернила.

Пальцы постепенно начали мёрзнуть. Сначала терпимо, как если долго держаться за холодный металл, но холод быстро полез выше по ладони. Я уже собирался убрать руку, когда у самого края карты заметил новую точку. Из неё вниз пошла тонкая прямая черта.

Я придвинул свечу. На берег она не походила, на продолжение маршрута тоже. Слишком ровная.

Такую линию я уже видел в инструментальной.

Чёрный меридиан.

Я продолжал держать карту, хотя пальцы уже ломило. Рядом с линией начали проступать буквы. Сначала появились В и L, потом чернила остановились. Через несколько секунд следом вышли А и С.

— Давай же.

Ничего.

Я сильнее прижал ладонь к листу. Холод сразу стал неприятнее, зато четыре буквы потемнели и уже читались без труда.

BLAC.

Через несколько секунд рядом проступила последняя буква.

К.

Ниже начала появляться вторая строка.

Стук в дверь заставил меня дёрнуться. Я быстро накрыл

карту журналом.

— Кто?

— Я, — ответил Бриггс. — Береговой ветер меняется. Хотел спросить, держим курс или сбавим до утра?

Я посмотрел на закрытую карту.

— До утра не сбавляем.

— Понял.

Шаги удалились.

Я подождал, потом убрал журнал.

Карта снова выглядела почти обычной. Port Mercu, короткий маршрут и пустое место дальше. Надпись исчезла.

Я положил ладонь туда, где только что проходила прямая линия. Через несколько секунд чернила вернулись. Сначала BLACK, затем ниже начало проявляться второе слово.

MERIDIAN.

Я держал руку на листе, пока оно не стало видно целиком.

Роу носил эту карту несколько месяцев. Судя по его записям, он видел Порт-Мерси и небольшой кусок маршрута после него.

Я увидел Чёрный меридиан в первую же ночь.

Причём теперь уже второй раз.

Я убрал ладонь. Надпись начала исчезать. Когда снова коснулся бумаги, она вернулась.

Этого мне хватило.

Я свернул карту и убрал её обратно в тубу. Спать расхотелось окончательно, да и в животе урчит.

До Порт-Мерси оставалось несколько часов. Там я соби-
рался искать ответы на вопросы Роу.

Теперь у меня появился ещё один.

Почему карта показывала мне то, чего не показала ему.

Глава 7. Порт-Мерси

Берег показался после рассвета. Я вышел на палубу, когда над водой уже были видны тёмные холмы. Под ними тянулась светлая полоса домов. Бухту пока закрывала утренняя дымка, но мачты в ней торчали хорошо.

Их было много, десятки. Порт-Мерси.

Теперь до него оставалось меньше часа. За кормой держался захваченный корабль. Ночью его несколько раз уводило в сторону, Томпсону приходилось выправлять курс, но к утру он снова шёл за нами. Издалека повреждения почти были не заметны.

Бриггс подошёл справа. В здоровой руке держал кружку, вторую всё ещё берёг после ранения.

— Вспомнили?

— Что?

Он кивнул на берег.

— Порт.

— Нет.

Бриггс отпил и некоторое время молчал.

— Мы здесь недели три назад стояли. Дня четыре, может пять. Воду брали, провизию. Кое-что продавали. Вы почти каждый день куда-то уходили.

— Один?

— Иногда. Я за вами не ходил.

Я снова посмотрел на берег.

— Меня здесь знают?

— Да, достаточно.

На корабле повязка на голове пока объясняла мои странности. Люди видели, что капитану досталось, и не слишком удивлялись вопросам. В городе обязательно найдётся кто-нибудь, кто помнит за Роу больше, чем я сам. Навстречу из бухты выходила небольшая шхуна.

Когда она прошла рядом, мужчина у борта заорал моё новое имя и помахал шляпой.

— Натаниэль! Ахах! Тебя всё-таки не повесили!

Рядом с ним засмеялись. Я понятия не имел, кто это.

— Пока нет! — крикнул я.

Этого хватило. Шхуна прошла дальше.

— Я его знаю? — спросил я.

Бриггс пожал плечом.

— Может быть. Здесь половина людей друг друга знает. Это ещё не значит, что надо помнить каждого.

В бухту мы входили медленно. Большие суда стояли на якорах дальше от берега, между ними сновали лодки. У причалов разгружали мешки, катили бочки, таскали доски. Ветер принёс запах рыбы, дыма и помоев.

На секунду я вспомнил нашу базу. Дизель утром, мокрые костюмы у борта, кофе из автомата. Любимая супруга и Соня в родном доме.

Пятница. Шесть вечера. Я отвёл глаза от берега. До дома

отсюда обычным курсом не добратся.

Карта оставалась единственной вещью, которая хотя бы намекала, что путь вообще существует. Бриггс успел переговорить с рулевым и решил поставить захваченный корабль у старых складов. Томпсон оставался на нём с людьми и пленными, пока не разберут груз.

— Пленных пока не выпускаем, — сказал Бриггс. — Иначе через час весь порт будет знать, сколько у нас мёртвых, сколько раненых и что лежит в трюме.

— Пусть сидят.

На этом моё участие в швартовке закончилось. Люди и без меня знали работу. Канаты перекинули на берег, там их приняли двое парней, и через несколько минут «Ведьма» уже стояла у настила. Один мужчина возле склада узнал меня и закричал что-то про деньги.

Половину слов заглушил шум.

— Это мне? — спросил я.

— Скорее всего.

— Я ему должен?

— Скорее всего. Не знаю.

Я подождал продолжения. Его не было.

— И всё?

Бриггс посмотрел на меня.

— Вы многим должны. Вам тоже многие должны. Если сейчас разбираться со всеми, до вечера отсюда не уйдём.

Когда положили сходню, я остановил его.

— Куда мы идём?

Он ответил тише:

— К Грейвсу. Старик собирает судовые журналы. Вы с ним виделись до погони за Кейном. Первый раз я был с вами, потом вы ходили-бродили один и велели мне ждать внизу.

Имя было новым для меня.

— Он знает про карту?

— Вы мне не говорили. Знаю только, что после последнего разговора с ним вы несколько дней ходили злой и торопили нас с выходом в море.

На причале качка ещё несколько шагов чувствовалась в ногах. Бок ныл меньше, чем вчера, но ремень с пистолетом давил рядом с повязкой. Бриггс задержался у груза, а я отошёл к краю, чтобы не мешать носильщикам.

— Капитан Роу?

Рядом стоял босой мальчишка лет двенадцати. Рубаха была ему велика и закрывала почти половину штанов.

— Да?

Он посмотрел на «Ведьму», потом на меня.

— Про вас вчера спрашивали.

— Кто?

— Мужчина один. Не местный.

— Имя сказал?

Мальчишка замотал головой. Бриггс уже подошёл и слышал разговор.

— Что ему было надо?

— «Ведьму» ждал. У лодочников тоже спрашивал, когда придёт. Деньги давал, чтобы ему сразу сказали.

— Харроу? — спросил Бриггс.

— Нет. Харроу я знаю. Этот другой.

Ответ был быстрый. Я дал мальчишке монету.

— Если снова появится, найдёшь Бриггса. Про меня ему ничего не говори.

Парень спрятал деньги и убежал. Мы ещё несколько секунд смотрели ему вслед.

— Кто-то знал, что мы вернёмся сюда, — сказал я.

— Или надеялся.

От причалов вверх шла широкая улица. У складов приходилось обходить телеги, мешки и носильщиков, дальше стало свободнее. Несколько человек здоровались со мной по имени. Я отвечал коротко и не останавливался.

Один мужчина всё-таки подошёл, посмотрел на повязку и спросил, кто меня так отделал. Я сказал, что день вышел неудачный. Он засмеялся, хлопнул меня по здоровому плечу и пошёл дальше, не назвав себя. За это я был ему почти благодарен.

Чем дальше мы уходили от воды, тем меньше пахло рыбой. Вместо складов стояли мастерские и жилые дома, посередине улицы тянулась грязная канава. Я спросил, что Бриггс помнит о Грейвсе.

— Старый. Злой. Бумаги любит больше людей. В первый раз вы просидели у него часа два. Потом спустились и велели

мне больше не спрашивать, зачем вам старые журналы.

— Ты спросил?

— Ага.

Больше он ничего не добавил. Через несколько домов Бриггс показал на бондарную мастерскую. У входа стояли недоделанные бочки, внутри кто-то работал рубанком. Жильё было наверху, к нему вела наружная лестница.

На середине Бриггс остановился. Дверь наверху была открыта, дерево возле замка свежо выломано. Он достал пистолет. Я посмотрел на дверь и сделал то же самое.

— Грейвс! — позвал Бриггс.

Никто не ответил. Дверь открылась от лёгкого толчка. Внутри перевернули почти всё. Книги валялись на полу, ящики вытащили из стола, несколько карт развернули возле окна.

На досках темнело большое пятно от разбитой чернильницы. Бриггс проверил открытый шкаф и показал мне кошель рядом с серебряным кубком.

— Деньги оставили.

Я прошёл к столу. Здесь искали не наугад. Вещи раскидали, но не ломали, книги и бумаги явно просматривали. Кто бы ни приходил ночью, ему было нужно что-то конкретное.

За спиной скрипнула доска. Я развернулся и сразу пожалел об этом. Рана отозвалась болью. В двери дальней комнаты стоял худой седой мужчина в круглых очках.

Пистолет он держал обеими руками и целился мне в грудь.

— Ещё шаг, Роу, и вторую половину головы тебе уже не понадобится лечить.

Бриггс чуть опустил оружие.

— Доброе утро, Грейвс.

— Для тебя, может быть. Натаниэль, положи пистолет.

Я положил его возле ноги.

— Не мы к тебе вломились.

— В прошлый раз ты тоже пришёл разговаривать. Закончил тем, что обещал сломать мне пальцы.

Я покосился на Бриггса. Тот ничего не сказал.

— Сегодня пальцы оставим в покое.

Грейвс только теперь внимательно посмотрел на повязку.

— Что случилось?

— Получил по голове. Память тоже зацепило.

— Удобный случай.

— Не для меня.

Он подержал меня на прицеле ещё немного, затем убрал пистолет за пояс и велел Бриггсу сделать то же самое. После этого принялся собирать бумаги с пола, как будто мы пришли не в разгромленную комнату, а просто слишком рано.

— Кто здесь был? — спросил я.

— Если бы знал, уже искал бы. Ночью меня наверху не было. Остался у бондаря после рома и утром нашёл дверь такой.

— Что взяли?

Грейвс сложил несколько листов на стол.

— Сначала думал, ничего.

Я достал свёрток из каюты Кейна. Старик увидел его сразу и забыл про бумаги на полу.

— Где ты это взял?

— У Кейна.

— Он сам отдал?

— Нет. Кейн умер.

Грейвс протянул руку.

— Дай.

Я свёрток не отдал.

— Сначала скажи, зачем это было нужно Роу.

Он посмотрел на меня дольше обычного.

— Роу сейчас стоит передо мной.

— Тот, который приходил раньше, помнил больше.

Бриггс коротко объяснил про удар и провалы в памяти. Грейвс выслушал его без особого доверия, но спорить не стал. Я передал свёрток. Старик разложил бумаги на столе.

Первый лист просмотрел быстро, второй поднёс к окну, на третьем задержался надолго.

— Вот оно.

— Что именно?

— Маршрут Кейна и отметки с судна, которое семь лет назад прошло возле Святого Иуды. Ты за этим и гонялся.

Название я уже видел на бумагах из тайника.

— San Judas.

Грейвс кивнул.

— Теперь я выполняю свою часть.

Он ушёл в дальнюю комнату. Послышался скрип, потом что-то тяжёлое стукнуло о стену. Бриггс поднял перевёрнутый стул и сел, не спрашивая разрешения. Грейвс вернулся с толстой книгой в потёртой кожаной обложке.

Перед тем как положить её на стол, запер входную дверь на засов.

— Оригинал давно сгнил, — сказал он. — С него успели сделать два списка. Этот последний.

Книга была исписана мелким ровным почерком. На полях шли цифры, направления, иногда попадались грубые рисунки берегов. Грейвс объяснил, что записи оставил не человек с найденного корабля, а один из тех, кто позже пошёл искать пропавший конвой. Он собрал чужие свидетельства, прошёл часть маршрута, вернулся без корабля и почти без команды, а через месяц умер.

Старик листал медленно. Погода, вода, ремонт, глубины. Потом на странице появилось знакомое название. San Judas.

— Здесь они сошли с обычного пути. На острове взяли воду, чинились и ушли дальше.

— Куда?

— Это тебе и хотелось узнать.

Грейвс перевернул страницу и остановился. Возле переплёта торчали несколько светлых полосок бумаги. Он перелистнул назад, затем вперёд. Проверил ещё раз и выругался.

— Четыре страницы. Их вырезали.

Бриггс подошёл ближе. Я тоже наклонился над книгой. Срез был ровный и совсем свежий.

— Вчера были на месте? — спросил я.

— Вечером сам видел.

— Что там было?

Грейвс снял очки и потёр переносицу.

— Последние записи были уже после Святого Иуды. Они отмечали, сколько прошли, куда дул ветер и как вёл себя компас. Но нормального курса там уже не было. По журналу выходило, что команда сама не понимала, где находится и куда идёт.

Он открыл страницу перед вырезанными листами и нашёл нужную запись.

— Тут написано, что к вечеру они уже ушли от Святого Иуды. После заката компас снова начал показывать неправильно. Море было спокойное, ветер слабый. Ночью впереди заметили длинную тёмную полосу, но утром на её месте ничего не оказалось.

Под записью был нарисован круг, перечёркнутый двумя линиями.

Я вспомнил чёрную линию, которая проступала на карте под моей рукой.

— Слово «меридиан» там было?

Грейвс поднял голову.

— В этой записи ничего больше нет. Что было на вырезанных страницах, я уже не помню. А что ты ищешь?

— Потом объясню.

Тубу я оставил на «Ведьме» и теперь был этому рад. Показывать её Грейвсу пока не хотелось.

Бриггс тем временем ещё раз осмотрел комнату.

— Значит, ночью пришли именно за этими страницами.

— Видимо.

— Харроу?

Грейвс покачал головой.

— Харроу забрал бы книгу целиком. И меня заодно, если бы я оказался рядом.

— Кто ещё знал про страницы? — спросил я.

Старик снова надел очки.

— Я. Ещё несколько человек когда-то знали про этот журнал, но двоих уже нет в живых. Один уехал много лет назад. И ты тоже знал.

Я кивнул на Бриггса.

— А он?

— Только то, что ты ко мне приходил. Сам журнал я ему не показывал.

Я рассказал про незнакомца, который ещё вчера спрашивал в порту о «Ведьме». Грейвс сразу подошёл к окну.

— Внизу тоже спрашивали про тебя. Вчера вечером. Я сидел у бондаря, а какой-то человек пришёл узнать, не вернулся ли Натаниэль Роу.

— Бондарь его видел?

— Должен был.

Грейвс хотел закрыть книгу, но я придержал обложку.

— Ты сказал, что я знал про эти страницы. Я их видел?

Он ответил не сразу.

— В прошлый раз ты пришёл один. Я не дал забрать журнал и не позволил ничего переписывать, но прочитать разрешил.

В дневнике Роу этого не было. Там он написал про отказ Грейвса и про бумаги Кейна, но ни слова о том, что нужные страницы уже видел.

— Все четыре?

— Все.

— Что я делал после?

Грейвс немного подумал.

— Сидел молча. Потом попросил бумагу. Я отказал. Ты ещё минут десять смотрел журнал, закрыл его и ушёл. Уже у двери сказал, что если записи верны, тебе больше не нужна вся карта.

Я отпустил книгу.

Получалось, настоящий Роу уже видел те страницы, которые этой ночью кто-то вырезал. Судя по всему, он нашёл там что-то важное, а потом погнался за Кейном, чтобы проверить или подтвердить это. Но в своём журнале Роу ничего об этом не написал.

Снизу хлопнула дверь.

Мы услышали голос бондаря. Ему ответил другой мужчина, но слов я не разобрал.

Бриггс подошёл к окну, выглянул на улицу и сразу отступил в сторону.

— Капитан.

Я подошёл к нему.

Возле мастерской стоял высокий мужчина в сером дорожном плаще и разговаривал с бондарем. Через плечо у него висела сумка. В какой-то момент бондарь показал рукой наверх.

Мужчина посмотрел на окно.

Наши взгляды встретились.

Он сразу развернулся и пошёл прочь.

Я поднял с пола пистолет.

— Это он.

И первым вышел на лестницу.

— Стой!

Он даже не обернулся. К тому времени, когда я спустился, мужчина уже пересёк улицу. Бриггс шёл за мной, но раненое плечо мешало ему держаться за перила. Бондарь отступил в сторону, не понимая, что происходит.

— Это тот, кто вчера спрашивал про меня? — бросил я ему.

— Он. А что?

Отвечать было некогда. Мужчина в сером свернул за угол. Я побежал следом. После первых же шагов боль напомнила, что вчера меня резали саблей.

Пришлось придержать повязку ладонью, но останавли-

ваться я не собирался. За углом начиналась узкая улица между домами. Серый плащ мелькнул далеко впереди и сразу исчез за телегой.

— Роу! — крикнул Бриггс сзади. — Не гони так!

Поздно. Я обошёл телегу справа. Возчик заорал, когда я едва не снёс корзину с его борта. Впереди мужчина столкнулся с дороги мальчишку с ведром и свернул в проход между двумя домами.

Проход оказался настолько узким, что плечи почти задевали стены. Под ногами текла грязная вода. Человек в сером был быстрее. Я видел только спину и сапоги.

Он оглянулся один раз. Лицо худое, гладко выбритое. Лет сорок, может меньше. Ничего знакомого.

Увидев, что я не отстал, он полез за пояс. Я притормозил. Пистолет у него появился в руке уже на выходе из прохода.

— Вниз! — заорал Бриггс.

Выстрел ударил по ушам. Пуля врезалась в стену слева, выбив кусок штукатурки. Я пригнулся и вытащил свой пистолет, но стрелять не стал. Впереди были люди.

Мужчина уже пересёк следующую улицу и толкнул дверь какого-то двора. Бриггс догнал меня у выхода.

— Живы?

— Да.

Он посмотрел туда, куда ушёл незнакомец.

— Теперь помедленнее пожалуйста.

Я дышал тяжело, бок горел под повязкой.

— Он уйдёт.

— Если вас сейчас снова порежут, мне Хью голову открутит.

Мы всё равно пошли дальше. Двор оказался проходным. За ним начинался небольшой рынок. Под навесами продавали рыбу, фрукты, ткань.

Людей было много, и серого плаща нигде не было видно. Мы разделились молча. Бриггс пошёл вдоль рядов, я двинулся к выходу на соседнюю улицу. Несколько человек узнали меня, кто-то поздоровался, но я не отвечал.

У края рынка лежала перевёрнутая корзина. Апельсины или что-то похожее раскатились по земле. Женщина собирала их и ругалась вслед кому-то.

— Мужчина в сером плаще здесь пробегал? — спросил я. Она ткнула рукой вправо.

— Туда. Чтоб ноги себе переломал.

За рынком улица спускалась обратно к воде. Я увидел его почти сразу. Он уже не бежал, а быстро шёл, стараясь не привлекать внимание. До причалов оставалось метров сто.

Я тоже перешёл на шаг. Если он не знает, что я снова его вижу, можно попробовать подойти ближе. Между нами шли люди, катили две бочки, какой-то матрос нёс на плече весло. Я держался за ними и постепенно сокращал расстояние.

Мужчина дошёл до перекрёстка. Там его кто-то окликнул. Он повернул голову и заметил меня. На этот раз побежал сразу.

Я выругался и пошёл следом. До самой воды он не добежал. Свернул к складам, проскочил под поднятым воротом и исчез внутри большого тёмного помещения. Я остановился у входа.

После солнца внутри почти ничего не было видно. Сзади прибежал Бриггс.

— Он там?

— Там.

Бриггс вытащил пистолет.

— Теперь без глупостей.

Мы вошли. В складе пахло табаком и сырой мешковиной. Вдоль стен стояли ящики, между ними оставался широкий проход к задним дверям. Где-то капала вода.

Я прислушался. Слева что-то зашуршало. Мы оба повернулись. Крыса выскочила из-за ящика и исчезла под досками.

Бриггс тихо выругался. Я прошёл дальше. Задняя дверь была открыта. За ней блестела вода канала, а у деревянного настила покачивались две лодки.

Одна была пустая. Вторая отходила от берега. Мужчина в сером сидел на корме, пока другой человек грёб. Расстояние уже было слишком большое для прыжка и слишком маленькое, чтобы безопасно стрелять через весь канал.

По другому берегу ходили люди. Я вышел на настил. Незнакомец смотрел на меня. Теперь он не торопился.

Поднял руку, будто прощаясь, и что-то бросил в воду.

Предмет плеснул недалеко от настила и сразу пошёл ко дну.

— Видели? — спросил Бриггс.

Я уже снимал пояс с пистолетом.

— Подержи.

— Вы чего?

— Он что-то выкинул.

— И?

Я отдал ему оружие и сапоги.

— И я водолаз.

До воды было чуть больше метра. Я прыгнул ногами вперёд. Вода оказалась тёплой только сверху. Ниже сразу стало холодно.

Здесь было неглубоко, метра три, но мутно так, что собственные руки быстро исчезли в зелени. Я открыл глаза и тут же пожалел. Щипало сильно. Пришлось искать на ощупь.

Течение в канале было слабым, но дно оказалось вязким. Стоило опустить руку ниже, пальцы сразу провалились в холодный ил. Я шарил почти вслепую, вытаскивал щепки, камни, какой-то ржавый кусок железа. Если серый действительно что-то бросил сюда, найти это было почти нереально.

Пришлось вынырнуть за воздухом.

— Есть? — крикнул Бриггс сверху.

Я мотнул головой и сразу снова ушёл под воду. Лодку мы всё равно уже упускали, а значит оставалось хотя бы понять, ради чего этот человек полез в канал.

Во второй раз я повёл рукой чуть левее и почти сразу за-

цепился пальцами за тонкий шнур. Потянул, и из ила показался небольшой кожаный мешочек.

На настил я выбрался уже с ним. Бок снова разболелся, мокрая рубашка липла к телу.

— Похоже, это он выбросил.

Бриггс взял мешочек. Узел затянулся намертво, поэтому он просто перерезал шнур ножом.

Внутри оказались две серебряные монеты, камень и сложенная бумага.

Я развернул её.

Лист выглядел гораздо свежее тех, что мы видели у Грейвса. Почерк тоже был другой. Текста немного, и разобрать удалось не всё.

Но одно название я узнал сразу.

San Judas.

Святой Иуда.

Ниже шли какие-то цифры и короткая пометка о направлении. А в самом низу стоял знакомый знак — круг, перечёркнутый двумя линиями.

Бриггс заглянул мне через плечо.

— Это то, за чем он к старику ходил?

— Нет. По крайней мере, не сама страница.

Я перевернул лист. На обратной стороне стояли два слова. Nathaniel Rowe. И под ними дата.

Вчерашняя дата.

Я ещё раз посмотрел на канал. Лодка уже скрылась за по-

воротом.

Этот человек приехал в Порт-Мерси раньше нас. Он знал, что я должен здесь появиться, искал Грейвса и что-то выяснял про Святого Иуду. А в кармане у него лежала бумага с моим именем.

— Возвращаемся к Грейвсу, — сказал я.

Бриггс посмотрел на мою мокрую рубаху, потом на кровь, снова проступившую на боку.

— Сначала к Хью.

— Потом.

— Капитан...

— Он выбросил мешок, когда понял, что мы его догоняем. Значит, либо боялся, что мы найдём эту бумагу, либо специально оставил её нам.

Бриггс помолчал и больше спорить не стал.

Я осторожно сложил мокрый лист и убрал под рубаху. Чернила по краям уже расплывались, но главное ещё можно было прочитать.

Nathaniel Rowe.

— К Грейвсу.

Бриггс вернул мне сапоги и пистолет. Мы пошли обратно вдоль канала. За поворотом, куда ушла лодка, уже никого не было.

Глава 8. Святой Иуда

К Грейвсу я вернулся мокрый до трусов.

За дорогу рубаха немного подсохла на плечах, но штаны всё ещё липли к ногам, а в правом сапоге хлюпало при каждом шаге. Повязка на боку снова пропиталась кровью. Рана, похоже, решила напомнить, что бегать по городу и нырять в каналы с говном мне пока рано.

Бриггс всю дорогу поглядывал на мою рану, но молчал. Я тоже ничего не говорил. После погони хотелось сначала отдышаться, потом уже слушать, какой я идиот.

Бондарь сидел перед мастерской и стягивал железный обруч на бочке. Увидев нас, он отложил молоток и долго смотрел на мою мокрую одежду.

— Нашли его?

— Ушёл на лодке.

— А ты, я смотрю, решил плыть следом.

— Почти.

Он кивнул в сторону канала.

— Там шлюха вчера ведро вылила.

Я уже поставил ногу на лестницу, но остановился.

— Какое ведро?

Бондарь пожал плечами.

— Я ее не спрашивал.

Бриггс сначала хрюкнул, потом всё-таки заржал. Смех

сразу отдал ему в раненое плечо, и он схватился за перевязь.

— Вот теперь, капитан, я даже настаивать на Хью не буду.
Тут уже поздно.

Я посмотрел на бондаря.

— Ты не мог раньше сказать?

— Ты очень быстро бежал.

— Убедительно.

Я полез наверх, стараясь не думать о том, что именно сейчас хлопает в сапоге.

Грейвс открыл дверь ещё до того, как мы постучали. За время нашего отсутствия он успел поднять стулья и собрать книги с пола. Я прошёл внутрь, оставляя за собой мокрые следы.

Старик посмотрел вниз.

— На ковёр не наступай.

— Тебе ночью дверь выбили.

— Дверь мне сделают новую. А ковёр чистый и ты его испортишь.

Пришлось обойти его драгоценный не персидский ковёр вдоль стены.

— Нашли? — спросил Грейвс.

Я достал мокрый лист. Бумага за дорогу размякла ещё сильнее, поэтому развернуть её на столе получилось только с третьей попытки.

— Он выбросил это в канал, когда уходил.

Грейвс хотел взять лист, но я придержал край.

— Осторожно. Она уже разваливается.

Старик посмотрел на мою одежду.

— Удивительно.

— Что?

— Бумагу ты решил беречь. А сам в говне.

Бриггс опять засмеялся.

— Вы сегодня сговорились?

Грейвс принёс чистую тряпку, вытер руки и только потом занялся находкой. Мокрые края он расправил ногтем и прижал монетами. Бумага была новее страниц из его книги. Вода добралась не до всего, и несколько строк ещё можно было разобрать.

— San Judas, — сказал он. — Ниже кто-то записал курс, а дальше, скорее всего, расстояние. Начало смыло. Так что если сейчас спросишь, куда именно он собирался, я тебя разочарую.

— Уже привык.

Внизу листа остался перечёркнутый круг. Тот же знак, который я видел на тубе и в старом журнале.

— Тогда объясни хотя бы название. Святой Иуда. Я второй день его слышу, но до сих пор не знаю, что там вообще находится.

Грейвс посмотрел на меня поверх очков.

— Ты был здесь три недели назад и спрашивал почти то же самое.

— Считаю, мне понравился ответ. Хочу еще раз услышать.

Он хмыкнул и полез к полке. Оттуда появилась свёрнутая карта. Грейвс освободил место между книгами и разложил её на столе.

Пальцем он прошёл вдоль цепочки островов и остановился на маленькой точке.

— Вот твой Святой Иуда. Испанская стоянка. Когда-то там были несколько домов, склад и место, где брали воду. Бухта удобная, но лежит в стороне от нормальных путей. Потом испанцы ушли, и остров почти никому не понадобился.

Я наклонился к карте.

— И это всё?

— А чего ты ждал?

— После сегодняшнего хотя бы черепа с костями.

— Могу дорисовать. За отдельную плату.

Бриггс тоже заглянул в карту.

— Маленький какой-то.

— Острову всё равно, что ты о нём думаешь, — ответил Грейвс.

— А почему его бросили?

— Не знаю. В старых бумагах пишут разное. Болезнь, плохая вода, нападение. Никто из тех, кто там жил, ко мне с объяснениями не заходил.

Это меня устроило больше длинной истории, которой всё равно никто не мог подтвердить.

— Иуда-то какой? — спросил я. — Не тот самый?

Грейвс уже начал сворачивать край карты, но остановил-

ся.

— Иуда Фаддей.

Мы с Бригтсом молчали.

— Святой, — пояснил он. — Другой человек.

Бригтс нахмурился.

— Их было два?

Грейвс снял очки и посмотрел на него.

— Иногда мне кажется, что море слишком хорошо к тебе относится.

— Я умею плавать.

— Заметно.

Я рассмеялся.

— Ладно. Значит, остров не назвали в честь предателя.

— Можешь вычеркнуть это из списка опасностей.

— Уже легче.

Грейвс снова потянул карту к себе, но я придержал край.

— Ты сказал, остров почти никому не нужен. Тогда откуда столько разговоров про него?

— Из-за конвоя. Когда пошли слухи о пропавшем серебре, туда полезли все, кому хватило песо на корабль и не хватило ума остаться дома. Находили обломки, пустые строения, старые кострища. Несколько могил. Серебра никто не привозил.

— Совсем?

— Один привёз испанские песо и месяц рассказывал, что нашёл их на острове.

Бриггс одобрительно кивнул.

— Хорошо придумал.

— Его потом утопили за враньё.

— Плохо закончил.

Грейвс усмехнулся и постучал пальцем по точке на карте.

— Святой Иуда интересен только потому, что его постоянно упоминают люди, которые искали конвой. Сам остров может быть обычной дырой с плохой водой.

Я посмотрел на San Judas, потом на мокрый лист неизвестного.

— Роу в прошлый раз видел эту карту?

— Да. И мой журнал тоже.

— Включая вырезанные страницы?

— Включая их.

Вот это меня и беспокоило.

— Тогда объясни одну вещь. Он прочитал всё, что у тебя было, ушёл отсюда и три дня гнался за Кейном. Даже когда ветер почти умер, погоню не бросил. Зачем мне Кейн, если нужное я уже нашёл здесь?

Грейвс не стал отвечать сразу.

— Может, не нашёл. Может, увидел ты что-то, чему не поверил. Ты тогда ничего мне не объяснил.

— Но вёл себя как человек, который что-то понял?

— Вёл себя как человек, которого лучше не трогать.

Бриггс оттолкнулся от шкафа.

— Тут я могу помочь. После того раза вы спустились вниз

и сразу велели готовить «Ведьму». Я сначала решил, что старик вас обсчитал. Потом понял, что дело серьезнее. Вы даже в кабак не пошли.

Грейвс поднял брови.

— Вот теперь мне обидно. Я думал, разговор произвёл на него впечатление.

— Произвёл, — сказал Бриггс. — До рассвета мы снялись с якоря. Капитан дал курс на северо-восток и велел искать Кейна. Когда нашли его след, уже не отпускали.

— Ты спрашивал зачем?

— Конечно. Я же ещё жить хотел и предпочитал понимать, за кем мы гоняемся.

— И что я сказал?

Бриггс усмехнулся.

— «Узнаешь, когда понадобится». После такого я решил, что мне пока ничего не надо.

На это даже Грейвс улыбнулся.

Я откинулся на спинку стула. Прежний Роу вышел из этой комнаты и сразу бросился за Кейном. В собственном журнале про вырезанные страницы он не написал ни слова.

— Покажи последнюю запись перед ними.

Грейвс открыл книгу. От вырезанных листов у переплёта остались узкие полоски. Перед ними была страница, которую мы уже смотрели утром.

Святой Иуда остался за кормой. После заката компас снова начал показывать неправильно. Море спокойное, ветер

слабый. Ночью впереди заметили длинную тёмную полосу. Утром её уже не было.

Под записью стоял перечёркнутый круг.

— Дальше шли те самые страницы?

— Четыре листа, — ответил Грейвс. — Восемь сторон. В основном расчёты и записи по ходу корабля. Они пытались понять, где оказались. В одном месте расстояние не сходилось, в другом курс противоречил записи за предыдущий день. Я запомнил общее, а не каждую цифру.

— Я запомнил больше?

— Не знаю. Но последние страницы он перечитал дважды. Потом попросил другую карту, крупнее этой, положил рядом с журналом и долго что-то сравнивал.

— Что?

Грейвс развёл руками.

— Ты сидел напротив и молчал. Я не умею читать мысли, особенно твои.

Бриггс уселся на край сундука.

— Я всё больше понимаю, почему вы с капитаном не поружились.

— Мы прекрасно ладили, пока он молчал.

— Тогда вы с ним лучшие друзья.

Я потёр висок.

— После карты я что-нибудь спрашивал?

— Да. Только не то, что я ожидал.

Грейвс перелистнул несколько страниц назад, хотя нуж-

ной записи там уже не было.

— Сначала тебя заинтересовало, откуда у меня этот журнал. Кто принёс, когда я его получил, видел ли я самого владельца. Я купил книгу у вдовы. Самого моряка не застал. Он умер задолго до этого.

— Я хотел узнать что-то про него?

— В конце задал один вопрос. Я его запомнил, потому что он был странный.

Грейвс поднял голову.

— Ты спросил, вернулся ли автор этих записей со Святого Иуды живым.

Я некоторое время смотрел на него.

— И всё? Ни про клад, ни про Чёрный меридиан?

— Про клад ты вообще не спрашивал. Тебя интересовало, добрался ли он обратно.

Бриггс уже не улыбался.

— И добрался?

— Да.

— Один?

— Нет. На корабле были и другие.

Я придвинулся к столу.

— Они вернулись ранеными? Больными?

— Судя по тому, что я нашёл, корабль дошёл до Барбадоса без помощи. Люди сами разгрузились и получили свои песо. Автор журнала продал часть вещей, несколько дней ходил по кабакам и говорил, что скоро снова выйдет в море.

— То есть с ним всё было нормально.

Грейвс надел очки.

— Когда вернулся, внешне да.

— А потом?

Старик посмотрел на меня.

— А потом умер через двенадцать дней.

Глава 9. Двенадцать дней

— От чего он умер?

— Врач написал «лихорадка». Больше ничего. Причём заболел он уже на Барбадосе. До этого успел продать часть вещей, несколько дней ходил по кабакам и собирался снова в море.

— А остальные?

— Я нашёл сведения ещё о четверых. Один умер раньше него. Двое исчезли. Последний прожил почти год, но больше в море не выходил.

Бриггс потёр бороду.

— Вы сейчас специально рассказываете всё самое хорошее?

— Могу соврать, если тебе станет спокойнее.

— Не надо. У меня и так плечо болит.

Я посмотрел на схему острова, которую Грейвс нарисовал несколько минут назад.

— И после этого я решил туда плыть.

— Ты не говорил, что решил делать.

— Но потом погнался за Кейном, у которого были бумаги про Святого Иуду. Значит, собирался.

Грейвс снял со стола мокрый лист неизвестного и снова поднёс к окну.

— Возможно. А возможно, хотел убедиться, что туда как

раз не надо идти.

— Очень помогает.

— Я не обязан выдавать тебе правильный ответ только потому, что ты промок.

Бриггс тихо засмеялся.

Я снял правый сапог. Вода плеснула на пол.

Грейвс посмотрел на лужу.

— Только не на ковёр.

— Да помню я про твой ковёр.

Из сапога вылилось столько, что Бриггс отодвинул ногу.

— Там рыба не осталась?

— Сейчас проверю.

Второй сапог оказался почти сухим. Я натянул его обратно, а первый поставил возле окна.

Грейвс тем временем разложил рядом две бумаги. Мокрый лист и страницу из своего журнала перед вырезанным местом. Долго что-то сравнивал, потом начал писать цифры на чистом листе.

— Есть одна вещь, — сказал он.

Мы с Бриггсом подошли ближе.

— Вот эта запись сохранилась хорошо.

Он показал на короткую строку под San Judas.

— Здесь направление. Восток с небольшим уклоном к югу.

— Это куда?

Грейвс поднял голову.

— Ты мореход или я?

— Сегодня ты.

Бриггс наклонился к бумаге.

— Восток-юго-восток?

— Примерно.

— А расстояние?

— Размыло.

Я посмотрел на тёмное пятно вместо нескольких цифр.

— Совсем?

— Первая цифра могла быть тройкой. Может, восьмёркой. Дальше ничего.

Бриггс присвистнул.

— Разница хорошая.

— Именно.

Тридцать миль и восемьдесят в море были немного разными вещами даже для меня.

— Но от Святого Иуды курс хотя бы начинается?

— Похоже на то. Если этот лист вообще относится к тому же маршруту.

— На нём знак с тубы.

— Это доказывает только то, что человек знает этот знак.

Я забрал бумагу.

Грейвс придержал её пальцем.

— Оставь до вечера. Я попробую восстановить цифры.

— Каким образом?

— Тем, который не требует лезть с ней ещё в один канал

с какахами.

Я отпустил лист.

— До вечера.

— И Роу.

Я уже собирался идти к двери.

— Что?

— Если ты действительно поплывёшь на Святого Иуду, не рассчитывай, что найдёшь там указатель с надписью «сокровище сюда».

— А я как раз надеялся.

— Там уже были люди до тебя. Много. Большинство ничего не нашли.

— Некоторые нашли достаточно, чтобы потом умереть.

Грейвс ничего не ответил.

На улице солнце поднялось уже высоко. После прохладной комнаты жара ударила сразу. Мокрая одежда стала ещё противнее.

Бриггс спускался за мной по лестнице.

— Теперь к Хью.

— Да, пошли.

Он остановился.

— Вы согласились?

— Да.

— Просто так?

— Могу передумать.

— Нет. Идём.

До причала добрались без приключений. Порт уже окончательно проснулся. У складов стало тесно от телег, носильщиков и людей, которым обязательно нужно было стоять поперёк дороги.

Возле «Ведьмы» тоже было шумно.

Часть груза с захваченного корабля успели перенести на берег. Бочки стояли рядами, рядом лежали тюки ткани и два длинных ящика с оружием. Вокруг крутились наши матросы и несколько местных торговцев.

Один торговец держал в руках кусок ткани и спорил с Томпсоном.

— Это не французское.

— Мне плевать, откуда оно.

— Тогда почему цена французская?

— Потому что я так сказал.

— А если я скажу, что оно китайское?

Томпсон задумался.

— Тогда будет дороже.

Торговец выругался и бросил ткань обратно.

Я прошёл мимо.

— Хорошо торгуется?

Томпсон посмотрел на меня.

— Пока он считает меня идиотом.

— А ты?

— А я жду, когда ему надоест.

Торговец поднял руки.

— Я всё слышу.

— Вот и хорошо.

Бриггс остановился возле груза.

— Я разберусь здесь. Идите к Хью.

— Один дойду.

— Я просто хочу убедиться.

— В чём?

— Что вы не свернёте к кабаку.

— В мокрых штанах?

— Вас это раньше не останавливало.

Я решил не спрашивать.

Хью нашёлся на нижней палубе. Он перевязывал Джонни руку и был недоволен ещё до того, как увидел меня.

— Что теперь?

— Почему сразу «что теперь»?

Он посмотрел на одежду.

Потом на бок.

— Снимай рубаху.

— Я думал, сначала спросишь, что случилось.

— Уже насмотрелся.

Джонни сидел рядом с привязанной к груди рукой и с удовольствием наблюдал.

— Капитан в море упал?

— В канал.

— А.

По его лицу я понял, что это почему-то хуже.

Хью разрезал старую повязку. Ткань присохла к ране, и последние остатки хорошего настроения исчезли, когда он начал её снимать.

— Ты швы хочешь?

— Нет.

— Тогда перестань бегать.

— Постараюсь.

— Вчера тоже постарался.

— Вчера я вообще ничего тебе не обещал.

Хью поднял голову.

— Точно. Поэтому сегодня обещаешь.

Я посмотрел на него.

— Ты всегда с капитаном так разговариваешь?

Джонни ответил раньше:

— Когда капитан без штанов, Хью вообще ничего не боится.

Я опустил глаза.

Штаны на мне были.

Джонни заржал.

— Почти без штанов.

Хью сунул ему в здоровую руку свёрнутую тряпку.

— Иди отсюда.

Джонни ушёл, всё ещё смеясь.

Рану пришлось промывать заново. Потом Хью наложил свежую повязку и велел хотя бы до вечера не бегать, не драться и не лазить в воду.

— А ходить можно?

— Если медленно.

— Корабль вести?

— Сидя.

— Стрелять?

Он затянул узел сильнее, чем требовалось.

— Это был ответ?

— Да.

Я оделся в сухую одежду. Старую рубаху оставил у Хью, штаны пришлось терпеть ещё какое-то время. Запасные вещи лежали в каюте.

Наверху уже начали делить часть добычи.

Не всё. Бриггс объяснил, что сначала отделят корабельное, потом доли погибших и раненых, а уже остаток пойдёт команде. Вокруг стояло человек двадцать, и у каждого имелось мнение, сколько именно должен получить сосед.

— Три доли за пушкаря? — возмущался мужчина с перевязанной щекой. — Он половину боя просидел у орудия, которое даже не стреляло.

— Потому что ядро заклинило, — ответил ему другой. — Что ему надо было, зубами его вытаскивать?

— Я бы посмотрел.

— Тебе самому зубов не хватает, хрен ты с моря.

Я остановился рядом с Бриггсом.

— У них всегда так?

Бриггс глянул на спорщиков. Рыжий матрос уже держал

товарища за рукав и требовал признать, что заклинившая пушка всё равно считалась его боевым местом.

— Пока спорят про пушку, всё спокойно. Дальше вспомнят, кто кому должен деньги. Потом кто-то обязательно вспомнит про нож, кружку или сапоги, которые одолжил ещё весной и так и не получил обратно.

Словно услышав его, один из матросов заорал с другого конца палубы:

— А мой нож кто унёс после абордажа?

Бриггс развёл руками.

— Вот. Уже начали.

— И что ты обычно делаешь?

— Жду. Если полезут за оружием, заберу оружие. К вечеру устанут и сами договорятся.

Он вытащил из-за пояса сложенный лист.

— Тут другое. Пятеро наших погибших. По двоим я уже разузнал. У одного сестра в Нассау, у другого жена здесь, в Порт-Мерси. Про троих пока пусто.

На листе стояли пять имён. Напротив двух Бриггс уже сделал короткие пометки.

— А раньше с такими долями что делали?

— Сначала спрашивали команду. Иногда человек заранее говорил, кому передать его деньги. Если никого не находили, решали потом.

— Тогда так и сделай. Этим двум отдай всё. По остальным сначала поспрашивай и ничего пока не дели.

Бриггс задержал палец на одной из пометок.

— Всё отдать?

— Всё. Они в бою были вместе со всеми.

— Ладно.

Он сложил лист и убрал за пояс.

С причала свистнули. У сходней стоял молодой матрос с «Ведьмы» и махал Бриггсу рукой. Тот спустился к нему, выслушал несколько фраз и вернулся уже без улыбки.

— Есть новость. Утром с востока вошла шхуна. Их капитан говорит, что два дня назад разминулся с Харроу.

— Он уверен, что это был Харроу?

— Корабль знает, встречал раньше. Харроу шёл на запад.

— К нам?

— Этого он не знает. Если курс не менял, то очень похоже. При хорошем ветре завтра к вечеру может быть здесь. Если ветер сядет, позже.

Я посмотрел на выход из гавани. До этого Харроу был где-то там, на востоке. Теперь между нами оставалось два дня хода, а может, и меньше.

— Сколько нужно «Ведьме», чтобы выйти?

Бриггс оглянулся на груз и ответил уже без раздумий:

— Воду грузить закончим к закату. Порох на борту. Педро с утра ругается из-за лука, значит с едой тоже почти закончили. Паруса в порядке.

— А приз наш, в виде второго корабля?

— Быстро его не продадим. Томпсон может остаться с

людьми и закончить без нас.

— Пусть остаётся. «Ведьма» должна быть готова до рас-
света.

Бриггс почесал бороду.

— Значит, всё-таки Святой Иуда?

— Если Грейвс разберёт бумагу, пойдём туда. Если не раз-
берёт, решим утром. Но сидеть у причала и ждать, пока Хар-
роу сам к нам придёт и даст пизды, я не хочу.

— А если он войдёт ночью?

— Тогда уйдём ночью.

Бриггс кивнул.

— Вот это уже больше похоже на вас.

— Не порть мне настроение.

Оставшиеся часы я провёл на корабле. Томпсон дважды таскал меня к торговцам из-за спорных ящиков, потом на-
шёлся матрос, уверенный, что ему недодали пороховых де-
нег. Педро явился с жалобой на лучшую кастрюлю: команда
считала её общей, Педро считал своей и на всякий случай
уже держал под мышкой. Кастрюля осталась у него.

К закату погрузка ещё шла, но «Ведьма» уже сидела в во-
де тяжелее. Бриггс остался следить за последними бочками.
К Грейвсу я пошёл один: если Харроу действительно был так
близко, на корабле нужен был человек, который умел подго-
товить его к выходу без моих советов.

Грейвс ждал.

Дверь уже кое-как починили. Вместо выломанного замка

висела новая металлическая скоба.

На столе лежал наш мокрый лист, прижатый по углам чепсырьмя песо.

— Получилось?

— Частично.

Я сел.

Грейвс подвинул ко мне чистую бумагу. На ней он переписал несколько цифр и нарисовал стрелку.

— Направление я почти уверен, что прочитал правильно. От Святого Иуды они шли восток-юго-восток. С расстоянием всё хуже. Но здесь, скорее всего, было тридцать две мили.

— Скорее всего?

— Если хочешь точность, найди человека, который это написал.

— Я сегодня пытался.

— Плохо пытался.

Я пропустил это.

— Тридцать две мили. И что потом?

— А потом начинаются вырезанные страницы.

Вот и весь маршрут.

Я посмотрел на его схему.

— Значит, Святой Иуда, потом тридцать две мили на восток-юго-восток.

— Не спеши.

Грейвс не закрыл журнал. Он снова подтянул к себе промокший лист, повернул его к свету и несколько секунд раз-

глядывал самый край.

— Подожди. Я днём принял это за часть расчёта.

Он провёл ногтем рядом с почти исчезнувшей записью. Теперь, когда я знал, куда смотреть, там действительно можно было разобрать две цифры.

— Время?

— Похоже. После полуночи. Остальное вода разъела.

Я посмотрел на него.

— Я в тот момент спрашивал тебя про время?

— Да. И несколько раз. Во сколько они ушли от Святого Иуды, сколько было до темноты, когда начал дурить компас. Я тогда решил, что ты пересчитываешь ход корабля.

— А если нет?

— Тогда ты мне этого не объяснил.

Я вспомнил прошлую ночь на «Ведьме». Карта менялась после темноты. Под моей рукой на ней проступало то, чего Роу в своём журнале не описывал.

— Если выйти от острова днём, может быть разница?

Грейвс посмотрел на меня поверх очков.

— Я только что полдня пытался прочитать четыре мокрые цифры. Откуда мне знать?

— Ладно. Справедливо.

Он оставил лист на столе, а я сложил его схему и убрал за пазуху.

— До рассвета «Ведьма» будет готова. Если Харроу не появится раньше, мы идём к Святому Иуде.

Рука Грейвса, уже потянувшаяся к журналу, остановилась.

— Ты это уже говорил.

— Когда?

— Три недели назад. Сидел примерно там же и сказал, что следующим утром пойдёшь к Святому Иуде.

Я снова опустился на стул.

— Но не пошёл.

— Нет. На следующий день ты вернулся один. Злой, как собака. Сказал, что передумал, и попросил больше никому не рассказывать, о чём мы говорили.

— Причину назвал?

— Ни слова.

Грейвс помедлил, потом открыл нижний ящик стола.

— Зато кое-что оставил. Я уже думал, что никогда не придётся отдавать.

Он достал небольшой конверт и положил передо мной.

— Ты велел передать его, если снова соберёшься на Святого Иуду.

На конверте стояло имя Nathaniel Rowe. Почерк был тот же, что в журнале. Я открыл его и вытащил сложенный вдвое лист.

Внутри была одна строка.

«Если ты снова решил идти на Святого Иуду, значит, ты опять ничего не помнишь».

Глава 10. Своей рукой

Я поднёс лист к свече. Под первой строкой было пусто. Ни подписи, ни объяснения.

Грейвс тем временем затягивал ремень на мешке с книгами. Кожаный конец никак не попадал в пряжку, старик ругнулся себе под нос и начал заново.

Я перевернул письмо.

Оборот был исписан почти до края. Несколько слов Роу зачеркнул так сильно, что перо местами продавило бумагу.

«Дважды после просмотра карты я забывал, что делал. В первый раз списал на ром и бессонную ночь. Во второй Бриггс сказал, что приказ уже выполнен. Я помнил, как отдавал его впервые, и не помнил, как отменил».

Я перечитал последние две строки.

Дальше Роу писал короче. После долгого чтения карты немели пальцы. Потом выпадало время. Один раз он пришёл в себя уже у окна и не смог вспомнить, зачем встал из-за стола.

Ниже шло предупреждение самому себе:

«Не держи её в руках. Клади на стол. Один не оставайся».

Я отпустил край листа.

На базе я сделал ровно наоборот.

Серёга предлагал приехать. Семь минут, сказал он. Я послал его спать, заперся в инструментальной и полез в тубу

один.

В памяти сразу всплыл другой разговор. Соня рассказывала про Марину, а я не мог вспомнить, кто это такая. Тогда карта ещё лежала закрытая на базе.

Я не стал решать, что это значит. Пока хватало и того, что Роу тоже начал забывать задолго до удара по голове.

Внизу письма оставалось ещё несколько строк.

«Путь в журнале не сходится по времени. Я решил, что старик ошибся, но Кейн считал иначе. Сначала возьми его расчёты. Если опять покажется, что всё ясно, проверь ещё раз».

Под датой Роу приписал отдельно: «Бриггсу про карту пока не говорить».

— Ну? — спросил Грейвс. — Ты там себе наследство оставил или угрозу?

— Скорее инструкцию.

Я назвал дату.

Грейвс перестал возиться с ремнём, полез в стопку бумаг и вытащил тонкую тетрадь.

— В тот день я сюда приходил?

— Ты за последние недели приходил слишком часто. Дай посмотреть.

Он перелистал несколько страниц. На одной задержался, поднёс тетрадь ближе к свече и провёл ногтем по строчке.

— Был. Читал журнал, снова просил карту. Книгу я тебе не отдал.

— А про Кейна?

— Сказал, что сначала доберёшься до него. Ещё спорил со мной, что в расчётах ошибка.

— Я или ты?

— Ты. Я в тот вечер был занят тем, что не давал тебе унести книгу.

Он сунул тетрадь обратно.

Дата совпала.

Значит, письмо написал тот Роу, который сидел здесь три недели назад. Никакого второго меня, никакого послания из будущего. Человек заметил, что у него пропадают куски времени, испугался достаточно, чтобы оставить самому себе записку, а потом всё равно полез дальше.

В этом мы с ним, наверно, были похоже.

— В журнале есть что-нибудь про память? — спросил я.

Грейвс затянул ремень и наконец оставил мешок в покое.

— В той части, что осталась, нет. А вырезанные страницы я по памяти тебе не восстановлю, сколько бы ты ни смотрел на меня таким лицом.

— Каким?

— Которым ты обычно собираешься что-нибудь забрать.

Я убрал письмо за пазуху.

— Книгу оставляю тебе.

— Какая щедрость.

Он поднял мешок.

— Только не здесь.

Я задержал его у двери.

— В смысле?

— В прямом. Тот человек нашёл тайник, вырезал нужные листы и ушёл. Значит, адрес он знает. Второго визита я ждать не собираюсь.

— Куда пойдёшь?

— Туда, где тебя не будет.

— Очень полезно.

— Конечно, мне так спокойнее будет.

Это было всё, что я от него добился.

Грейвс отдал мне бумаги Кейна, выписку с мокрой записки и рисунок северной бухты Святого Иуды. Форт он обозначил квадратом, камни у входа двумя жирными точками.

— Подходите днём к берегу, — сказал старик. — Сначала лодкой. Там мелко у берега и хватает камней, чтобы испортить вам все ещё до начала.

— Сам давно там был?

— Достаточно давно, чтобы не выдавать старую память за свежий пример.

Он указал на сверток у меня в руках.

— И не вздумай считать тридцать две мили готовым курсом. Пока это только число на чужой бумаге.

— Понял.

— Ты и в прошлый раз всё понял.

Я ничего не ответил.

С книгами Грейвса пошёл один из наших матросов. Ста-

рик позволил нести мешок только после того, как убедился, что у парня обе руки целы. У бондарни он даже не попрощался. Только велел вернуть человека сразу на корабль.

До причала я дошёл медленнее, чем хотелось. В темноте доски блестели после разлитой воды, фонари висели редко.

Возле призового судна стояла телега.

Хью устраивал на сене троих раненых. Одного поднимали на свёрнутом парусе, потому что сам он встать не мог. Лекарь ругался на матросов за то, что они держат его криво, и одновременно следил, чтобы перевязанная нога не ударилась о борт.

Я подошёл помочь.

— Не трогай, — сказал Хью, даже не обернувшись. — У меня уже трое лежачих. Четвёртого капитана не заказывал.

Пришлось убрать руки.

Раненый с перевязанной ногой услышал голос и повернул голову.

— Мы остаёмся?

— Вы остаётесь у местного лекаря. Томпсон заплатил впереёд, а Хью проверил место.

— А «Ведьма»?

— Мы уходим до рассвета.

Он сжал губы. Рядом с ним лежал маленький мешок, весь его багаж.

— Надолго?

Я чуть не сказал, что на несколько дней. Слова уже были

ГОТОВЫ.

Письмо под рубахой неприятно царапнуло грудь острым сгибом.

— Не знаю. Вернёмся, когда сможем.

Раненый кивнул без особой радости.

Хью поправил ему под голову куртку и только потом посмотрел на меня.

— Вот так и отвечай дальше. А теперь покажи бок.

— Здесь?

— Нет, посреди улицы снимем с тебя штаны и соберём толпу.

Я расстегнул рубаху ровно настолько, чтобы он увидел повязку.

Хью проверил край ткани.

— Сухая. Оставь её в покое хотя бы до утра.

— Постараюсь.

— Не надо стараться. Просто не лезь никуда.

С Томпсоном получилось сложнее.

Он ждал возле бочки с фонарём и двумя бумагами, как человек, который заранее уверен, что все вокруг хотят испортить ему его планы.

Пленных уже передали на берег. Тяжёлых раненых размещали за наш счёт. Второй корабль, остаток груза и деньги оставались на нём.

— Если Харроу войдёт в порт, я склад грудью не прикрою,

— сказал Томпсон. — Чтобы потом без обид.

— И не надо. Людей уведёшь, деньги заберёшь. Корабль бросишь, если придётся.

Он поморщился.

— Корабль жалко.

— Тебя будет жаль больше.

Томпсон подумал и нехотя согласился.

Он назвал цену, которую днём предложили за корабль. Я переспросил, не ослышался ли.

— Я тоже сначала решил, что купец шутит, — сказал Томпсон. — Потом понял, что у него просто лицо такое.

Это была единственная шутка, которую он позволил себе за весь разговор.

Мы договорились, ниже какой суммы судно не отдавать без крайней нужды. Два человека оставались с ним для груза и расчётов, остальные должны были вернуться на «Ведьму» до выхода.

Когда телега с ранеными тронулась, Хью пошёл рядом. На первой яме он остановил возницу, заставил взять левее и дальше уже не отходил от колеса.

Я смотрел им вслед, пока телега не скрылась между складами.

Пятерых мы уже потеряли. Теперь ещё троих оставляли на берегу, потому что я собирался вести остальных к острову, про который половина порта рассказывала дурные истории.

На «Ведьме» работа не прекращалась.

У борта перекачивали последние бочки с водой. Возле

грот-мачты двое крепили груз. Ещё несколько человек считали деньги после раздела, спорили тихо и постоянно проверяли чужие кучки.

Бриггс нашёл меня у трапа.

— Женщине отдал, — сказал он прежде, чем я успел спросить. — Жене одного из погибших. Сначала решила, что я принёс долг мужа и теперь буду требовать обратно.

— Взяла?

— После того как я дважды сказал, что это его доля. Для сестры в Нассау кошель тоже отложен. По остальным пока никто своего родства не доказал.

— Не раздавай, пока не проверим.

— Я и не собирался.

Он заметил свёрток под моей рукой.

— Старик всё-таки нашёл что-нибудь?

— Нашёл я. Пойдём вниз.

В каюте Бриггс прикрыл дверь. Я разложил бумаги Кейна на столе, а письмо положил сверху.

— Прочитай.

— Всё?

— Да, и внимательно. Ты же грамотный вроде.

Он сел напротив и начал читать.

На запрете рассказывать ему про карту он задержался дольше всего. Поднял глаза, но ничего не сказал, дочитал оборот и только потом положил письмо на стол.

— Значит, это было ещё до того, как вам разбили голову.

— Да. До удара у меня уже выпадало время.

Бриггс потёр больное плечо через рубаху.

— Тот приказ помню. Вы велели готовить людей, потом часа через два спросили, какого дьявола они не на берегу. Я решил, вы опять проверяете, кто станет спорить.

— Ты сказал, что приказ уже менялся?

— Сказал. Вы посоветовали мне меньше думать за капитана.

Я несколько секунд смотрел на письмо. В другой день я бы ответил чем-нибудь. Сейчас не хотелось.

Я достал ключ от ящика, открыл его и показал тубу. Медь в свете фонаря казалась почти чёрной.

— Письмо про неё.

Бриггс не полез руками.

— Вчера вы карту держали?

— Держал. Она меняется от прикосновения. Под рукой проступает больше чернил.

— И вы решили проверить это один.

— Тогда я ещё не знал, что до удара у меня уже пропадали куски времени.

Он посмотрел на меня внимательнее, но спорить не стал.

Я закрыл ящик.

— Есть правило, которым я раньше часто пользовался. Если лезешь туда, откуда сам можешь не выбраться, рядом должен быть второй человек.

— На море это обычно понимают без правил.

— Я почему-то нет. Видимо твой капитан не такой умный, как ты.

Бриггс протянул здоровую руку.

— Ключ.

Я положил его ему на ладонь.

— Карта открывается только при тебе. Если зависну над ней, перестану отвечать или начну нести чушь, убираешь лист. Понял?

— Даже если вы прикажете не трогать?

— Особенно если прикажу.

Он убрал ключ в карман.

— Вот с этим я справлюсь.

— Не сомневаюсь.

— Зря. Я с одной рукой теперь медленнее.

Он сказал это без улыбки и сразу перешёл к бумагам.

Мы ещё раз посмотрели рисунок бухты. Северный вход, старый форт, камни. Грейвс советовал не заводить «Ведьму» внутрь, пока лодка не проверит глубину и проход.

Расчёты Кейна я пока не трогал. После письма Роу хотелось сделать наоборот: не пытаться понять всё за одну ночь.

— Команда спрашивает, зачем именно Святой Иуда, они нервничают — сказал Бриггс. — Я могу опять ответить за вас. Но лучше один раз скажите сами.

— Что они уже знают?

— Что Кейн вёз бумаги. Что Харроу где-то к востоку. Что вы торопитесь. Дальше каждый придумал своё.

— И что придумали?

— У половины, что на острове серебро. У второй половины проклятие. Некоторые успели выбрать оба варианта.

Я поднялся.

— Собирай свободных.

На палубе людей оказалось меньше, чем я ожидал. Остальные продолжали грузиться и слушали с мест. Педро стоял у камбуза с половником в руке и больше следил за своими котлами, чем за нами.

Матрос с перевязанной щекой встал впереди.

Я не стал придумывать речь.

— Команда, до рассвета мы уходим. Идём к Святому Иуде. У Кейна были расчёты и отметка на острове. Там начинается участок пути, который он пытался проверить.

— К конвою? — спросил кто-то у борта.

— Возможно. Обещать вам казну я не буду. Сначала доберёмся до форта, проверим бумаги и посмотрим, можно ли им вообще верить.

Матрос с перевязанной щекой выслушал до конца.

— За эти бумаги пятеро легли. Теперь вы говорите «возможно».

Пока он говорил, другие притихли.

— Когда мы шли за Кейном, я был уверен сильнее, чем сейчас, — ответил я. — Теперь знаю, что часть расчётов не сходится друг с другом. Можно сделать вид, что всё понятно, и завести корабль чёрт знает куда. Я так не хочу и не буду.

— А Харроу?

— Если он идёт сюда, у причала мы для него удобнее всего. В море хотя бы сами выбираем курс и сможем свалить.

Сзади кто-то выругался.

Матрос со щекой оглянулся на огни порта.

— Кто не хочет идти?

Вопрос был уже не мне.

Несколько человек переглянулись. Один спросил, можно ли остаться с Томпсоном и получить свою долю с приза.

— Можно, — сказал я. — Заработанное никто не отнимет. Решите до выхода. Но если идёте со мной, до Святого Иуды назад не поворачиваем из-за слухов и похмелья.

Педро поднял половник.

— А из-за пустой бочки воды?

— Из-за пустой бочки воды повернём.

— Тогда я спокоен.

Кто-то засмеялся. Напряжение немного отпустило.

Бриггс не вмешивался. Только дождался, пока люди снова разошлись по работе.

— Трое точно думают остаться, — сказал он.

— Пусть думают.

— Раньше вы бы думать не разрешили.

— Раньше я много чего делал.

Он хотел что-то добавить, но передумал.

Хью вернулся через полчаса. Сказал, что раненых уложили, лекарь деньги получил, и если кто-нибудь этой ночью по-

тащит капитана в ещё один канал, он сам пристрелит обоих.

После этого Бриггс выставил у сходни двух человек и отдельно велел никого не принимать на борт без его ведома. На фоне слухов о Харроу мера казалась разумной.

Я спустился в каюту. Ящик был заперт. Ключ лежал в чужом кармане на пуговице.

Вместо карты я достал из сундука чистую тетрадь, которую днём нашёл среди вещей Роу, и начал писать. По-русски. Если её кто-нибудь найдёт, пусть поломает голову.

Дата. Порт-Мерси. Святой Иуда, северный вход, сначала лодка. Бумаги Кейна. Письмо Роу, дату подтвердил Грейвс. Два провала памяти до удара. Ключ у Бриггса.

Внизу написал отдельно:

«Карту одному не открывать».

Я перечитал всё ещё раз. Получилось похоже на рабочие заметки перед погружением. Что проверить, кто отвечает, куда не лезть. Только обычно после такого я закрывал блокнот и ехал домой.

Сейчас ехать было некуда.

Я перевернул страницу и написал сверху:

«Дом».

Рука на несколько секунд остановилась. Потом я начал записывать всё, что вспоминалось.

Полосатые носки Сони. Магнит с черепахой на холодильнике. Сыр, который она откусывала прямо от бруска, хотя Оля каждый раз ругалась. Тёщина смородина в морозилке

ещё с августа. Жилет не синий, а морской. Голубая рубашка в химчистке. Белая зарядка возле кровати.

Оля утром стоит перед зеркалом с причёсанной только одной половиной головы и одновременно пытается собрать Со-не волосы.

Соня орёт из ванной, что шампунь щиплет глаза, хотя сама только что налила его себе почти на лоб.

Я улыбнулся и написал дальше.

Когда Соне было пять, она уснула в машине после зоопарка. Я нёс её от парковки до квартиры, а она проснулась в лифте, обхватила меня за шею и спросила, не потеряли ли мы маму. Оля стояла рядом с пакетами и минут пять объясняла ей, что потерять человека, который едет с тобой в одном лифте, довольно трудно.

В другой раз у Сони ночью поднялась температура. Оля сидела возле неё на кровати, а я дважды ездил в круглосуточную аптеку, потому что первый раз купил не то. Когда вернулся второй раз, они обе спали. Оля сидя, прислонившись к стене, а Соня положила ей голову на колени. Я тогда сфотографировал их.

Телефон.

Фотография осталась в телефоне. Где теперь был этот телефон, я не знал.

Я потёр глаза и продолжил.

Оля всегда оставляла мне последний кусок чего-нибудь вкусного, а потом делала вид, что сама не хотела. Терпеть не

могла, когда я ставил кружку возле края стола. По воскресеньям могла полчаса выбирать фильм, а через двадцать минут после начала засыпала у меня на плече.

Однажды мы страшно поругались из-за шкафа в прихожей. Даже не мог теперь вспомнить, из-за чего именно. Кажется, я обещал его собрать и неделю не трогал коробки. Оля тогда сказала, что проще самой родить второй шкаф, чем дожидаться от меня первого.

Через час мы уже ели пиццу прямо на этих коробках.

Я помнил это. Помнил её смех. Кажется, помнил.

Я перестал писать. Попытался услышать его нормально. Я помнил, как Оля смеялась, но никак не мог вспомнить сам смех. Зажмурился, попытался представить её рядом. Вот она сидит напротив, морщит нос, отворачивается, потому что я опять сказал какую-то глупость. Лицо я видел хорошо. А услышать её не получалось, сколько бы я ни пытался.

За стеной каюты прошли по палубе. Я открыл глаза и некоторое время слушал шаги. Потом придвинул тетрадь и написал: «Когда Оля смеётся, она морщит нос». Хотел добавить что-нибудь про голос, но так и не подобрал слов. Оставил место и пошёл дальше, пока помнил остальное.

Соня потеряла первый передний зуб в первом классе. Весь вечер заставляла нас смотреть, какая теперь у неё дырка, а перед сном спрятала зуб под подушку. Утром прибежала с купюрой, счастливая, и принялась объяснять, что зубная фея существует, а я ничего не понимаю. Я ещё лежал спросонья и

поддакивал. Только за завтраком Оля рассказала, как ночью искала этот зуб под Сониной головой, стараясь её не разбудить.

Я улыбнулся над тетрадью. Вспомнилось, как дочь звала меня включить свет в своей комнате. Сама оставалась в коридоре, хотя до выключателя давно доставала. Я иногда начинал объяснять, что бояться нечего, в комнате никого нет.

— Я знаю, — отвечала она. — Но ты всё равно зайди.

Раньше я не особенно задумывался над этими словами. Теперь записал их и задержал над бумагой руку. Хотелось ещё хоть раз услышать, как она зовёт меня из коридора, встать и пойти включить этот чёртов свет.

Ниже я начал новую запись: «Концерт. Пятница, 18:00. Актёрский зал. Третья слева».

И остановился.

Я знал, где она будет стоять. Помнил, что Марина опять забудет слова. Помнил расписание под магнитом, её жилет, носки и то, как она сказала мне утром:

«Я замечу».

Я не знал, какую песню они поют. Посидел немного, пытаясь вспомнить.

Ничего.

Она наверняка рассказывала. Может, даже пела её дома. В ванной или у себя в комнате. А я в это время сидел на кухне с телефоном, читал рабочую переписку и время от времени отвечал:

«Ага».

«Красиво».

«Я слышу».

Я положил ручку.

Вот этого карта у меня не отнимала.

И теперь больше всего на свете хотел услышать песню, название которой даже не знал.

Я посмотрел на предыдущие страницы. Туба. Кейн. Святой Иуда. Курс. Харроу. Карта.

Столько вещей, которые почему-то стали важными. А где-то в другом времени моя дочь готовилась выйти на сцену и искала глазами место, на котором должен был сидеть я.

Если там вообще ещё шла та же неделя. Если пятница ещё не наступила. Если дома прошло не триста лет.

Я заставил себя остановиться. Этого я не знал. Зато знал другое. Если карта действительно забирает память, я больше не позволю.

Я вернулся к странице «Дом» и начал записывать всё подряд. Как Соня смешно произносила «экскаватор», когда была маленькой. Как Оля зимой грела ноги об мои и каждый раз утверждала, что они вовсе не холодные. Как втроём застряли под дождём без зонта и бежали до машины, а Соня специально прыгнула в самую глубокую лужу. Как однажды она заснула у меня на груди во время фильма, и я почти час не вставал, потому что боялся её разбудить.

Некоторые вещи казались совершенно бесполезными.

Именно поэтому я записывал их особенно тщательно.

Когда места на странице почти не осталось, я вернулся к строчке про концерт. Ниже написал:

«Узнать, что она поёт».

Подумал и добавил ещё одну.

«Вернуться и спросить самому».

Глава 11. Без огней

В дверь постучали, когда я уже начал писать по второму кругу. Про медовый месяц и рождение дочери были на предыдущей странице. Я зачеркнул строчку, закрыл тетрадь и сунул её под рубахи в сундуке.

— Капитан, вас Бриггс зовёт.

За дверью ждал матрос с перевязанной щекой. Он держал мешок, из которого торчало голенище башмака.

— Остаться решил? — спросил я.

— С чего бы? Это мне вещи с берега принесли. Двое сошли, я пойду. Только про долю вы при всех сказали, я запомнил.

— Заработанное твоё. Этого никто не отменял.

Он посторонился. По ступеням я поднимался боком: после долгого сидения рана тянула сильнее. Матрос заметил, но помогать не полез.

На палубе убрали большую часть груза. От бочек остались мокрые круги, возле сходни валялись щепки. Бриггс стоял между двумя караульными и следил за лодкой, которую гребец пытался протиснуть между кормой призового судна и плоскодонкой с корзинами.

— Миллс, вещи убери, — сказал он моему спутнику. — У трапа караулить будешь.

Матрос ушёл к люку, а Бриггс повернулся ко мне.

— Люди вернулись. Вода на борту, за мясом больше никого не посылаем. Томпсону сказал, что ждать нас у причала не надо. Можем отходить, как только Нэд закончит.

Возле грот-мачты на коленях сидел жилистый мужчина в рубаше без одного рукава. Он крепил деревянный упор перед крайними бочками. Рядом лежал раскрытый свёрток с инструментами, а чуть дальше его помощник разбирал верёвку.

— Долго ещё? — окликнул его Бриггс.

— Долго, если будете меня отвлекать.

Нэд поднял обрывок верёвки и потёр пальцами. На палубу посыпались волокна.

— Снаружи целая, внутри труха. Вчера велел выбросить. На первой качке бочка сорвётся, кому-нибудь ноги переломает.

Бриггс подал помощнику новый моток. Я отошёл, чтобы не мешать. Хотелось лечь. Стоило поспать хотя бы час вместо того, чтобы списывать тетрадь, но я боялся не вспомнить утром то, что ещё не успел записать.

Бриггс отвёл меня к кормовому спуску.

— У сходни фонарь пока оставим. Потом уберём. За мысом начнёт светать, а сейчас незачем показывать берегу, куда идём.

Он поправил перевязь и ушёл на нос. Я присел на верхнюю ступень спуска, оставив людям место. Внизу темнела дверь моей каюты. Карта лежала в закрытом ящике, ключ

носил Бриггс. А дверь я по привычке оставил открытой. По своей личной привычке, не знаю как было это у настоящего Роу.

Миллс вернулся без мешка и встал возле сходни. С воды донёлся окрик:

— На «Ведьме»! Принимайте груз!

Караульный поднял фонарь. Ниже по причалу, у пустых телег, к лестнице подходила лодка. На носу сидел грузный мужчина с мешком между коленей. Второй правил вёслами. Третий уже встал и ухватился за перила.

— От Томпсона! — крикнул он. — Сухари. Велел до выхода доставить.

— На причале ждите. Бриггса позову.

Человек кивнул и полез вверх. Шляпа низко сидела на голове, мокрые рукава куртки липли к локтям. Грузный передал ему мешок и остался в лодке. Караульный на причале подошёл ближе, велел положить ношу возле сходни.

Я уже хотел отвернуться, когда человек поднял лицо к свету. Худой, чисто выбритый. Без серого плаща я узнал его не сразу. Он смотрел поверх плеча караульного прямо на корму.

Я поднялся со ступени.

— Держи его! Тот, что с мешком!

Караульный протянул руку к чужому плечу. Человек бросил мешок ему в грудь. Матрос удержался, но отступил, и незнакомец рванул по сходне. Сверху ему преградили доро-

гу мушкетом.

— Тревога! — заорал караульный.

С лодки выстрелили. Я пригнулся. Пуля ударила в дерево возле сходни, караульный выронил мушкет и схватился за лицо. Незнакомец оттолкнул его и оказался на палубе.

— Бриггс! К корме!

Между нами были бочки и свёрнутый парус. Я отступил вниз, потянул дверь каюты на себя и захлопнул. Ладонь легла на рукоять сабли. Человек в куртке уже обогнул груз, в правой руке у него был нож.

Я дёрнул саблю. Рукоять стукнула о косяк, клинок вышел лишь наполовину. Пришлось повернуться боком, чтобы освободить руку, и незнакомец сразу шагнул на лестницу.

Он ударил движением сверху вниз. Я отшатнулся к двери и прикрыл лицо предплечьем. Нож распорол рукав, зацепил кожу. Я толкнул чужака плечом, стараясь вылезти из тесного спуска, но он навалился обратно. Пришлось перехватить его запястье левой рукой. Правая, с саблей, оказалась зажата между нами. Нож был возле самой щеки.

Сверху его схватил за ворот Миллс. Ткань натянулась на горле, нападавший подался назад, и я вытолкнул колено вперёд. Попал в бедро. Мы оба оступились. Я вцепился в руку с ножом уже обеими руками, выронив саблю.

— Пусти, сукин сын! — прохрипел Миллс.

Я не понял, кому он это крикнул.

Миллс схватил незнакомца сзади за плечо и потащил к

лестнице. Я полез следом, всё ещё держа его за запястье. Нож несколько раз задел косяк.

На палубе незнакомец резко дёрнулся. Я не удержался, отпустил его руку и сам ударился больным боком о край люка. В глазах на секунду потемнело.

Этого ему хватило.

Он рванулся к борту, но Миллс всё ещё держал его за куртку. Незнакомец тащил его за собой несколько шагов, пока Нэд не встал поперёк прохода с длинным обрезком бруса.

Незнакомец махнул ножом.

Нэд отскочил.

В тот же момент Миллс подсёк ему ногу. Они оба рухнули на палубу. Нэд тут же шагнул вперёд и прижал брусом руку с ножом к доскам.

Бриггс подбежал, когда незнакомец ещё пытался вывернуться. Наступил ему на запястье и здоровой рукой выломал нож из пальцев. Я всё это время стоял на коленях возле спуска и хватал воздух открытым ртом.

— Живым его, — выдавил я.

Никто не услышал. Матрос, прибежавший от носа, замахнулся прикладом. Я заорал ещё раз, уже так, что сорвал голос:

— Живым, блядь! Не бей по голове!

Матрос опустил приклад и навалился на пленника. Миллс выполз из-под чужого плеча, выдернул ремень и принялся стягивать руки.

Ниже борта скрипнули вёсла. Я поднялся, ухватившись за край спуска. Лодка уже отходила от лестницы. Грузный сидел на носу с пистолетом, второй грёб, согнувшись почти до колен. Караульный на причале целился вслед из мушкета.

— Не стреляй! — крикнул Бриггс.

За лодкой двигалась плоскодонка с корзинами. Гребец на ней стоял, вытянув шею, и смотрел на нас. Караульный опустил ствол, выругался. Лодка скользнула за плоскодонку, и я потерял её из виду.

Миллс сплюнул кровь, потрогал повязку и зло дёрнул узел.

— Чтоб тебя. Опять.

Пленник лежал лицом вниз и пытался повернуть голову к воде. Бриггс ощупал его пояс, вынул короткие ножны.

— Сапоги снимите, куртку. Всё обыскать. Нэд, свяжи как следует.

Плотник положил брус и ушёл за мотком. Я хотел подойти к пленнику, но Хью взял меня за локоть.

— Сядь.

— Сначала его обыщите.

— Они без тебя обыщут. Кровь снова течёт, сядь пожалуйста.

Я сел на свёрнутый парус. Хью задрал разрезанный рукав, осмотрел предплечье.

На причале уже собирались люди. От склада к нам понесли два фонаря.

— Всех своих на борт! — распорядился Бриггс. — Миллс, пересчитай. Никого больше не принимать!

Караульного усадили рядом со мной. Он зажимал щёку обеими ладонями. Когда Хью заставил его убрать руки, под глазом оказалась длинная заноза. Пуля выбила щепу из стойки у сходни. Кровь затекала за ворот, но глаз матрос открывал.

Хью сунул мне тряпку, велел прижать к порезу и занялся караульным. Тот всё пытался объяснить, что чужака мы остановили и на борт не звали.

— Я видел, — сказал я. — Ты всё сделал правильно.

Матрос наконец замолчал и подставил лицо к свету.

Меня начало трясти. Я прижал тряпку к руке и смотрел на снятые сапоги пленника. Из одного высыпался камешек. Пока этот человек пытался меня убить, у него в сапоге болталась мелкая галька. Почему-то я никак не мог отвести от неё глаза.

— Узнали его? — спросил подошедший Бриггс.

— Из канала. В сером плаще был. Это он в меня стрелял.

Бриггс посмотрел на спуск и пошёл проверить каюту.

На палубу поднялся Томпсон. Без шляпы, в расстёгнутом камзоле, с пистолетом в руке. Караульный у сходни пропустил его и сразу встал поперёк доски, отсекая любопытных.

— Мне сказали, что тебя режут. Живой?

— Пока. Ты сухари послал?

— Я ещё вечером всё отдал.

— Эти твоё имя назвали.

Томпсон матерился и велел принести мешок с причала. В нём действительно оказались сухари. Один выпал из прорехи, раскололся под сапогом.

— Значит, кто-то видел, как мы грузимся, — сказал Бриггс, вернувшись ко мне. — И про закупки тоже могли узнать. Слишком много людей крутилось у причала.

Он протянул мне саблю. Клинок уже был вытерт куском парусины.

— Ящик на месте. Закрыт, — добавил он тише.

Томпсон оглянулся на берег.

— Уходите отсюда. Ещё немного, и на вас будет смотреть половина Порт-Мерси.

Я показал в сторону канала.

— Те двое ушли на лодке. Один здоровый, тяжёлый. Второй худой, сидел на вёслах. Если появятся возле приза или склада, близко не подпускать.

— Запомнил.

Томпсон посмотрел на пленника. Тот лежал у мачты со связанными за спиной руками. Миллс стоял рядом.

— А этого мне оставите?

— Нет. Он идёт с нами.

— И хорошо. Мне тут своих забот хватает.

Томпсон спустился на причал. Как только он оказался внизу, матросы втянули сходню на борт.

Бриггс велел Миллсу не отходить от пленника, а сам ушёл

на нос проверять подготовку к выходу.

Пленник проводил его взглядом:

— Капитан. Оставьте меня здесь, и лодка вас больше не побеспокоит.

Я медленно подошёл к мачте. Миллс подвинул мне низкий ящик и встал за спиной пленника.

— Имя, — сказал я и сел напротив.

Незнакомец помолчал, потом сплюнул кровь на палубу.

— Мартин Белл. Если собираетесь держать меня здесь, зря. В Порт-Мерси от меня было бы больше пользы.

— Ты не за этим на корабль полез.

Белл провёл языком по разбитой губе и посмотрел в сторону борта. Рядом матрос сматывал канат, будто разговора вообще не слышал.

— Нет. Не за этим.

— Тогда говори.

Он снова посмотрел на меня.

— Я пришёл за картой.

Вот теперь всё стало понятно.

— По приказу Харроу?

— По его приказу. Он хочет вернуть то, что Роу забрал у него три недели назад.

— Только карту?

Белл покачал головой.

— Нет. Тубу, карту и его долю серебра. Харроу считает, что вы ушли с тем, что принадлежало вам обоим. Он готов

расчленил вас и всю вашу команду.

Последние слова Белл произнёс громче. У соседней бочки замер матрос: тоже слушал.

— На Харроу работаешь?

— Вы это прекрасно знаете.

— Я знаю, что ты стрелял в меня у канала. И что сейчас опять стрелял твой человек. Остальное давай расскажи уже сам.

Белл посмотрел на повязку у меня на голове. Я отвёл глаза от него, пожалев о своём вопросе.

— Харроу заплатил мне, чтобы я дождался «Ведьмы». Посмотрел, что вы привезли, к кому пойдёте и что будете делать дальше. Но вы собрались уходить раньше, чем я ожидал.

— Поэтому полез на корабль?

— Пришлось.

— С ножом?

Белл дёрнул разбитой губой.

— Я рассчитывал, что до него не дойдёт.

— Очень убедительно.

— Могли просто отдать карту.

Я сжал мокрую тряпку. Он чуть не воткнул нож мне в лицо, а теперь сидел и рассуждал, как следовало поступить. Хотелось ударить его. Именно сейчас, пока связан.

Я положил здоровую руку на колено.

— У Грейвса четыре листа пропали. Ты их забрал?

— Старик много чего теряет.

Миллс взял его за ворот. Пришлось велеть отпустить. Матрос подчинился, хотя и не сразу.

— Когда поймали, бумаги при нём были?

— Нож да деньги. И всё. Даже табаку нет.

У борта уже убирали фонарь. На нас легла тень от паруса, и я подался вперёд, чтобы видеть лицо Белла.

— В мешочке была записка про Святого Иуду. На обороте стояло моё имя и вчерашняя дата. Откуда она у тебя?

Белл посмотрел на меня внимательнее.

— Вы всё-таки достали её из канала с дерьмом?

— Достал.

— Зря выбросил, значит.

— Я не об этом тебя спрашиваю, конченный ушлёпок.

Белл нахмурился.

— Кто?

Я только тогда понял, что сказал.

— Неважно.

Он ещё секунду смотрел на меня, явно пытаюсь понять, было это оскорбление или я назвал его каким-то неизвестным званием.

Надо было внимательнее следить за языком. Я всё-таки находился не дома и даже не в своём веке. Пока вылетали обычные ругательства, никто особенно не замечал. Но рано или поздно я мог сказать что-нибудь такое, после чего одним ударом по голове провалы памяти уже не объяснишь.

— Говори про записку.

Белл провёл языком по разбитой губе.

— Это была не записка для вас. Я отметил, когда «Ведьма» вошла в Порт-Мерси, и записал всё, что успел узнать про Святого Иуду. Потом должен был передать Харроу.

— Поэтому там моё имя?

— Чтобы он понимал, о ком речь.

Теперь вчерашняя дата хотя бы получила нормальное объяснение.

Я наклонился ближе.

— А четыре страницы из журнала Грейвса?

Белл опустил голову. С причала крикнули, чтобы не рвали канат. Бриггс ответил, перекрикивая скрип. «Ведьма» медленно отодвигалась от свай.

Пленник посмотрел на воду. Между «Ведьмой» и причалом уже лежала широкая чёрная полоса. Только фонарь возле Томпсона дрожал в ней жёлтым пятном.

— Пакет ушёл раньше, — сказал Белл. — Ещё до того, как вы меня заметили. Хотите, общите меня хоть до костей. Его здесь нет.

Говорил он теперь тише. Я тоже понизил голос.

— Что еще за пакет? Что ты отправил Харроу?

— Страницы.

— Какие?

— Из журнала Грейвса.

— Сколько?

Белл немного помедлил.

— Четыре.

Я не спешил радоваться.

Четыре страницы я сам назвал ему несколько минут назад. Пока Белл не сказал ничего такого, чего уже не мог узнать от меня.

— Что на них было?

— Посыльный кто?

— Вы его не знаете.

— Описать сможешь. И сказать, где он должен был встретить Харроу.

Белл покосился на Миллса.

— Высадите меня на берег, расскажу.

Миллс возмутился. Я остановил его движением руки.

— Ты останешься на корабле. Пока не найду листы и не проверю твои слова. Поможешь, тогда и будем торговаться.

— Харроу за меня заплатит.

— Вот ему и скажешь, когда увидишь.

Хью подошёл с чистой повязкой и протянул руку.

— Давай сюда.

Я вытянул порезанную ладонь. Он снял старую тряпку, посмотрел рану и начал бинтовать.

Белл всё это время следил за нами.

— Он сам полез под нож, — сказал он Хью. — Я к двери шёл.

Хью даже не сразу поднял голову.

— Конечно. А нож ты достал, чтобы дверь открыть?

Миллс фыркнул, но тут же схватился за щёку.

— Не смейся, сукин сын.

Хью затянул повязку и отпустил мою руку.

Белл больше оправдываться не стал.

Закончив с рукой, Хью приподнял мою рубаху. На старой повязке проступило пятно.

— Внизу переделаю. Сейчас не снимай.

— Караульный как?

— Видеть может, а шрам останется.

Хью присел перед Беллом и заставил его открыть рот. Миллс поморщился, но промолчал. Я оставил их втроём и пошёл к корме.

Мы проходили мимо чужих бортов. Из кормового окна соседнего судна высунули фонарь, кто-то что-то спросил. Бриггс отмахнулся.

— Ну? — сказал он, когда я подошёл.

— Мартин Белл. Говорит, работает на Харроу. Листы Грейвса уже отправил ему. Проверить врет он или нет, пока не могу.

— Педро его видел. Сказал, раньше у Харроу ходил в команде. За товаром на берег ездил, людей приводил.

— Значит, про Харроу хотя бы не врёт.

— Про Харроу, да, — согласился Бриггс. — Остальное рано решать.

Лодка с двумя стрелками могла прятаться за любым из чужих бортов. Они видели, что мы уходим.

— Надо было не кричать. Подпустить ближе, взять у схода-ни.

— И подождать, пока второй пистолет вытащат? — Бриггс повернулся ко мне. — Не надо теперь выдумывать, как бы всё хорошо вышло. Караул жив, вы тоже. В следующий раз предупредите тихо, если успеете. Не успеете, орите.

У руля переспросили команду, и Бриггс отвернулся.

Он был прав насчёт крика. Но с дверью я всё-таки сделал глупость: полез в тесноту, где даже саблю не мог вытащить. Если бы не Миллс, никакого допроса сейчас бы не было. Сдох бы тут как тварь.

Возле спуска я застал Нэда. Плотник провёл пальцем по свежему зарубу на косяке, проверил, закрывается ли дверь.

— Починить сможешь? — спросил я.

— Косяк? Смогу. Сейчас только щепу сниму, чтоб не цеплялись. Задвижку изнутри поставлю, если надо.

— Поставь.

Нэд кивнул и стал складывать инструменты. Один не нашёлся. Он заглянул под ступень, потом молча протянул руку мимо моей ноги. Я посторонился. Под каблуком оказался его небольшой резец.

— Извини.

Нэд поднял его, осмотрел кромку. Несколько секунд я ждал ругани, вполне заслуженной.

— На берегу мастерскую заведу, — сказал он. — Будет у меня там дверь. Кто без спроса вошёл, тому сразу по рукам

дубиной.

— Даже если заказчик?

— Особенно. У них больше всех свободного времени, чтобы красть чужое.

Он завернул резец в тряпку и ушёл. Я сел на ступень. Внизу ждала тетрадь. Хотелось достать её и дописать хоть одну строчку, но от боли в руке я едва мог согнуть пальцы.

Миллс провёл Белла мимо меня. За пленником шёл ещё один матрос с мушкетом. Сапоги ему вернули, но куртку нёс Миллс. Нэд связал ему руки спереди и прихватил верёвкой к поясу.

— Куда его? — спросил Миллс.

Я указал на свободное место у кормового борта. Отсюда Белла было видно Бриггсу, а до спуска в каюту он не дошёл бы незамеченным.

— Пока здесь. Поменяетесь, когда выйдем дальше в море. Одного его не оставлять.

Белл остановился передо мной.

— Капитан, на рассвете высадите меня. У любого берега. Я вам не нужен в море.

— Сядь.

— У вас своих людей кормить надо.

Миллс потянул его за локоть.

— За наши сухари не беспокойся, мразь. Ещё внизу мешок твоих лежит. И если у меня появится шанс тебя вздёрнуть, я не вздёрну. Я распорю тебе брюхо и накрошу туда

твоих же сухарей.

Белл сначала решил, что Миллс шутит. По лицу было видно, что нет.

Потом посмотрел на него внимательнее.

Миллс не улыбался.

Белл перестал дёргаться и медленно сел у борта сам, уже без помощи. Губы у него сжались, а взгляд на несколько секунд ушёл в сторону.

— Понял, — сказал он тихо.

— Вот и хорошо.

Миллс остался рядом.

Пленник ещё какое-то время смотрел на город, но уже не крутил головой и не пытался заговорить с каждым проходившим матросом.

Мы вышли из-под прикрытия берега. Паруса наполнились ветром, «Ведьма» слегка накренилась и пошла быстрее. Белл прижался плечом к борту, чтобы не завалиться на связанные руки.

За кормой ещё виднелись портовые огни. Я смотрел на них, пока Бриггс не позвал меня.

— К Святому Иуде идём? — спросил он вполголоса.

Рисунок бухты лежал в каюте вместе с бумагами Кейна. Там хотя бы было что искать. В порту нас уже нашли.

— Идём. К северному берегу. Подойдём при свете, дальше лодкой, как договорились.

Бриггс кивнул и передал курс рулевому.

Я остался возле него.

Порт медленно уходил за корму. Когда причалы перестали заслонять обзор, я впервые за весь день нормально посмотрел на «Ведьму».

До этого она для меня была просто кораблём, на котором я очнулся и почему-то оказался капитаном. За последние дни я выучил, где моя каюта, где держат воду, как пройти ночью от кормы к носу, не разбив колено. Но сам корабль всё ещё знал плохо.

— Сколько нас в итоге людей? — спросил я.

— Двадцать два своих, если считать вас. Белл двадцать третий, но пользы от него пока меньше, чем от бочки.

Я прикинул.

Пятеро остались лежать после абордажа. Трёх тяжёлых мы оставили у лекаря. Томпсон и двое матросов остались с призом. Ещё двое решили не идти на Святого Иуду.

Остальные поднялись на борт.

Я оглянулся на палубу.

Двадцать один человек пошёл за мной добровольно. Ну, насколько вообще добровольно можно идти за капитаном, которого ещё вчера половина команды считала слегка тронувшимся после удара по голове.

Для такого корабля людей хватало.

«Ведьма» была небольшой. Две мачты, узкий корпус, невысокие борта. Бриггс объяснял, что на обычном торговом рейсе с ней справилась бы команда раза в два меньше нашей,

если море не решит устроить проверку на выживание. Пиратам людей требовалось больше. Не только тянуть снасти и стоять вахты. Кто-то должен был обслуживать пушки, кто-то идти на абордаж, кто-то оставаться на захваченном судне, если добычу удавалось взять целой.

Теперь я начал понимать, почему после каждого боя людей считали не менее внимательно, чем серебро.

По бортам стояло восемь небольших пушек, по четыре с каждой стороны. Бриггс называл их четырёхфунтовыми. Ещё два маленьких вертлюжных орудия можно было быстро развернуть в сторону палубы противника. Против тяжёлого военного корабля всё это выглядело скромно.

По пушкам «Ведьма» многим уступала, и теперь я начал понимать, почему это никого особенно не беспокоило. В открытом море она быстро набирала ход, а в тесноте поворачивала куда охотнее тяжёлых кораблей. За последние дни я уже несколько раз видел, как Бриггс этим пользовался. Не лез под чужой борт, а держал расстояние и выбирал, куда идти самому.

Я посмотрел вдоль палубы. Чем дальше находился здесь, тем чаще замечал следы переделок. Где-то доски были темнее, где-то остались старые отверстия от креплений. Даже мне было видно, что корабль когда-то выглядел иначе.

— Бриггс, напомним, где мы её взяли?

Он сначала посмотрел на меня, потом на палубу.

— В Нассау. Года два назад.

— Купили?

— Купили.

По его лицу было видно, что вопрос показался ему странным, поэтому я добавил:

— Я помню кусками. Саму покупку почти не помню.

Этого объяснения ему хватило.

— Она тогда грузовым судном ходила. Ничего особенного. Сахар, табак между островами таскала. Потом хозяин задолжал, корабль у него забрали и выставили на продажу.

— И чем она мне понравилась?

Бриггс постучал ладонью по борту.

— Вот этим. Корпусом. Вы вокруг неё долго ходили, в трюм лазили, днище смотрели. Потом сказали, что корабль хороший, только на него слишком много всякого навесили.

— И мы всё сняли?

— Не всё. Но многое. После покупки почти месяц переделывали. Облегчали, меняли снасти. Пушки тоже поэтому поставили небольшие.

Я ещё раз оглядел «Ведьму».

— Значит, быстрой она стала уже у нас.

— Быстрой она была и раньше. Мы просто перестали ей мешать быть еще быстрее.

Иногда настоящий Роу начинал мне нравиться, а потом я вспоминал, что он украл карту у собственного компаньона, забрал его серебро и заодно прихватил кока. Да и был он пиратом. В то время они были опасны и безжалостны. Убийцы

Одним словом.

— И сколько я за неё отдал?

Бриггс помолчал.

— Всё, что было.

— Прекрасно.

— Не всё своё.

— Ох, ещё лучше.

— Часть заняли.

— У кого?

— Лучше вам пока не вспоминать.

— Почему?

— Потому что один из тех людей до сих пор считает, что вы должны ему деньги.

Я посмотрел на него.

— С каждым днём моя старая жизнь становится всё интереснее.

— Это вы ещё до Нассау не добрались.

Я провёл ладонью по тёмному борту.

— А название?

Бриггс сразу усмехнулся.

— Когда вы её купили, она называлась «Добрая Мэри».

Я посмотрел на него, решив, что издевается.

Он не издевался.

— «Добрая Мэри»?

— Хорошее торговое имя.

— Для булочной.

— Вы сказали примерно то же самое. Потом два дня придумывали новое.

— И остановился на «Ведьме».

— Да.

— Почему?

Бриггс пожал плечом.

— Сказали, что ведьм боятся, а добрых Мэри берут на abordаж.

Логика у Роу была своеобразная, но спорить с ней было трудно.

— И после этого всё пошло хорошо?

— В первую неделю сломали рею.

— Ага.

— Педро ещё с нами не было. Старый кок обварил себе ногу. А вы проиграли почти все оставшиеся деньги.

Я рассмеялся.

— Хороший корабль купил.

— Зато корабль остался.

Бриггс оттолкнулся от борта.

— И быстрый. При хорошем ветре от большинства торговцев уйдёт или догонит. С военными сложнее, но они тяжелее. Харроу вот другая история.

— Почему?

— Он тоже не дурак. Судно у него крупнее, пушек больше, но кирпичом по воде не ползёт. Если увидим его первыми, шанс будет. Если он нас первым зажмёт, придётся ду-

мать быстро.

Он ушёл к рулевому.

Я ещё некоторое время смотрел вдоль палубы.

Теперь корабль воспринимался немного иначе.

Двадцать два человека. Восемь пушек. Две мачты. Вода, порох, сухари, солонина, ящики с добычей. Несколько десятков метров дерева между нами и морем.

Для кого-то из этих людей «Ведьма» была работой. Для кого-то единственным домом. Кто-то шёл за Роу из-за денег, кто-то потому, что ходил с ним уже несколько лет.

Я пока не знал, кто из них действительно останется рядом, если серебра в конце не окажется.

Но в Порт-Мерси я дал им возможность уйти.

Ушли двое.

Остальные сейчас работали.

Один стоял у руля. Двое возились со снастями. Педро уже ругался из-за чего-то возле камбуза. Хью тащил вниз свой ящик. Миллис сидел рядом с пленником.

Пока этого хватало.

Я вернулся к спуску и заметил, что Белл больше не смотрит на огни. Он сидел, подавшись вперёд, и явно слушал наш разговор с Бриггсом.

Потом поднял глаза на меня.

— Вы всё-таки туда собрались, — сказал он.

— Куда?

— К Святому Иуде.

Я подождал, но Белл ничего не добавил.

Он устроился удобнее, насколько позволяли связанные руки, и подтянул к себе ноги.

На берег больше не посмотрел.

И высадить его на рассвете тоже больше не просил.

А я ещё раз прогнал в голове, зачем вообще тащил нас туда.

Святой Иуда был последним местом, где сходились почти все наши нитки. Бумаги Кейна, вырезанные страницы Грейвса, расчёты, которые не бились по времени, запись Белла, интерес Харроу. И, главное, там начинался тот участок пути, после которого у прежнего Роу пошли провалы памяти.

Мне нужен был не клад.

Мне нужно было понять, что Роу увидел на острове, почему после этого бросился за Кейном и где начинается дорога дальше.

Если карта вообще могла вернуть меня домой, ответ должен был быть где-то там.

Глава 12. Восток-юго-восток

Святой Иуда показался вскоре после рассвета.

Сначала я принял его за ещё одну тёмную полосу на горизонте. Потом над водой проступил низкий берег, дальше зелень, а ещё через несколько минут Бриггс показал на светлое пятно выше бухты.

— Фооооорт!

Я прищурился.

Отсюда он выглядел как несколько серых стен на склоне. Одна сохранилась почти целиком, другая обрывалась возле угла. Крыши не было. Чуть ниже, ближе к воде, среди деревьев виднелись ещё какие-то постройки.

Вот и место, ради которого Роу три недели назад едва не полез сюда, потом передумал, погнался за Кейном и оставил самому себе письмо.

Я ожидал от острова чего-то более впечатляющего.

Святой Иуда оказался небольшой зелёной кляксой посреди моря.

— И вокруг этого столько людей передохло? — спросил Миллс.

Он стоял у борта рядом со мной. Повязка на щеке за ночь съехала вниз, и теперь из-под неё торчал край подсохшей раны.

Бриггс слышал.

— Люди и вокруг бочки рома передохнуть могут.

— Бочку хоть выпить можно.

— Если Педро разрешит.

Миллс сплюнул за борт и больше остров не комментировал.

Ночь прошла спокойно. Ветер держался, и к рассвету мы подошли к Святому Иуде раньше, чем я ожидал. Я поспал часа два, не больше. Проснулся от боли в руке и сначала не понял, почему пальцы перевязаны. Потом вспомнил нож Белла.

Это воспоминание вернулось быстро.

Я отметил это про себя и больше к нему не возвращался.

Белл сидел возле грот-мачты. На ночь ему связали лодыжки отдельной верёвкой, а руки оставили спереди. Караульный дремал в трёх шагах от него, положив мушкет поперёк колен. Увидев берег, пленник перестал притворяться спящим.

Я подошёл.

— Узнаёшь?

Белл прищурился на остров.

— Я там не был.

— Но что-то знаешь.

— Не больше, чем вчера.

Миллс подошёл ближе.

— Вчера ты знал побольше.

Белл посмотрел на него.

— И что?

— А то, что ты быстро стал забывчивым.

— Память у меня в порядке.

Миллс кивнул на его связанные руки.

— Пока в порядке. Пока я не вышиб тебе ее окончательно из твоей тупой башки.

— Хватит, — сказал я.

Миллс остановился. Неохотно, но сразу.

Белл это тоже заметил.

— Харроу посылал людей на остров? — спросил я.

— Не при мне.

— А собирался?

— Харроу много куда собирался. И многих отправлял куда хотел.

Миллс тихо фыркнул.

Я присел перед пленником.

— Послушай внимательно. Мне не нужно, чтобы ты полюбил меня, команду или это путешествие. Мне нужно знать, что ждёт на берегу. Если там люди Харроу и из-за твоего молчания кто-нибудь получит пулю, обратно на корабль ты уже не вернёшься.

Белл несколько секунд молчал.

— Убьёте?

— Зачем тратить пулю, — ответил Миллс. — Остров рядом.

Белл перевёл глаза на берег.

Вот теперь шутить никто не собирался.

— Я не знаю, есть ли там люди Харроу, — сказал он. — Если бы знал, сказал бы.

— Почему?

— Потому что сейчас я на вашем корабле.

Ответ мне не понравился, но звучал разумно.

Я поднялся.

— Если вспомнишь что-нибудь полезное, зови.

— А если бесполезное?

Миллс наклонился к нему.

— Тогда молчи и экономь сухари.

Я отошёл к носу.

Мы подошли к Святому Иуде с севера, как советовал Грейвс. Берег здесь загибался внутрь и образовывал небольшую бухту. С моря она выглядела удобной, но ближе к берегу вода быстро светлела.

Значит, становилось мелко.

Где под водой лежали камни, с палубы не увидеть.

— Паруса прибрать, — приказал Бриггс. — Медленно идём.

«Ведьма» сбавила ход.

Я развернул рисунок Грейвса на бочке. На нём были отмечены северный вход, два больших камня, старый форт и водосбор дальше на острове.

Нам нужно было сначала понять, можно ли вообще безопасно подойти к берегу. Вести туда «Ведьму» вслепую ни-

кто не собирался. Посадим корабль на камни, и весь наш поход закончится прямо здесь.

А уже после высадки надо было добраться до форта и ещё раз посмотреть бумаги Кейна. От Святого Иуды начинался следующий участок пути: около тридцати двух миль на восток-юго-восток, после полуночи. Только я до сих пор не понимал, от какой именно точки острова Кейн считал эти мили.

Возможно, ответ был в форте.

— Первый камень, — сказал Бриггс.

Справа из воды торчала тёмная глыба, вся в белых следах от птичьих какашек.

Я нашёл её на рисунке.

— Второй где?

— Вот это сейчас и узнаем.

Бриггс подозвал Нэда.

— Готовь шлюпку. Лот, багор, верёвку. Проверьте вход.

— Я с ними, — сказал я.

Бриггс посмотрел на мою перевязанную ладонь.

— Конечно.

— Что не так?

— Ничего. Просто у вас уже голова разбита, бок порезан и рука перевязана. Не хватает только утонуть возле берега.

— Я ценю заботу.

— Не похоже.

Я свернул рисунок.

— Я ценю, что ты за мной присматриваешь. Правда. Но не забывайся.

Он замолчал.

Я шагнул ближе.

— Пока я капитан этой посуды, ты можешь советовать мне, спорить со мной и даже сказать, что я творю хуйню. Один раз. А потом я решаю, куда мне идти, в какую лодку садиться и в какую воду лезть. Ясно?

Бриггс несколько секунд смотрел на меня.

— Ясно, капитан.

— Хорошо.

Сказал я жёстче, чем собирался.

Раньше я бы, наверное, просто отшутился. Но здесь это работало иначе. Эти люди шли за Роу не потому, что он был удобным человеком. Они привыкли, что капитан принимает решение и отвечает за него.

Если я собирался вести их дальше, мне придётся хотя бы иногда быть тем человеком, которого они ожидали увидеть.

Мне самому это не очень нравилось.

Но сейчас казалось правильным.

Бриггс кивнул на Миллса.

— Его хотя бы возьмите.

Миллс как раз жевал сухарь.

— А меня за что?

— Ты вчера больше всех спрашивал, зачем мы плывём к Святому Иуде.

— Уже не спрашиваю.

— Поздно, сухожуй.

Кроме нас в шлюпку сели Нэд и ещё трое.

Один из матросов взял лот. Я узнал его сразу: тяжёлый свинцовый груз на длинной размеченной верёвке. Груз бросали в воду, ждали, пока он коснётся дна, и по отметкам смотрели глубину. Внизу была небольшая выемка с жиром. К нему прилипал песок, ил или мелкие ракушки, поэтому заодно можно было понять, какое там дно.

Простой ручной эхолот. Только без самого эхолота.

Перед спуском Бриггс наклонился через борт.

— Сначала найдите проход. На берег полезете потом.

— «Ведьму» не веди за нами.

— Не переживайте. Я тоже люблю этот корабль.

Шлюпку опустили.

С воды остров сразу стал выглядеть больше. Старый форт возвышался над бухтой, а ниже между деревьями виднелись остатки каких-то построек.

Мы пошли вперёд медленно.

Матрос на носу бросил лот.

Груз исчез под водой.

— Пять саженей!

Ещё несколько гребков.

— Четыре с половиной!

Нэд показывал, куда держать курс. Миллс работал веслом и всё время поглядывал на светлые пятна под водой.

— Если там камень, скажите заранее.

— Нет, — ответил Нэд. — Сначала ударимся, потом скажу.

— Очень смешно.

Следующий бросок.

— Четыре!

Потом глубина вдруг упала почти до двух.

— Назад, — сразу сказал Нэд.

Гребцы дали обратный ход.

Под нами тянулась каменная гряда, которой на рисунке Грейвса не было.

Я отметил её углём на полях.

— Вот ради этого мы и полезли вперёд на лодке, — сказал я Миллсу. — Проведи сюда корабль сразу, и сейчас уже слушали бы, как Нэд ругается на дыру в днище.

— Я бы не ругался, — сказал Нэд.

— Нет?

— Сначала убил бы того, кто велел сюда идти.

Миллс посмотрел на меня.

— Всё ещё хотите на берег?

— Теперь особенно.

Минут через десять нашли нормальный проход. Достаточно глубокий и широкий, чтобы позже провести «Ведьму», если понадобится.

Нэд ещё раз промерил дно и махнул рукой.

— Всё. Дальше лодка пройдёт.

Мы направились к берегу. Я убрал рисунок Грейвса и достал бумаги Кейна. Вот теперь начиналась та часть, ради которой мы сюда пришли. Где-то возле старого форта надо было понять, что именно Кейн нашёл на Святом Иуде и откуда он начал считать свои тридцать две мили. Потому что просто написать «от острова» было недостаточно. Остров был перед нами. И он оказался намного больше точки на карте.

Шлюпка ткнулась носом в песок недалеко от старого причала. От него остались несколько почерневших свай и кусок настила, который одним концом уже лежал в воде.

Нэд спрыгнул первым и потянул лодку дальше.

— Выходите. Только не все на один борт, если хотите потом на ней обратно плыть.

Миллс перестал жевать и посмотрел на него.

— Ты всегда такой добрый?

— Только с теми, кто ломает мои вещи.

Мы вытащили шлюпку выше линии прибоя. Один матрос остался возле неё, остальные взяли оружие, верёвку и инструменты.

С берега форт выглядел плохо. Стена, которую мы видели с моря, ещё держалась, но за ней почти ничего не осталось. Камни заросли травой, в проёмах росли кусты. От нижних построек сохранились стены по пояс и несколько дверных проёмов, ведущих уже никуда.

Я достал рисунок Грейвса.

— Сначала форт.

Миллс оглянулся на море.

— А вода?

— Потом. Мне надо разобраться с бумагами Кейна.

— Очень надеюсь, что в них написано, где лежит серебро.

— Если найду, тебе не скажу.

— Тогда зачем я сюда шёл?

Нэд хлопнул его по плечу.

— Чтобы весло не скучало.

Миллс что-то буркнул и пошёл за нами.

До форта добрались минут за десять. От старой дороги мало что осталось: из земли местами торчали плоские камни, между ними росла трава. Один раз пришлось перелезть через поваленный ствол. В тени ещё было терпимо, но на открытом месте солнце быстро припекло спину.

Возле южной стены я снова достал бумаги Кейна.

На рисунке бухты рядом с берегом стояли две короткие отметки. Я видел их и раньше, только не понимал, что Кейн ими пометил. Теперь достаточно было поднять голову.

Одна приходилась на угол стены, возле которого мы стояли. Вторая, похоже, на чёрный камень внизу у воды.

— Нэд, глянь.

Он подошёл ко мне.

— На листе видишь?

— Вижу.

Я показал сначала на одну отметку, потом вниз, к бухте.

— Похоже на этот угол и тот камень?

Нэд прищурился, сверяясь с берегом.

— Похоже.

— Я тоже так думаю.

Миллс заглянул через его плечо.

— И что нам с этих двух камней?

— Не с двух. Один вообще стена.

— Мммм

Я ткнул пальцем в бумаги.

— Кейн записал отсюда восток-юго-восток и примерно тридцать две мили. Только мне всё это время не хватало места, откуда он начал считать.

Миллс нахмурился.

— А какая разница?

— Большая. Святой Иуда не маленький. Начнём отсюда, получим одну точку. Отойдём вдоль берега на милю и пройдем те же тридцать две в том же направлении, придём уже в другое место.

Он ещё раз посмотрел на отметки.

— Значит, эти две штуки показывают, откуда идти?

— На это и надеюсь.

Миллс посмотрел вниз на бухту.

— Значит, ищем место, откуда они начали.

— Именно.

Я указал на угол стены.

— Если с моря поставить эту стену точно над чёрным камнем, получим одну линию. Кейн зачем-то отметил оба ори-

ентира. Скорее всего, именно по ним корабль выходил на нужное место перед тем, как взять следующий курс.

Нэд кивнул.

— Створ.

— Что?

— Так проще сказать. Один знак держишь за другим. Если разошлись, значит, сам ушёл в сторону.

Вот теперь название наконец стало понятным без всяких загадок.

Мы поднялись выше по стене. Оттуда хорошо просматривалась вся северная бухта. Я нашёл нашу шлюпку, потом «Ведьму» дальше в море.

Нэд встал у края и несколько раз переместился вдоль стены.

— Вот отсюда смотрите.

Я подошёл.

Чёрный камень внизу почти закрылся углом форта. Чуть левее они расходились, чуть правее тоже.

— Значит, когда выйдем из бухты, надо держать их один за другим.

— Да. А когда встанут ровно, будете знать, что пришли на этот створ.

Я посмотрел на бумаги Кейна. После двух маленьких отметок действительно шёл курс. А дальше цифры. Грейвс прочитал их как тридцать две мили. Впервые эта запись выглядела не как половина чужой мысли. У неё появилось на-

чало.

— Нашли? — спросил Миллс.

— Похоже.

— Серебро?

— Место, откуда его можно начинать искать..

— Бля, — сказал Миллс.

Я сложил бумаги и убрал за рубаху. Теперь надо было проверить водосбор. По рисунку Грейвса он находился за фортом, выше старых домов. Когда-то туда вёл проход вдоль стены, но за двадцать лет всё заросло и развалилось. Первую дорожку завалило камнями. Пришлось идти через остатки старых построек.

Нэд остановился у полуразрушенного навеса.

— Здесь осторожно.

Под навесом сохранился старый деревянный настил. Доски почернели от сырости, местами уже провалились. Под ними был каменный проход.

— Нам туда? — спросил Миллс.

— Мм, да.

Нэд проверил сапогом первую доску, потом вторую.

— Идём по одному. Наступайте туда же, куда я.

— Я умею ходить, господи. Я даже занимался акробатикой, по канатам ходил— сказал Миллс.

— По твоему лицу видно.

Миллс потрогал повязку на щеке.

— А ты вчера сам рядом валялся.

— Потому что тебя вытаскивал, дурень.

— Очень благородно.

— В следующий раз не буду.

Нэд пошёл первым.

За ним Миллс. Потом я.

Доски скрипели под ногами. Справа между камнями уходила вниз тёмная щель. Оттуда тянуло сыростью.

Через несколько шагов Нэд остановился и показал на доску возле стены.

— Вот сюда не наступать.

Миллс перешагнул через неё.

— Я не слепой.

Он сделал ещё шаг.

Под ним громко треснуло.

Миллс провалился вниз вместе с несколькими досками.

— Сука, ипанный Иуда!

Я успел отскочить.

В воздух поднялась пыль.

— Миллс! — крикнул Нэд.

— Живой!

— Ноги целы?

— Вроде да!

Когда пыль немного осела, я заглянул вниз.

Миллс застрял примерно в двух метрах под нами. Одной ногой он стоял на камне, второй упирался в обломки. Правой рукой держался за балку.

Левую прижало доской.

— Руку зажало, — сказал он.

Нэд сразу достал верёвку.

— Не дёргай её.

— Я и не собирался.

— Пальцами можешь двигать?

Миллс пошевелил ими.

— Могу.

— Тогда не всё так плохо.

Нэд обвязал себя верёвкой.

— Я спущусь.

— Я с тобой, — сказал я.

Он посмотрел на мою перевязанную руку.

— Нет.

— Нэд.

— Капитан, мне там нужен человек с двумя рабочими руками. А не второй, которого потом тоже придется вытаскивать.

Спорить было бессмысленно.

Я поставил двух матросов у стены.

— Верёвку оберните вокруг камня. Если Нэд сорвётся, руками его не удержите.

Они сделали, как я сказал.

Нэд спустился вниз.

— Ну? — спросил Миллс.

— Думаю, руку тебе отпилить.

— Я тебя убью.

— Чем?

Миллс посмотрел на прижатую кисть.

— Второй рукой.

— Значит, жить будешь.

Нэд осмотрел доску.

— Просто поднять нельзя. Сверху ещё одна балка держится. Посыпется всё.

— Что надо? — спросил я.

— Кусок дерева покрепче.

Мы нашли короткий брус и спустили ему.

Нэд подставил его под балку и несколько раз ударил обухом топора.

— Теперь тяните немного.

Мы натянули верёвку. Балка поднялась всего на несколько сантиметров. Миллсу этого хватило. Он резко выдернул руку и прижал к груди.

— Всё, мужики. Тащите меня наверх.

— Ногу сначала вытащи.

Сапог застрял между досками. Нэду пришлось почти снять его с ноги.

Только после этого Миллса обвязали верёвкой.

Мы поднимали его медленно. Я следил, чтобы канат не попал на острый край камня.

Когда показались плечи, мы схватили его и вытащили на целые доски.

Миллс лёг на спину.

— Всё?

Снизу ответил Нэд:

— Да. Я тут останусь.

Пришлось вытаскивать ещё и его.

Нэд сразу подошёл к Миллсу.

— Дай руку.

— Не трогай.

— Дай.

Кисть уже опухала. Пальцы двигались, но сжать их Миллс не смог.

Нэд осторожно потрогал запястье.

— На перелом не похоже.

— Ты теперь лекарь?

— Нет. Хью сам тебе скажет, насколько ты идиот.

Миллс сел.

— Я на ту доску не наступал.

— Я видел, акробат.

— Значит, не моя вина.

Нэд посмотрел на огромную дыру в настиле.

— Конечно. Остров сам решил тебя убить.

— Вот именно.

Я усмехнулся.

Миллс посмотрел на меня.

— Вам тоже смешно?

— Ты живой.

— Пока.

— Тогда не ной.

Обход занял ещё минут двадцать.

Миллса хотели отправить обратно к лодке, но он отказался.

— Я могу идти.

— Тогда иди, — сказал Нэд. — Только руками ничего не трогай.

— Одной рукой особенно удобно.

— Значит, наконец перестанешь лезть куда не надо.

До водосбора добрались с другой стороны.

Это был большой каменный резервуар, наполовину ушедший в землю. Когда-то дождевая вода стекала туда с крыши и стен форта по желобам. Почти все желоба развалились, но вода внутри ещё была.

Нэд опустил ведро, послышался плеск. Через минуту он поднял его обратно. Вода была немного мутной. Сверху плавали листья. Нэд понюхал, потом попробовал.

— Нормальная.

Я тоже отпил. Тёплая, но после воды из корабельных бочек казалась почти хорошей.

— Значит, хоть что-то нашли.

Нэд посмотрел на развалины вокруг.

— Только быстро её отсюда не утащишь. Проход завален. К каждой бочке придётся таскать ведром.

— Берём сколько успеем.

С нами были две небольшие бочки и несколько кожаных ёмкостей. Я отправил одного матроса к лодке за остальными.

Сам вернулся к Миллсу.

Он сидел в тени возле стены и держал больную руку на колене.

— Хью обрадуется, — сказал я.

— Он меня убьёт.

— Тогда рука уже не понадобится.

— Спасибо, капитан.

Я хотел пройти дальше, но заметил у его сапога рыбью кость.

Свежую.

На неё садились мухи.

— Это ваше?

Миллс посмотрел вниз.

— Я сухарь ел. Мне солонину не дали.

Рядом лежала ещё одна кость.

Чуть дальше я увидел кусок угля.

За стеной нашёлся небольшой навес, почти скрытый кустами. Под ним недавно разводили костёр. Зола была свежая. Возле стены валялась пустая бутылка и обрезки верёвки.

Нэд подошёл следом.

— Наши?

— Нет.

Он присел возле костра и потрогал золу.

— Не сегодня. Но недавно.

— День?

— Может, два. Может, три.

За навесом склон уходил вниз к бухте.

Я поднялся чуть выше.

Отсюда было видно всё: вход в бухту, камни, наш проход и море дальше.

Хорошее место, чтобы следить за тем, кто приходит на остров.

Миллс подошёл сзади.

— Думаете, нас ждали?

— Не знаю.

Нэд поднял кусок верёвки.

— Здесь лодку вытаскивали.

— Давно?

— Следы ещё есть.

Я посмотрел на «Ведьму».

Белл говорил, что сам здесь не был.

Вполне мог не врать.

Но Харроу мог прислать других.

— И куда они потом делись? — спросил Миллс.

Я уже хотел ответить, когда со стороны бухты раздался выстрел.

Один. Через несколько секунд второй.

Мы все замолчали.

— Это с «Ведьмы», — сказал Нэд.

Это сигнал. Мы сразу пошли вниз и у лодки нас встретил матрос.

— Парус на востоке!

Воду пришлось бросить. Успели наполнить только две ёмкости.

— Остальное потом, — сказал Нэд.

Миллс посмотрел на море.

— Если будет еще это «потом».

Он попытался взять весло здоровой рукой.

Нэд вырвал его.

— Сядь.

— Я одной рукой могу это делать.

— Можешь одной рукой сидеть пердеть.

— Да пошёл ты.

— Сядь, сказал.

Миллс сел.

Мы оттолкнулись от берега.

Обратно мы шли быстрее. Проход уже знали, поэтому почти не останавливались.

На полпути я тоже увидел парус.

Далеко за «Ведьмой» белело небольшое пятно.

— Может, торговец, — сказал один из матросов.

Никто не ответил.

Когда подошли к кораблю, Бриггс уже стоял у борта с подзорной трубой.

— Кто там? — крикнул я.

— Сначала поднимайтесь.

Нас втащили на борт. Миллсу пришлось помогать. Он ругался, но больную руку уже почти не двигал.

Хью увидел его.

— Нет.

Миллс остановился.

— Что нет?

— Я не хочу знать, что ты опять сделал.

— Тогда не спрашивай.

— Сядь.

— Да что вы все сядь да сядь...

Хью взял его за больное запястье.

Миллс побледнел и сам сел на бочку.

Я подошёл к Бриггсу.

— Ну?

Он не отрывался от трубы.

— Сначала думал, обычная шхуна.

— А теперь?

Бриггс опустил трубу.

Посмотрел на меня.

— Это Харроу.

Глава 13. Не забуду

Я ещё раз поднял подзорную трубу, хотя после слов Бриггса смотреть туда не хотелось. Корабль шёл с востока, медленно приближаясь к острову. Даже с такого расстояния было видно, что он крупнее «Ведьмы»: выше борт, тяжелее корпус, больше людей на палубе. Пушки я сосчитать не смог, но их точно было достаточно, чтобы не проверять удачу в честном бою.

— Насколько всё плохо? — спросил я, опуская трубу.

Бриггс забрал её и снова посмотрел на корабль.

— Если он поймает нас в открытой воде и встанет борт к борту, можете сразу начинать придумывать очень убедительную речь о том, почему мы должны остаться живы.

— А ты?

— Ахах, а я буду стоять рядом и подсказывать, что говорить.

— Мдэ, успокоил.

Бриггс усмехнулся, но глаза у него оставались серьёзными.

— Есть одна хорошая новость. Сюда он просто так не полезет.

Я посмотрел в сторону входа в бухту. Корабль Харроу уже убирал часть парусов и держался намного дальше от берега, чем утром шла «Ведьма». И только теперь до меня окон-

чательно дошло, зачем мы почти час ползали по бухте на шлюпке, бросали лот и искали подводные камни.

Мы знали проход.

А Харроу — нет.

— Значит, пока гряда на нашей стороне.

— Пока, — повторил Бриггс. — Если он не полный идиот, скоро тоже начнёт промеры.

— А он полный идиот?

Бриггс посмотрел на меня.

— Вы с ним несколько лет знакомы.

— Допустим, сегодня я просто решил проверить твоё мнение.

— Тогда нет, к сожалению.

Он развернулся к команде и уже другим голосом приказал приготовить пушки, убрать с палубы всё лишнее и держать порох внизу до отдельного приказа. Люди сразу зашевелились. Ещё минуту назад половина глазела на дальний корабль, а теперь таскали ядра, открывали пушечные порты, складывали в сторону бухты верёвки и бочки, которые могли помешать во время боя.

Мне понравилось, что никто не бегал без толку.

Не понравилось только то, насколько привычно они всё это делали.

Парень в красном платке пронёс мимо меня два ядра сразу, одно на каждую руку. Я видел его раньше у носовых пушек, но имени почему-то не знал.

— Эй.

Он остановился.

— Капитан?

— Как тебя зовут?

Он удивился сильнее, чем если бы я попросил отдать мне ядро.

— Финн.

— Сегодня постарайся не умереть, Финн.

Парень посмотрел сначала на меня, потом на приближающийся корабль.

— Я вообще-то и завтра собираюсь жить, капитан.

— Тогда продолжай в том же духе.

— Есть.

Он побежал дальше.

Я сам не понял, зачем спросил имя.

Хью сидел у кормы перед Миллсом и затягивал новую повязку на его разбитой кисти. Миллс косился на чужой корабль и явно хотел встать, но лекарь каждый раз толкал его обратно.

— Хью, я могу хотя бы заряжать пушки.

— Нет.

— Почему нет? У меня вторая рука целая.

— Именно поэтому я хочу, чтобы она такой и осталась.

— А если начнётся бой?

Хью сильнее затянул повязку.

Миллс зашипел.

— Если начнётся бой, ты будешь сидеть здесь и очень мужественно не мешать тем, кто может держать оружие двумя руками.

— Ты когда-нибудь лечишь без издевательств?

— Иногда. Но ты тогда обычно без сознания.

Миллс хотел ответить, но заметил меня и ткнул подбородком в сторону корабля Харроу.

— Вот теперь наконец-то у нас начался настоящий суровый день для пирата. Главное не сдохнуть.

— У тебя он начался ещё на острове, акробат.

— Там была разминка.

Я оставил их и подошёл к Беллу.

Белл тоже смотрел на корабль Харроу. Теперь он уже не скрывал, что рад его видеть.

— Ну вот. Я же говорил, что он придёт.

— Вчера ты был не такой разговорчивый.

— А теперь и говорить особо не о чем.

Я посмотрел на него.

— Для тебя сейчас как раз лучше объяснять всё очень подробно. Если Харроу решит открыть по нам огонь, я первым делом привяжу тебя к борту с той стороны, откуда он стреляет.

Белл повернул голову.

— Не привяжете.

— Это ещё почему?

Он помолчал секунду и ответил:

— Потому что вы не Роу.

Вот этого я не ожидал.

Я почувствовал, как внутри всё неприятно сжалось, но лицом постарался ничего не показать.

— А ты, Мартин, слишком много думаешь для человека со связанными руками.

— У меня времени много.

— Могу исправить.

Он улыбнулся, но уже не так сильно.

Я отошёл, прежде чем он успел сказать что-нибудь ещё.

Корабль Харроу остановился далеко от входа в бухту. Бриггс снова поднял трубу и некоторое время молча смотрел туда.

— Что делает?

— Лодку спускают.

— Сколько людей?

— Трое.

Он задержался.

— Харроу среди них.

Я даже переспросил:

— Сам?

— Да.

Переговоры значит, лучше бы он начал палить по нам.

Человек, который добровольно идёт втроём на корабль врага, либо совсем не ценит свою жизнь, либо уверен, что ему ничего не сделают.

Судя по всему, Харроу относился ко вторым.

На его корабле подняли белую ткань.

— Хочет говорить, — сказал Бриггс.

— Вижу.

— Мы можем его не принимать.

Я посмотрел на тёмный корпус за бухтой.

— И что дальше?

— Тогда узнаем, насколько он сегодня раздражён.

— Не хочу.

— Я тоже.

Я приказал людям оставаться у пушек. Никто не должен был стрелять без команды, но и выглядеть так, будто мы испугались белой тряпки, мне не хотелось.

Харроу, похоже, думал так же. Пока его лодка шла к нам, на корабле за ней несколько пушек развернули в сторону «Ведьмы». Даже идиоту было понятно: если лодка не вернётся, разговор продолжится ядрами и книппелями.

Нэд подошёл ко мне и посмотрел вниз на лодку.

— С оружием пустим?

— Длинное пусть оставят. Пистолеты могут взять.

Он посмотрел на меня.

— Даже Харроу?

— Даже его.

— Не боитесь?

— Боюсь. Но показывать ему это не собираюсь.

Нэд усмехнулся.

— Узнаю настоящего Роу.

— Только не привыкай.

Бриггс услышал нас и покачал головой.

— Если оба не закончите выяснять, кто кого уважает, Харроу уже приехал.

Первым через борт поднялся один из его людей. Крепкий, загорелый, лет тридцати пяти, с саблей и двумя пистолетами за поясом. Второй был моложе и меньше. Они быстро оглядели палубу, пушки, людей, а потом разошлись в стороны.

Харроу поднялся последним.

Я почему-то ждал, что Харроу окажется здоровенным мужчином. Наверное, потому что до этого слишком много слышал о нём.

Он оказался среднего роста, худой, лет сорока с небольшим. Тёмные волосы собраны сзади, борода короткая и аккуратная. Кафтан простой, но хороший. Рубаха чистая. Сапоги тоже. Не было ни золота на шее, ни десятка пистолетов, ни прочей ерунды, которой я почему-то ждал от человека с такой репутацией.

Если бы встретил его в трактире, решил бы, что это торговец, а не пират.

Он поднялся на палубу, сначала посмотрел на Бриггса, потом на пушки, потом заметил Белла возле мачты.

И только после этого перевёл глаза на меня.

Несколько секунд он просто смотрел.

— Натаниэль.

Я понятия не имел, как Роу обычно его приветствовал, поэтому выбрал самое безопасное.

— Элиас.

Харроу медленно оглядел мою голову, перевязанную ладонь и рубаху, под которой ещё болело.

— Вижу, тебя всё-таки кто-то догнал.

— Неделя была насыщенная.

— Раньше ты не позволил бы мне вот так подняться на свой корабль.

— Люди меняются, Элиас.

Он чуть приподнял бровь.

— Вот это меня и беспокоит.

Голос у него был спокойный. Никакого рычания и попыток показать всем, какой он страшный. Мне даже приходилось вслушиваться.

И почему-то именно это сильно раздражало.

— Ты приплыл обсудить мои перемены?

— Нет. Для этого мне понадобилось бы больше времени и, возможно, бутылка чего-нибудь крепкого.

— Тогда говори, зачем пришёл.

— Не торопись. Мы давно не виделись.

— Мне говорили, ты по мне скучал. — сказал я.

— Я скучал по двум мешкам песо.

Бриггс рядом кашлянул.

Я сделал вид, что не заметил.

Харроу прошёл несколько шагов по палубе. Люди перед

ним расступались. Не потому, что он их пугал. Просто большинство знало его.

Это мне не понравилось.

— Где Белл? — спросил он.

Я кивнул в сторону мачты.

— Твой человек здесь.

Харроу посмотрел туда.

— Мартин.

Белл поднялся.

— Капитан.

— Выглядишь плохо.

— Здесь кормят хуже, чем у вас.

Со стороны камбуза сразу раздался голос Педро:

— Врёт! Niño de puta! (Сукин сын!)

Несколько человек засмеялись.

Харроу впервые повернул голову к камбузу, и Педро появился в дверях с большим ножом в руке и полотенцем через плечо.

— А вот и ещё одна моя потеря, — сказал Харроу.

Педро нахмурился.

— Я не твоя потеря.

— Ты был моим поваром.

— Я был несчастным человеком на твоём корабле.

— Ты ушёл вместе с Натаниэлем.

— Потому что он хотя бы не говорил, что моя похлёбка похожа на помои.

Харроу чуть улыбнулся.

— Я сказал, что она пахнет помоями. Это не одно и то же.

Педро ткнул в него ножом.

— И мой хороший нож у тебя остался.

— Ты вынес половину кухни.

— Потому что половина кухни была моя.

— Даже медная кастрюля?

— Особенно кастрюля.

По палубе прошёл смех.

Педро вошёл во вкус.

— И если она поцарапана, я тебе счёт выставлю. Те *juro que te arranco las orejas!* (Клянусь, уши тебе оторву!)

Харроу посмотрел на меня.

— Ты понимаешь, что украл у меня не только карту и серебро? Ты забрал человека.

— Я начинаю понимать, почему ты так зол.

— Я сам ушёл! — сказал Педро.

— Мы уже поняли, — ответил я.

— Хорошо. Тогда я пошёл готовить, — сказал Педро.

Он сделал два шага, потом обернулся.

— Кастрюлю верни.

Теперь рассмеялся даже Харроу.

— Если останется целой, верну, — сказал он.

Педро ткнул в него пальцем.

— Она останется целой, а ты нет.

Педро исчез внутри.

Смех быстро стих.

Харроу посмотрел на людей вокруг и сказал уже совсем другим тоном:

— Забавно, что Натаниэль так хорошо помнит моего повара и так плохо помнит, как мы должны были делить добычу.

Я почувствовал, как Бриггс рядом напрягся.

Вот теперь Харроу начал то, ради чего поднялся сюда.

— На испанский корабль мы шли вместе, — продолжил он. — Мои люди и люди Роу. Был уговор: всё, что берём, делится между командами. Не поровну по головам, конечно. По долям. Как положено.

Он говорил не мне.

Он говорил это всем.

— На борту оказалось немного серебра, старый испанский штурман, туба с картой и Педро, который, как выяснилось, стоил дороже серебра, если считать количество шума. А ночью ваш капитан решил, что делиться больше не хочет. Взял два мешка, тубу, карту и ушёл.

На палубе стало тихо.

Я чувствовал на себе взгляды.

Пираты могли спокойно принять, что капитан кого-то ограбил.

Но когда речь заходила о долях, всё становилось иначе.

Харроу это прекрасно понимал.

— Спроси у него, Бриггс, — сказал он. — Может, он хотя

бы с вами разделил то серебро.

Бриггс посмотрел на Харроу без всякой улыбки.

— Ты пришёл сюда деньги считать или по делу говорить?

— Одно другому не мешает.

— Мне мешает.

— Не сомневаюсь. Ты всегда не особо блистал интеллектом

— Зато хорошо считаю зубы после драки. Хочешь проверить?

Харроу усмехнулся.

— Ахах, старый, добрый Бриггс. Замочу же тебя.

Я вмешался, пока они не начали вспоминать друг другу всё за последние десять лет.

С Харроу мне приходилось особенно следить за каждым словом. Он слишком хорошо знал прежнего Роу и уже несколько раз смотрел на меня так, будто замечал что-то не то. Поэтому перед каждым ответом я успевал подумать, что Роу мог знать, как мог говорить и на чём лучше вообще не заострять внимание.

К счастью, думать и говорить одновременно я умел. В прошлой жизни у меня было два высших образования, а до того, как я окончательно ушёл в дайвинг, я несколько лет преподавал биологию в университете. Перед студентами тоже нельзя было зависнуть на полминуты после неожиданного вопроса. Только там ошибка грозила максимум глупым видом перед аудиторией.

Здесь одна неудачная фраза могла закончиться гораздо хуже.

— Элиас. Ты не стал бы тащиться сюда только ради старого серебра. Что тебе нужно?

Он посмотрел на меня.

— Наконец-то.

Харроу расстегнул кафтан и полез во внутренний карман. Почти одновременно рядом щёлкнули курки.

Один из его людей тоже дёрнул руку к пистолету.

— Спокойно, — сказал Харроу, даже не повернув головы.

— Если бы я собирался стрелять в Натаниэля, выбрал бы место подальше от двадцати его друзей.

Он медленно вынул сложенный лист.

Я увидел рваный край и сразу понял, что это.

Старые страницы из журнала Грейвса.

Харроу развернул лист не полностью, только настолько, чтобы я успел увидеть почерк.

— Это искал?

— Где остальные?

— У меня.

— Все четыре?

— Белл оказался полезен мне.

Белл у мачты поднял голову, но Харроу даже не посмотрел на него.

— Что там написано? — спросил я.

— Вот это хороший вопрос. И гораздо дороже двух меш-

ков серебра.

— Ты хочешь карту.

— А ты хочешь страницы.

— Значит, обмен.

Харроу сложил лист обратно.

— Я бы назвал это возвращением украденного хозяевам,
— сказал он.

— Очень хорошо сказано, — ответил я.

— Мне нравится.

— Только карта не твоя.

Харроу чуть усмехнулся.

— Половина была моей до того момента, как ты украл
всю.

— Значит, плохо охранял.

После этих слов он смотрел на меня с нахмуренным лицом.

— Вот сейчас ты снова стал похож на себя. А то все какой
то странный.

Мне не понравилась эта фраза.

Бриггс тоже это заметил и посмотрел сначала на Харроу,
потом на меня.

Сам Харроу, похоже, понял, что попал куда-то слишком
близко, но развивать тему не стал.

Он убрал страницу и сказал:

— Четыре листа и карта. Мы смотрим всё вместе и идём
далее вместе.

— Нет.

— Я ещё не закончил.

— А я уже ответил.

— Натаниэль, иногда упрямство выглядит мужественно.

Но чаще просто глупо.

— Переживу.

— Это как раз не гарантировано.

Он подошёл ближе, но остановился в двух шагах от меня.

— Ты думаешь, я твоя главная проблема.

— Сейчас ты стоишь на моём корабле, а твои пушки смотрят на меня. Логично начать с тебя.

— Тогда плохие новости. Я даже не самый неприятный человек, который скоро начнёт тебя искать.

— Хорошо, удиви меня.

Харроу помолчал.

— Дон Эстебан де Веласко.

Имя мне ничего не сказало.

Зато Бриггс тихо матерился.

Харроу услышал.

— Вот Бриггс помнит.

Я посмотрел на него.

— Кто это?

Бриггс ответил не сразу.

— Испанец. *Guarda costa*. Ловит контрабандистов, пиратов и всех, кто ходит там, где испанцам не нравится.

— Таких много?

— Англичан почти всех не любит.

Харроу помолчал и добавил:

— А если узнает про старый королевский конвой, станет ещё хуже. Для него это испанские корабли и испанское серебро. Он просто так от этой истории не отстанет.

— Он уже знает про нас?

— Пока только знает, что кто-то ищет конвой. И слышал про Кейна.

— Откуда?

— Двое людей Кейна попались испанцам возле Кубы. Один заговорил.

— А второй?

Харроу посмотрел на меня.

— Второму повезло меньше.

Ясно было и без подробностей.

— И теперь Веласко тоже ищет след?

— Похоже на то.

Я посмотрел на Харроу.

— А меня ты зачем предупреждаешь?

— Потому что если Веласко доберётся до тебя первым, карта окажется у него.

— И тебя это не устраивает.

— Совсем.

Вот теперь всё сходилось. Харроу не пытался меня спасти. Ему просто нужен был я вместе с картой, а не испанцы вместо меня.

— Значит, испанец хочет конвой.

— Именно.

— А ты хочешь карту.

— И свою долю.

— Конечно.

Харроу пожал плечами.

— Есть ещё один человек.

Я посмотрел на него.

— Сегодня прямо праздник новых знакомств.

— Томас Уэйн.

Я снова промолчал.

Харроу почесал бороду.

— Его ты тоже не помнишь?

Я заметил, как Бриггс посмотрел на меня.

— Я хочу услышать, что ты о нём знаешь, — сказал я.

Харроу помрачнел.

— Молодой британский офицер. Упрямый, правильный и очень любит ловить пиратов. Карта, золото и вся эта история с конвоем ему не нужны.

— Тогда зачем он нам?

— Ему нужен ты, Натаниэль.

Глава 14. Цена карты

Я почувствовал неприятный холод внутри себя. Мне стало не по себе.

— Зачем?

Харроу усмехнулся.

— Ты хочешь целый список?

— Краткую версию, пожалуйста.

— Ух, какой вежливый ты, Роу. Я думаю тут очевидно. Пиратство. Ограбления. Убийства. Захват судов. Нападения на людей короны. Думаю, если Уэйн будет в хорошем настроении, он найдёт ещё десяток пунктов.

Миллс от кормы крикнул:

— Скажите ему, пусть очередь занимает!

Несколько человек засмеялись.

Харроу повернулся туда.

— Это кто? — спросил Харроу, кивнув в сторону Миллса.

— Наш человек по сложным переговорам, — ответил я.

Миллс поднял перевязанную руку.

— Сегодня я ещё и по строительству. Проверял остров на прочность.

Харроу посмотрел на его кисть.

— И как?

— Остров пока держится.

— Понятно.

Харроу снова посмотрел на меня.

— У тебя всё ещё странная команда.

— Зато моя.

— Посмотрим.

Он сказал это спокойно, но в голосе уже не было ничего дружелюбного.

— И что ты предлагаешь? — спросил я.

— Сегодня мы не стреляем друг в друга. Ты отдаёшь мне Белла, показываешь карту, я показываю четыре страницы. Потом решаем, что делать дальше.

— Белл остаётся.

Возле мачты пленник резко поднял голову.

Харроу посмотрел на него.

— Почему?

— Он залез на мой корабль, напал на людей и пытался украсть бумаги. Пока я не закончу с ним, он мой.

— Мартин, похоже, ты снова нашёл неприятности.

Белл нахмурился и громко сказал.

— Бля, Элиас, заberi меня отсюда.

Харроу посмотрел на него совершенно безэмоционально.

— Если договоримся, то обязательно.

Белл несколько секунд молчал, явно не веря, что услышал.

— Я четыре страницы тебе достал.

— Да.

— Меня чуть не убили.

— Но не убили.

— И это всё?

Харроу чуть наклонил голову.

— А что ты хочешь услышать, Мартин? Что я сейчас отдам Роу карту, корабль и половину команды, потому что ты неудачно забрался к нему ночью?

Белл побледнел.

Даже Миллс перестал ухмыляться.

Харроу повернулся ко мне.

— Теперь понимаешь, почему мои люди стараются работать хорошо.

— Очень тёплая атмосфера.

— Дисциплина редко бывает тёплой.

Я посмотрел на Белла.

Сейчас мне впервые стало его почти жалко.

Почти.

— Значит, Белл остаётся. Карту ты не получишь. Что дальше?

Харроу вздохнул.

— Тогда всё почти как раньше.

— Почти?

— Раньше я не знал, куда ты идёшь.

Он оглянулся на остров.

— Теперь знаю.

Мы помолчали.

И вот тогда до меня дошло, что всё это время Харроу не только разговаривал.

Он смотрел. Считал людей и оценивал пушки.

Увидел Миллса с повреждённой рукой, мои повязки, состояние снастей. Посмотрел на вход в бухту и наверняка понял, что мы нашли безопасный проход.

Он поднялся сюда не просить. И даже не столько торговаться. Он пришёл посмотреть, что у меня есть.

И теперь увидел почти всё. Это была моя большая ошибка.

Харроу задержался ещё на несколько секунд, будто ждал, что я всё-таки передумаю. Потом поправил кафтан и кивнул своим людям.

— Что ж. Я предложил тебе довольно хороший вариант.

— С твоей точки зрения.

— Другой у меня и не бывает.

Он направился к борту, но возле Белла остановился. Мартин сразу поднялся на ноги.

— Элиас, прошу.

Харроу посмотрел на него.

— Я слышу.

— Ты серьёзно меня здесь оставишь?

— Натаниэль пока не согласился на моё предложение.

— При чём тут это? Я достал тебе страницы. Я сделал всё, что ты приказал.

Харроу вздохнул, и впервые в его голосе появилось раздражение.

— Мартин, ты забрал страницы у старика, отправил их

мне, а потом зачем-то решил вернуться на корабль Роу и позволил себя поймать. Последнее я тебе не приказывал.

— Я хотел узнать, куда они идут.

— Теперь знаешь.

Белл дёрнул связанными руками.

— И что мне с этим знанием делать?

Миллс от кормы ответил раньше Харроу:

— Можешь нам рассказывать. Мы любим истории.

Белл даже не посмотрел на него.

Харроу подошёл ближе к пленнику и заговорил тише, но слышали всё равно многие.

— Я тебя заберу. Когда это перестанет стоить мне больше, чем ты сам. До тех пор постарайся не раздражать Роу. У него раньше был скверный характер.

Он перевёл взгляд на меня.

— Хотя теперь я уже ни в чём не уверен.

— Трогательно заботишься о своих людях.

— Именно поэтому большая часть моих людей до сих пор жива. Я не меняю корабли, карты и хорошие позиции на одного человека только потому, что ему стало страшно.

Белл отвернулся.

Мне этот разговор не понравился. Не потому, что Харроу был неправ. Наоборот. В его словах была неприятная логика. Просто я представил на месте Белла кого-нибудь из наших и понял, что сам так сказать не смог бы.

Харроу уже поставил ногу на трап, когда снова обернулся.

— Натаниэль.

— Что ещё?

— Не уходи далеко. Подумай. Четыре страницы у меня, карта у тебя. Веласко ищет тех, кто ищет конвой, Уэйн ищет твою потную задницу. Из всех людей вокруг я пока единственный, кому выгодно, чтобы ты оставался жив.

— Очень утешает.

— Зря смеёшься. Через неделю можешь вспомнить этот разговор с теплотой.

— У меня в последнее время проблемы с памятью.

Харроу посмотрел на меня несколько секунд.

На мгновение я решил, что ляпнул лишнее.

Но он только усмехнулся.

— Тогда запиши в свой журнал, ты там часто что то рисуешь.

Он спустился в лодку.

Я проводил её взглядом. Никто на палубе не говорил, пока люди Харроу не оттолкнулись от «Ведьмы» и не начали грести обратно.

Потом за моей спиной кто-то произнёс:

— Капитан.

Я обернулся.

Говорил один из старших матросов, имени которого я пока не знал. Рядом стояли ещё трое. Они вроде бы продолжали заниматься снастями, но на самом деле слушали.

— Харроу соврал про серебро?

Вот оно.

Я мог приказать ему заткнуться. Старый Роу, возможно, так бы и сделал. После моей утренней речи Бриггсу это даже выглядело бы последовательно.

Только Харроу бросил вопрос не мне одному. Он бросил его всей палубе.

— Нет, — сказал я. — Насчёт серебра не соврал.

Бриггс медленно повернул голову в мою сторону.

Матрос нахмурился.

— Два мешка?

— Два.

— И карта тоже была общей добычей?

— Насколько я теперь понимаю, да.

По людям прошёл шум. Негромкий, но очень неприятный.

— А почему тогда...

— Потому что ваш капитан поступил как жадный мудака,

— сказал Миллс.

Все посмотрели на него.

Он сидел на бочке, положив перевязанную руку на колени.

— Чего вы на меня уставились? Вы же это спросить хотите.

— Спасибо, Миллс, — сказал я.

— Всегда пожалуйста.

Я снова посмотрел на матросов.

— Харроу рассказал правду не потому, что внезапно полюбил честность. Он хотел, чтобы вы сейчас начали выяснять старые долги, пока его корабль стоит вон там. Но если спрашиваете прямо, я отвечу прямо. Да, серебро было. Да, карта была общей. Что произошло с серебром потом, разберём отдельно. И если выяснится, что кому-то из вас причиталась доля, которую не выплатили, этот разговор будет.

— Когда? — спросил кто-то дальше.

— Когда корабль Харроу перестанет тыкать в нас пушками.

Мужчина передо мной помолчал.

— А если не перестанет?

Миллс пожал здоровым плечом.

— Тогда долги нам всем уже будут без надобности.

Несколько человек хмыкнули.

Напряжение никуда не исчезло, но хотя бы перестало расти.

Я добавил:

— После этого похода можете хоть потребовать с меня каждый шиллинг и решить, нужен ли вам такой капитан. Сейчас мне нужно, чтобы вы делали свою работу. Иначе решать, что делать дальше будет некому.

Матрос кивнул.

— Ладно.

Он ушёл к остальным.

Бриггс подошёл ближе.

— Смело.

— Глупо?

— Не знаю.

— Мне показалось, соврать сейчас было бы хуже.

— Было бы. Харроу наверняка оставил на берегу или в портах людей, которые знают ту историю. Ложь продержалась бы до первого трактира.

Я посмотрел на удаляющуюся лодку.

— Он всё это заранее продумал.

— Поэтому до сих пор жив.

— Очень мерзкий человек.

— Вы раньше говорили то же самое.

Я повернулся к Бриггсу.

— Серьёзно?

— Только матов было больше.

Лодка Харроу уже подходила к его кораблю. Я следил, как люди цепляются за трап и поднимаются наверх.

Времени у нас было совсем немного.

— Поднять якорь.

Бриггс не сразу понял.

— Что?

— Уходим.

— Сейчас?

— Именно сейчас. Пока он думает, что я буду торговаться.

Бриггс посмотрел на море, потом на берег.

— Куда?

Я показал на северную кромку бухты.

— Держимся ближе к острову. Там, где утром промерили воду. Мы знаем, где гряда и где можно пройти, а Харроу нет.

— Его корабль быстрее на открытой воде.

— Поэтому в открытую воду сразу и не полезем.

Нэд уже подошёл и слушал наш разговор.

Я повернулся к нему.

— Если поведём «Ведьму» вдоль гряды, мы пройдем?

Он посмотрел на воду, прищурился.

— Если не полезете ближе, чем мы утром ходили, то пройдем. Но места будет мало. Ошибёмся, и сядем.

— А Харроу?

— Его судно тяжелее нашего. Если полезет следом без промера, рухнет раньше.

Бриггс провёл ладонью по бороде.

— Мне всё это не нравится.

— Мне тоже. Есть предложение лучше?

— Можно отдать Харроу карту, капитан.

Я посмотрел на него.

— Ты серьёзно?

— Он покажет страницы. Мы хотя бы узнаем, что там было.

— А заодно он увидит всё, ради чего мы сюда приплыли.

Я покачал головой.

Харроу только что поднялся на наш корабль, пересчитал

людей, посмотрел на пушки, узнал, что мы нашли проход к острову, и ещё успел натравить на меня половину команды разговором про серебро. Я не верил, что после этого он вдруг честно покажет четыре страницы, посмотрит карту и скажет: «Спасибо, Натаниэль, дальше каждый сам за себя».

Ему нужна была карта. Пока она оставалась у меня, у Харроу была причина разговаривать. Отдай я её или просто покажи достаточно подробно, и неизвестно, зачем вообще стану ему нужен.

— Нет, — сказал я. — Пока карта только у нас, ему приходится со мной считаться.

Бриггс несколько секунд молчал, потом вздохнул.

— Тогда хотя бы не командуйте рулевому сами.

— Я настолько плох?

— Вы только сегодня узнали, что такое створ.

— Хмм, справедливо.

Он развернулся.

— Поднять якорь! Готовить паруса! Нэд, на нос. Будешь смотреть воду. Рулевой слушает тебя и меня, капитана сегодня не слушает вообще.

— Эй.

— Вы сами разрешили мне один раз сказать, что творите хуйню.

— Ты это уже использовал утром.

Бриггс на секунду задумался.

— Тогда этот раз в долг.

Команда снова пришла в движение.

На корабле Харроу как раз закончили поднимать лодку, когда «Ведьма» начала разворачиваться.

Я увидел движение на его палубе почти сразу.

— Заметили, — сказал Нэд.

— Было бы обидно, если бы нет.

Ветер тянул вдоль берега. Не идеально, но достаточно, чтобы «Ведьма» медленно набрала ход. Мы шли ближе к острову, чем мне хотелось. Вода справа была светлой, местами под ней хорошо просматривалось дно и были видны яркие и необычные рыбы.

Нэд стоял на носу рядом с человеком с лотом.

— Четыре с половиной!

Через несколько секунд груз снова ушёл за борт.

— Четыре!

— Держать! — крикнул Нэд рулевому. — Не правее!

Я оглянулся.

Корабль Харроу тоже начал движение.

Он не полез прямо за нами. Пошёл дальше от острова, стараясь обогнуть мелководье со стороны моря.

— Он хочет выйти нам наперерез, — сказал Бриггс.

— Успеет?

— Если мы застрянем, то успеет.

«Ведьма» прошла мимо первого камня. Я узнал его по белым следам птиц. Второй был под водой, и от этого становилось только неприятнее. Где-то рядом лежала гряда, на ко-

торой утром глубина резко упала почти до двух саженьей.

Человек с лотом снова бросил груз.

— Три с половиной!

Нэд выругался.

— Левее на волос! Только на волос, мать твою!

Рулевой повернул штурвал.

Корабль отозвался на тягу не сразу.

Мне показалось, что мы вообще не двигаемся в сторону. Берег был слишком близко, Харроу слишком близко, а дно под нами существовало где-то там, невидимое и очень твёрдое.

— Четыре!

Нэд поднял руку.

— Так держать, команда!

Я впервые за последние минуты нормально вдохнул.

С моря бухнуло так, что я невольно обернулся. Первое ядро ударило в воду впереди «Ведьмы», подняв высокий фонтан, и ушло под поверхность. До нас оно не долетело метров на двадцать.

— Предупреждает? — спросил я.

Бриггс проследил за расходящимися кругами на воде, потом посмотрел на корабль Харроу.

— Пока да. Одно орудие и намеренно мимо носа. Захочет попасть — стрелять будут уже не так бережно.

На мачте Харроу тем временем пополз флаг на самый верх. Бриггс прищурился, разбирая сигнал, и коротко

усмехнулся.

— Велит нам остановиться и ждать.

— Ух, какой он заботливый.

— Что ответим ему?

— Ничего. Идём дальше.

Следующий выстрел прозвучал раньше, чем я ожидал. Над мачтами протянулся низкий свист, от которого я пригнулся уже после того, как ядро прошло над нами. Верхний край паруса дёрнулся, и на палубу посыпались обрывки ткани.

Я посмотрел на Бриггса.

— Похоже, терпение кончилось.

— Похоже, — ответил он и уже громче крикнул людям у снастей: — Не стойте кучей!

Харроу не стал ждать нашего ответа. С его борта почти одновременно рывкнули ещё две пушки. Первое ядро вспоролло воду за кормой и окатило брызгами рулевого. Второе мы не увидели. Я услышал только сухой, тяжёлый треск где-то наверху, а следом по палубе застучали куски дерева и оборванной верёвки. Люди шарахнулись от мачты. Кто-то закричал, чтобы все легли.

Я вместо этого посмотрел наверх.

Зря.

Тяжёлая рея дёрнулась, повисла одним концом, потом упала вниз вместе с частью паруса.

Прямо туда, где стоял Бриггс.

— Брииггс!

Он обернулся.

Больше ничего сделать не успел.

Рея рухнула на палубу.

Я даже не помню, как оказался рядом.

Парус накрыл половину прохода. Под ним кто-то орал. Люди пытались оттащить верёвки, но те натянулись и не давали поднять дерево.

— Бриггс!

Ответа не было. У меня внутри всё провалилось.

Я схватился за край реи одной рукой. Вторая сразу отозвалась болью.

— Проклятье! Надо поднять! Давайте!

Ко мне подбежали Нэд и ещё двое. Вместе мы приподняли дерево настолько, насколько смогли.

Под парусиной показалась нога.

Потом рука.

Кто-то потянул человека наружу.

Бриггс вылез сам.

На виске у него была кровь, рубаха на плече разорвалась, но он встал.

Я несколько секунд просто смотрел на него.

— Ты...

Он вытер кровь ладонью, посмотрел на неё и поморщился.

— Я же говорил вам не лезть в воду.

Я не сразу понял, что он сказал.

Потом меня пробило.

Я начал смеяться.

Не потому, что было смешно. Просто минуту назад я уже успел увидеть его мёртвым под этой деревяшкой, а теперь этот ублюдок стоял передо мной и напоминал про утреннюю лодку.

Бриггс тоже сначала смотрел на меня как на идиота, потом сам усмехнулся.

— С головой у вас точно плохо.

— Я думал, тебя раздавило.

— Не дождётесь.

Нэд ткнул ему пальцем в плечо.

— Потом будете радоваться. Сейчас отойдите. Вы мне мешаете.

Бриггс хотел возразить, но в этот момент снова ударили пушки Харроу.

— Всем вниз! — заорал я.

Ядро попало в борт ближе к носу.

Вот этот звук я запомнил.

Дерево лопнуло сразу в нескольких местах.

Из борта внутрь полетела целая туча щепок. Не маленьких. Некоторые были длиной с нож.

Раздался крик. Потом ещё один. Я повернулся и Финн лежал возле носовой пушки. Красного платка на голове уже не было. Огромная щепка торчала у него из груди. И на этот раз мне было совсем не смешно.

